

✓ В. Свенцицкій

Промѣнено в 1953 г.

1961

1995

ГРАЖДАНЕ НЕБА

Мое путешествіе къ пустынникамъ кавказскихъ горъ.

Келья пустынника.

ПЕТРОГРАДЪ
1915

75

12 ЯНВ 1916

В. Свенцицкий

№ 4934

ПРОВЕРЕНО

ГРАЖДАНЕ НЕБА

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КЪ ПУСТИНИКАМЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ

СЪ 35 РИСУНКАМИ

ПЕТРОГРАДЪ
1915

I.

Какъ я искалъ пустынниковъ.—Ѣхать или не Ѣхать?—«Строитель монастыря».—«Членъ Государственной Думы».

На Новомъ Аeonѣ есть специальное помѣщеніе для «пустынниковъ»: длинная полутемная комната, съ нарами, покрытыми циновками, вдоль стѣнъ.

Съ горъ въ монастырь приходятъ пустынники къ исповѣди и причастію. Приносятъ на продажу свои издѣлія: ложечки, кресты и четки. Запасаются сухарями и всѣмъ необходимымъ.

Монастырь принимаетъ пустынниковъ,—но не любить ихъ.

Монастырь видитъ въ пустынникахъ косвенное осужденіе себѣ. Это—«протестанты», которыхъ не удовлетворилъ монастырь. Это—люди, предпочитающіе «самочинное спасаніе» монастырскому послушанію и монастырской дисциплинѣ.

— Они ушли отъ насъ—нечего и ходить къ намъ!

Но открыто не гонять. Хотя бываетъ и это.

Одинъ пустынникъ разсказывалъ мнѣ, какъ пришелъ онъ исповѣдаться въ Троицкій монастырь, недалеко отъ Красной Поляны. Иеромонахъ сказалъ ему:

— Ты живешь на рѣчкѣ, подъ скалами—и ступай въ свою рѣчку исповѣдываться!

Первые мои поиски пустынниковъ поэтому же оказались безуспѣшными.

Я пріѣхалъ на Новый Аeonъ съ очень солиднымъ рекомендательнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, было написано: «У подателя такого-то есть очень серьезная духовная нужда видѣть и говорить съ пустынниками, не откажите помочь ему своими совѣтами и указаніями найти ихъ на Кавказскихъ горахъ...»

в. свѣтицкай.

Фраза о «духовной нуждѣ» испортила все!

Какъ это съ «духовной нуждой»—и вдругъ обращаться не къ монахамъ, а къ какимъ-то «пустынникамъ»!

И въ результатѣ на Новомъ Аѳонѣ мнѣ было сказано, что никакихъ пустынниковъ они не знаютъ...

Вѣроятно, я долго бы разыскивалъ пути, по которымъ можно добраться до пустынниковъ, если бы случайно, уже на слѣдующій годъ, не узналъ, что тутъ же, на Аѳонѣ, противъ гостиницы для «чистой публики», есть каморка и для нихъ.

Была Страстная недѣля. Въ монастырь пришло человѣкъ десять пустынниковъ.

Когда я вошелъ къ нимъ, они отдыхали послѣ службы. Нѣсколько человѣкъ за столомъ пили чай. Нѣкоторые лежали на нарахъ. Въ головахъ почти у каждого стоялъ мѣшокъ съ сухарями: они уже получили это монастырское подаяніе.

Я боялся входить къ нимъ. Я думалъ, что, можетъ быть, неловко съ моей стороны врываться къ людямъ, только по необходимости покидающимъ свое безмолвіе; можетъ быть, они не хотятъ ни видѣть, ни разговаривать съ «мірскимъ» человѣкомъ. «Пустынники» рисовались мнѣ мрачными, замкнутыми, непривѣтливыми. Да, кроме того, было жутко какъ-то отъ мысли, что увидишь передъ собой людей, если не святыхъ, то во всякомъ случаѣ вступившихъ на путь святости.

И первое, что поразило —это ихъ простота. Они совсѣмъ, «какъ всѣ»! Сразу исчезла тяжелая неловкость. Простота ихъ невольно передалась мнѣ. Почувствовалось, что и ты съ ними можешь быть простымъ и искреннимъ, какъ ни съ кѣмъ.

Мнѣ хотѣлось побывать въ Аджарахъ—мѣстность, около которой, главнымъ образомъ, живутъ пустынники.

Я спросилъ:

— Нѣть ли кого-нибудь съ Аджарѣ?

— Я оттуда,—сказалъ молодой пустынникъ о. Сергій.—Вы хотите побывать у насъ?

— Да. И не знаю, какъ это сдѣлать.

— Надо, чтобы васъ кто-нибудь проводилъ. Самому трудно. Хотите, я провожу васъ?

— Но я сейчасъ итти не могу. Мнѣ бы хотѣлось не раньше июня. Васъ навѣрное не будетъ здѣсь?

— Это ничего. Вы напишите, когда пріѣдете, а я приду.

— Придете?

— Да. Вы такъ сдѣлайте. Заранѣе напишите въ Драндскій монастырь, что пріѣдете такого-то числа. Мнѣ письмо передадутъ съ кѣмъ-нибудь. Я приду. А изъ монастыря пойдемъ вмѣстѣ.

О. Сергій говорилъ немногіго торопясь, точно спѣшилъ убѣдить меня, какъ все это будетъ хорошо и удобно, и что мнѣ рѣшительно не о чёмъ беспокоиться.

— Вѣдь вамъ до Драндскаго монастыря сто верстъ придется пройти!—не удержался я.

О. Сергій посмотрѣлъ на меня, видимо рѣшительно не понимая, къ чему я это говорю.

— Да, верстъ сто будетъ,—сказалъ онъ,—но дорога до Аджарѣ хорошая, ровная. Отъ Аджарѣ немножко въ гору придется итти... безъ привычки, правда, трудно... Богъ поможетъ... взойдете...

Съ о. Сергиемъ мы на этомъ и рѣшили. Я долженъ былъ написать ему черезъ одного іеромонаха Драндскаго монастыря, когда пріѣду изъ Москвы, а о. Сергій къ этому числу долженъ былъ притти за мной.

Тутъ же, при первой встрѣчѣ, я узналъ объ одномъ дѣлѣ, которое глубоко волновало пустынниковъ. Случилось это такъ. Меня спросили:

— А въ Адлерѣ къ намъ не собираетесь?

— Нынѣшній годъ едва ли,—можетъ быть, послѣ.

— Вы изъ Москвы сами?

— Изъ Москвы.

— Туда поѣхалъ одинъ нашъ пустынникъ—о. Иларіонъ.

— Это который «На горахъ Кавказа» написалъ?

— Нѣть! Того мы «старымъ» Иларіономъ зовемъ. Этотъ моложе... Хлопочетъ о монастырѣ...

— О какомъ монастырѣ?

— Чтобы свой монастырь у насъ былъ, для пустынниковъ.

Я удивился:

— Сами изъ монастырей ушли, а теперь монастырь строить хотите?

О. Сергій сочувственно засмѣялся и быстро вставилъ:

— Вотъ, вотъ, наши то же имъ говорятъ: не надо намъ монастыря. Намъ бы только жить на казенной землѣ позволили. Не гнали бы.

Пустынникъ изъ Адлера сталъ объяснять мнѣ:

— Рѣшили мы хлопотать, чтобы отвели намъ казенной земли сколько-нибудь. Монастырь разрѣшили построить. Но чтобы не такъ, какъ въ другихъ монастыряхъ, а чтобы разрѣшили жить въ монастыря, по-пустынному... Кто какъ хочетъ... И чтобы церковь была своя...

Онъ, видимо, самъ плохо понималъ, какъ все это можно сдѣлать.

О. Сергій снова сказалъ:

— Мы имъ говорили... Богъ съ нимъ, съ монастыремъ!.. Мы и такъ ушли отъ этого, а тутъ опять! Не надо намъ ничего. Хлопотали бы только, чтобы жить позволили на горахъ,—больше ничего намъ не надо...

— Неудобство,—сказалъ грузный монахъ-пустынникъ, какъ я потомъ узналъ, снова рѣшившій вернуться въ монастырь.

— Конечно, въ пустынѣ неудобно, на то и шли,—послышилось нѣсколько голосовъ.

— Пастухи обижаютъ да разбойники,—сердито настаивалъ грузный монахъ.

— Это и въ монастырѣ обидѣть могутъ,—сказалъ я.

— Въ монастырѣ стражниковъ можно поставить.

— Ну, конечно, стражниковъ въ пустынѣ поставить нельзя,—засмѣялся я.

О. Сергій все время сочувственно кивалъ мнѣ головой. И я видѣлъ, что опасность для пустыножительства постройки монастыря онъ понимаетъ вполнѣ. Впослѣдствіи одинъ изъ старыхъ пустынниковъ сказалъ мнѣ прямо:

— Вся эта затѣя о. Иларіона,—бѣсовское дѣло.

О. Сергій не говорилъ такъ опредѣленно, но было видно, что думаетъ онъ именно такъ.

— Приходите къ намъ,—сказалъ мнѣ о. Сергій,—тамъ всѣхъ увидите. Со всѣми поговорите... Мы не хотимъ монастыря.

— А зачѣмъ подписи дали?—почти злобно спросилъ монахъ, предлагавшій стражниковъ.

О. Сергій помолчалъ и сказалъ тихо:

— Чтобы миръ былъ... Пусть хлопочетъ... Мы будемъ жить—попрежнему...

На этомъ споръ кончился. Попрощались до юнія. Я теперь зналъ, что найду то, что искалъ, увижу тѣхъ людей, которыхъ

увидать было для меня такъ важно. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я увидалъ и настоящихъ пустынниковъ и внутренняго врага ихъ въ образѣ «строителя монастыря».

Отъ Сухума до Аджаръ, мѣстности, близъ которой на горахъ живутъ пустынники, восемьдесятъ верстъ.

Драндскій монастырь нѣсколько въ сторонѣ отъ этой дороги въ двадцати верстахъ отъ Сухума.

Свиданіе съ о. Сергіемъ было назначено въ Драндахъ, а потому я не могъ изъ Сухума отправиться прямо въ Аджары.

Обстоятельства дали мнѣ возможность передъ отѣздомъ въ Драндскій монастырь видѣться съ сухумскимъ духовенствомъ.

Прежде всего я сталъ, разумѣется, разспрашивать о пустынникахъ. Высшіе представители бѣлага духовенства свѣдѣнія о нихъ имѣли неясныя, но въ общемъ относились къ нимъ гораздо симпатичнѣе, чѣмъ монахи.

— Мы знаемъ мало объ ихъ жизни,—сказали мнѣ,—иногда они приходятъ къ намъ въ Сухумъ исповѣдываться, впечатлѣніе производятъ очень хорошее. Одного старика, напримѣръ, у насъ прямо считаютъ за святого. Но много бываетъ и неудачниковъ: отъ монастыря отбоятся и въ пустынѣ жить не могутъ. Такъ и бродяжничаютъ изъ монастыря въ горы, съ горъ въ монастырь. Во всякомъ случаѣ, пустыножительство заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Мое путешествіе вызвало большое сочувствіе, но при данныхъ условіяхъ они считали его совершенно невыполнимымъ. Благочинный, въ веденіи которого находится Аджарская церковь, прямо сказалъ:

— Сейчасъ нельзя идти въ Аджары.

— Почему?

— Обвалы! Погода стоитъ небывалая, почти два мѣсяца съ весны идутъ дожди. Дорога до Аджаръ узкая, около скалъ. Падаютъ глыбы камней. На дняхъ около Богатской скалы человѣка убило; дорогу, кажется, не поправили еще.

Другой священникъ предостерегаль отъ грабителей и предлагалъ переговорить съ начальникомъ округа, чтобы до Аджаръ были даны стражники...

Я спросилъ:

— Можно ли достать лошадей до Аджаръ?

— Доѣхать на дилижансъ можно только до Цебельды, тридцать верстъ отъ Сухума, а дальше придется итти пѣшкомъ.

— Развѣ почта не ходить тамъ?

— Что вы! Какая почта! Воть сами увидите,—мѣстность совершенно дикая.

Но въ общемъ всѣ настаивали на одномъ:

— Пока погода не перемѣнится, въ Аджары итти нельзя. Лучше побывать сначала у пустынниковъ близъ Адлера.

Я былъ въ полномъ недоумѣніи: итти или не итти?

Но прежде всего мнѣ надо было сѣѣздить въ Драндскій монастырь, чтобы выяснить, ждетъ ли меня о. Сергій, и усповиться съ нимъ, какъ быть дальше.

Я выѣхалъ изъ Сухума подъ проливнымъ дождемъ. Дорога совершенно размыта. Шоссе превратилось въ жидкую грязь, въ которой разбросаны острые камни. Крылья «линейки» обвисли липкой глиной, съ плоскаго верха и съ спущеннаго брезента на колѣни ручьями льется вода, но лошади несутся вскачъ и, несмотря ни на что, ѻхать весело.

Проехали семь верстъ. Станція. Духанъ. Около духана по обыкновенію масса народа. Кажется, эти люди въ башлыкахъ и черкескахъ только и дѣлаютъ, что сидятъ за столиками, пьютъ вино и ведутъ безконечные разговоры... Ихъ невозможно представить за «работой». И невозможно духанъ представить безъ нихъ.

Извозчикъ поитъ лошадей. Потомъ подходитъ къ столику. Здороваются со всѣми. Что-то говоритъ, очевидно обо мнѣ, потому что всѣ обворачиваются въ мою сторону и разсматриваютъ съ любопытствомъ.

Остановка минутъ десять, и мы скакемъ дальше по жидкой избитой дорогѣ. Чтобы не выскочить изъ линейки, приходится дрежаться обѣими руками. Слава Богу, хоть дождь стихъ, можно откинуть брезентъ и вздохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Шоссе все время идетъ по берегу моря. И нѣть-нѣть откроется изъ-за дачъ темно-голубая полоса, и виденъ рядъ безконечныхъ тучъ до самаго горизонта.

Нѣть, должно быть, сегодня уже не разгуляется!

«Отцы» въ Сухумѣ наговорили мнѣ такихъ страховъ объ Аджарской дорогѣ, что теперь, подъ дождемъ, я почти окончательно рѣшилъ ѻхать сначала въ Адлеръ.

А извозчикъ точно нарочно разсказываетъ:

— Кукуруза нѣтъ... Табакъ нѣтъ... Дороги нѣтъ... Бѣда рабочему человѣку... Такой дождь никогда нѣ былъ Сухумѣ!

— Можетъ быть, пройдетъ теперь.

— Дождь пройдетъ?—Онъ даже поворачиваетъ ко мнѣ свое удивленное лицо.—Зачѣмъ пройдетъ?.. Нѣ пройдетъ...

И, дѣйствительно, точно въ подтвержденіе его словъ облака совсѣмъ нависаютъ надъ моремъ, и въ горахъ глухо отдается громъ.

Драндскій монастырь стоитъ въ полверстѣ отъ мѣстечка Дранды. Дорога къ нему не по шоссе, а проселкомъ. Эти полверсты были сущимъ испытаніемъ. Вылѣзти и итти пѣшкомъ невозможно: потонешь въ глинѣ. Щѣхать тоже почти невозможно, лошади вязнутъ по колѣни, и линейка наклоняется и почти падаетъ то на одинъ, то на другой бокъ.

Но всему бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и этой дорогѣ. Мы вѣхали на ровный зеленый монастырскій дворъ.

Не успѣлъ я подѣхать къ гостиницѣ, какъ ко мнѣ подошелъ монахъ, молодой, съ удивительно яркими голубыми глазами.

— Вы такой-то (назвалъ онъ мою фамилію), изъ Москвы?

— Да. А вы о. Савватій?

Я думалъ, что это тотъ монахъ, на имя котораго надо было писать письма о. Сергію.

— Нѣтъ. Я пустынникъ Иванъ, съ Брамбскихъ горъ. Меня просилъ о. Сергій встрѣтить васъ. Самъ онъ не могъ притти, задержался съ огородомъ; простите его.

Черезъ полчаса мы сидѣли съ о. Иваномъ въ монастырской гостиницѣ, и онъ говорилъ мнѣ о путешествіи въ Аджары:

— Обвалъ, дѣйствительно, былъ, но дорогу очистили. Человѣка убило, тоже правда, но это за сколько лѣтъ одинъ случай! И въ городахъ бываютъ случаи, что дома падаютъ и людей калѣчатъ. Зимой камни то и дѣло летятъ и снѣжные обвалы бываютъ,—ничего, ходимъ. Богъ хранитъ. Грабежей не слышать вовсе. На горахъ дѣло другое: тамъ и пастухи, и разбойники, но они обижаютъ только осенью, когда уходятъ съ горъ.

— А итти пѣшкомъ придется?

— Нѣть, можно и на лошадяхъ. До Цебельды доѣдемъ на дилижансѣ, тамъ переночуемъ на Драндскомъ подворѣ, а я скожу къ поселенцамъ въ Латы, за 20 верстъ, приведу отъ одного поселенца, Филиппа, лошадь. На ней доѣдемъ до Аджаръ. Ну, а къ намъ, на горы, придется ужъ потрудиться... пѣшкомъ...

Въ дверь постучали. О. Иванъ вышелъ. Вернулся черезъ нѣсколько минутъ и сказалъ:

— Васъ желаетъ видѣть о. Иларіонъ, адлеровскій пустынникъ, онъ былъ въ Москвѣ, о монастырѣ для пустынниковъ хлопоталъ. Теперь гостить здѣсь. Узналъ, что вы пріѣдете, и ждалъ васъ. Можно ему войти?

— Конечно, можно.

О. Иванъ отворилъ дверь:

— Можно, о. Иларіонъ!

О. Иларіонъ—черный, съ просядью монахъ. Борода широкая, лопатой. Глаза маленькие, круглые, перебѣгаютъ съ предмета на предметъ. А когда останавливаются и смотрятъ въ упоръ, дѣлаются злые и тяжелые. Онъ часто безъ причины усмѣхается въ бороду, и, кажется, что эта непріятная усмѣшка относится къ чему-то совсѣмъ другому, ничего общаго не имѣющему съ разговоромъ. Въ лицѣ его есть что-то еврейское, и по акценту онъ кажется не русскимъ.

Я даже спросилъ потомъ о. Ивана:

— О. Иларіонъ не русскій?

— Нѣть, русскій, крестьянинъ Подольской губерніи.

О. Иларіонъ одѣтъ «почище», на немъ черный, хороший подрясникъ. И держится иначе, чѣмъ пустынникъ: мнѣ кланяется очень низко, а о. Ивана перебиваетъ и не дослушиваетъ.

Мнѣ сразу показалось, что о. Иларіонъ видѣтъ во мнѣ человѣка, отъ которого многое зависитъ въ вопросѣ о разрѣшеніи постройки монастыря. Впослѣдствіи оно такъ и оказалось. А пока я видѣлъ только низкіе поклоны и заискивающую улыбку. Нѣсколько разъ во время разговора онъ, какъ къ своему служкѣ, обращался къ о. Ивану:

— Ты бы о чаѣ похлопоталъ. Имъ, вѣрно, съ дороги чайку хочется.

«Ты бы о чаѣ похлопоталъ» онъ говорилъ рѣзко, почти грубо. А «имъ вѣрно съ дороги чайку хочется», перегибаясь, съ полу-поклономъ въ мою сторону.

Очень скоро о. Иларіонъ свѣль разговоръ на интересующій его вопросъ. Разсказалъ о притѣсненіяхъ со стороны лѣсного вѣдомства и администраціи. Вздохнулъ и сказалъ:

— За границей живутъ русскіе люди, а тутъ въ своемъ отечествѣ не могутъ найти пріюта.

Вздохнулъ снова, но сейчасъ же усмѣхнулся въ бороду своей странной усмѣшкой, которую никакъ нельзя было связать съ темой разговора, и спросилъ неожиданно:

— А какъ вы полагаете, можно надѣяться на разрѣшеніе монастыря?

— Не знаю, право... Вѣроятно, это возможно. Но развѣ вопросъ, нуженъ ли монастырь, рѣшенъ окончательно?

— Пустынники подписались. Я всѣ бумаги представилъ,— сказалъ о. Иларіонъ, пересталъ бѣгать глазами и уставился на меня въ упоръ.

— Я знаю. Но вы сами-то убѣждены, что это нужно?

О. Иларіонъ перевелъ глаза на о. Ивана. Быстро взглянуль въ окно, потупился и отвѣтилъ не сразу.

— А почему же нѣть? Въ церковь недалеко будетъ ходить. Разбойники не обидятъ. Съ земли никто не прогонитъ. А жить по-пустынному можно. Я всѣ бумаги подаль.

Мнѣ показалось, что онъ опять усмѣхается. И что-то тонѣ его задѣло меня за живое. Я—человѣкъ «мірской». Не жить мнѣ никогда ни въ монастырѣ, ни въ пустынѣ, но какъ онъ не сознаетъ, что дѣлаетъ? Или, можетъ быть, сознаетъ?

Вопросъ о значеніи для пустынножительства постройки монастыря былъ для меня ясенъ, какъ день. И я сказалъ прямо:

— Хлопотать о монастырѣ можетъ только заклятый врагъ пустыни. Постройка монастыря, о которомъ вы хлопочете, будетъ гибеллю пустынножительства.

— Почему?—не то съ любопытствомъ, не то съ ироніей спорилъ о. Иларіонъ.

— Потому что одно другое исключаетъ. Монастырь весь держится на послушаніи игумену и уставу. Пустынножительство—на религіозной свободѣ. Это—сторона внутренняя. А внѣшняя—разъ монастырь, да еще «пустыннический»—значать богомольцы,

гостиницы для прѣезжающихъ, страннопріимные дома и проч. и проч. и проч. Какое же тутъ безмолвіе? Монастырь будеть рости. Явятся послушники, монахи и совершенно поглотять горсть пустынниковъ, которые пріютятся вокругъ него.

— Я не самъ,—перебилъ меня о. Иларіонъ:—всѣ хотѣли... Кто не хочетъ, можетъ не жить...

Въ лицѣ его было что-то трусливое. И въ то же время почти злое.

О. Иванъ сидѣлъ блѣдный, опустивъ голову. Я взглянулъ на него и невольно сказалъ:

— Только знайте, о. Иларіонъ: какой бы вы монастырь ни построили, всегда найдутся люди, которые будутъ уходить въ пустыню. Сгонять ихъ съ этихъ горъ,—они подымутся выше.

— Истинно такъ,—твердо сказалъ о. Иванъ.

О. Иларіонъ и трусилъ чего-то, и злился и рѣшительно не зналъ, что сказать.

— Въ этомъ монастырѣ,—сказалъ онъ, злобно косясь на о. Ивана,—будутъ жить только тѣ пустынники, которымъ нечего богомольцевъ бояться, которые окончательно утвердились.

О. Иванъ весь такъ и вскинулся. Что-то на мигъ блеснуло въ его лицѣ. Горячо, прямо и смѣло онъ сказалъ:

— А кто утвердился? Я скажу за себя: я всегда въ колебаніи. Всегда борюсь съ помысломъ: вѣрно ли избралъ путь?.. Думаешь: не ошибся ли? Уиди съ горы! Погибаешь здѣсь!.. И такъ будетъ до послѣдняго часа.

— Развѣ не бываетъ, что вѣришь?—опять не то съ любопытствомъ, не то съ ироніей спросилъ о. Иларіонъ.

— Бываетъ. Но никогда не можешь сказать, что нѣ усомнішься.

— Я такъ думаю,—видимо, желая перемѣнить разговоръ, началъ о. Иларіонъ:—коли Богу угодно—монастырь разрѣшать. Для пустынниковъ нѣкое великое дѣло будетъ: свой монастырь и покой...

Мнѣ тоже хотѣлось кончить разговоръ о монастырѣ, и я спросилъ въ шутку:

— А что, пустынники не разбѣгутся отъ меня, если я буду снимать ихъ фотографическимъ аппаратомъ?

Вопросъ этотъ произвелъ самое различное дѣйствіе.

О. Иванъ просто отвѣтилъ:

— По-моему, нѣть.

А о. Иларіонъ застыдился, законфузился, заерзаль на мѣстѣ,—и какъ кокетливая провинціальная барышня,—отвѣтилъ жеманнымъ вопросомъ:

— Зачѣмъ вамъ?

— И знать не къ чему,—рѣзко перебилъ его о. Иванъ и, не давъ мнѣ отвѣтить, всталъ.

Нехотя всталъ за нимъ и о. Иларіонъ.

— Значить, завтра ъдемъ?—сказалъ я о. Ивану.

— Ъдемъ. Бояться нечего. Утромъ дилижансъ отходитъ часовъ въ семь. До дилижанса пѣшкомъ придется идти. Покойной ночи. Онъ поклонился пояснымъ поклономъ.

Попрощался и о. Иларіонъ и въ дверяхъ сказалъ:

— Я тоже съ вами поѣду... Мнѣ надо въ Сухумъ, до первой станціи намъ по пути.

Я молчалъ.

О. Иларіонъ улыбнулся мнѣ и затворилъ дверь.

Но вечеръ этимъ не кончился.

Меня ожидалъ совершенно неожиданный визитъ, многое разъяснившій мнѣ.

Поздно вечеромъ, когда я уже совсѣмъ собрался спать, ко мнѣ постучался о. гостинникъ.

— Васъ желаетъ видѣть монахъ нашего монастыря, о. Нафанаиль.

Я былъ очень удивленъ и ждалъ съ нетерпѣніемъ.

Вошелъ довольно полный монахъ, рыжеватый, въ очкахъ. Поздоровался со мной по свѣтскому: представился, и не садясь спросилъ:

— Прошу извинить меня... Я и еще одинъ іеромонахъ... очень интересуюсь политикой... Не будете ли такъ добры подѣлиться съ нами...

Я рѣшительно ничего не понималъ и смотрѣлъ на него съ полнѣйшимъ недоумѣніемъ.

— Вѣдь вы членъ Государственной Думы?

— Ничего подобнаго!

О. Нафанаиль смущился.

— Т. е. какъ... Но здѣсь всѣ говорятъ... Простите, ради Бога... Можетъ быть, вы инкогнито?

— Увѣряю васъ, что никогда членомъ Государственной Думы не былъ, и рѣшительно не понимаю, чья это выдумка?

Впослѣдствіи выяснилось, что, узнавъ мою фамилію, кто-то на Новомъ Аѣонѣ сказалъ о. Иларіону, что я «посланъ» отъ Думы и еще отъ кого-то по ихнему дѣлу, и онъ всюду раззвонилъ, что я членъ Государственной Думы, путешествующій инкогнито...

— Во всякомъ случаѣ, садитесь,—сказалъ я.—Очень жаль, что я долженъ огорчить васъ и о политикѣ ничего интереснаго сообщить не могу. Но просто поговорить съ вами очень радъ.

О. Нафанаилъ сѣлъ, видимо крайне смущенный. Положеніе было дѣйствительно довольно глупое.

Мы проговорили недолго.

О. Нафанаилъ оказался очень симпатичнымъ, интеллигентнымъ человѣкомъ. Онъ рассказалъ мнѣ, между прочимъ, о трудностяхъ, съ которыми пришлось ему встрѣтиться при поступлѣніи въ монастырь.

— Я долго просился на Новый Аѣонъ, не приняли.

— Почему?—удивился я.

— Боятся интеллигентовъ. Игуменъ, узнавъ, что я чиновникъ, сказалъ: вотъ вы поживете въ монастырѣ, а потомъ всѣхъ насъ въ газетахъ опишете.

Когда такой же вопросъ, почему въ монастырь неохотно принимаютъ интеллигентовъ, я задалъ потомъ пустыннику о. Никифору, онъ отвѣтилъ мнѣ иначе:

— Ничего не выходить изъ нихъ!

До поступлѣнія въ монастырь о. Нафанаилъ нѣкоторое время жилъ у пустынниковъ. Узнавъ, что именно меня интересуетъ, онъ сказалъ:

— Вы не найдете у нихъ того, что ищете... Они знаютъ духовный путь теоретически, сами внутренно его не проходили. Да если бы и проходили, то недостаточно развиты, чтобы сумѣть разскказать вамъ объ этомъ.

Прощаясь и еще разъ извиняясь за недоразумѣніе съ «членомъ Государственной Думы», онъ очень искренно сказалъ мнѣ:

— Я немного чувствую, что вамъ нужно, и мнѣ глубоко жаль васъ, потому что я знаю, что вы этого не получите.

Я не могъ спорить съ нимъ, потому что не зналъ еще тогда, до какой степени онъ былъ не правъ...

Званіе члена Государственной Думы возымѣло свое дѣйствіе.

Утромъ новый визитъ: монахъ съ Стараго Аѣона.

Старый, старый старишокъ. Глаза печальные, сосредоточенные, лицо маленькое, въ рукахъ конвертъ съ какими-то бумагами.

— Какъ ваше святое имячко?—спросилъ онъ, низко кланяясь и рукой касаясь земли.

Я сказалъ. Пододвинулъ ему стулъ и попросилъ сѣсть.

— Аминь!—произнесъ старишокъ и сѣлъ.

Дѣло было очень простое. Онъ показалъ мнѣ извѣщеніе Антонія Булатовича о прощеніи аѳонскихъ монаховъ и письмо его, въ которомъ говорилось, что возбуждено ходатайство о разрѣшеніи поселиться всѣмъ изгнаннымъ староаѳонскимъ монахамъ въ одномъ кавказскомъ монастырѣ. Пока разрѣшеніе не получено,—если некуда пріютиться,—надо явиться въ Москву, къ епископу Модесту, онъ назначить монастырь для временнаго пребыванія.

— Какъ же быть-то?—спросилъ старишокъ, не переводя на меня своихъ печальныхъ глазъ.

Я сталъ объяснять, что монаховъ дѣйствительно простили, что Антоній Булатовичъ хлопочетъ о своемъ монастырѣ, что пока можно жить гдѣ угодно, а если негдѣ, надоѣхать въ Москву, къ епископу Модесту,—онъ устроитъ.

Старишокъ вздыхалъ, губы его шевелились, и тихимъ шепотомъ онъ говорилъ:

— Господи, Иисусе Христе... помилуй насъ грѣшныхъ...

Меня видимо и слушалъ, и не слушалъ.

Я спросилъ его:

— Вамъ хорошо здѣсь жить?

Старишокъ встрепенулся и быстро сказалъ:

— Хорошо. Слава тебѣ, Господи...

— Не гонять васъ, и дальше разрѣшаютъ жить?

— Разрѣшаютъ... ничего...

— Ну, значитъ и живите, пока не рѣшится вопросъ о своемъ монастырѣ.

Очевидно, онъ понялъ. Обрадовался, какъ ребенокъ.

— Такъ и жить, какъ живу? А потомъ свой монастырь будетъ и соберутъ насъ... Спаси Господи... Спаси Господи...

Онъ поспѣшно всталъ, опять поклонился до земли и вышелъ.

одного дилижанса, о. Ивана—на крышу другого. Мой возница, маленький широкоплечий мингрель, спустился куда-то внизъ и съѣль на оглобли, растопыривъ ноги. На козлахъ, кромѣ меня, сидѣло еще три пассажира!

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!—смѣясь я о. Ивану, когда онъ заботливо подбѣгаешь ко мнѣ посмотретьъ, какъ я «устроился».

Возница, видимо, ничего не понимаетъ, но, глядя на насъ, скалить зубы отъ удовольствія.

И вотъ, наконецъ, мы ъдемъ!

На козлахъ оказалось сидѣть совсѣмъ не такъ плохо: гораздо лучше, чѣмъ внутри дилижанса. Четверка лошадей летитъ подъ-гору во весь духъ, и въ лицо дуетъ свѣжій утренній вѣтеръ. Небо ясное. И только надъ вершинами еще не очень высокихъ горъ неподвижно стоять облака.

Возница очень веселый, видимо желая доставить мнѣ удовольствие и щеголнуть знаніемъ русскаго языка, поетъ:

«Выѣтеръ дуетъ, доздикъ ліетъ...

Солдатъ въ ліѣсь сибѣ идотъ».

И хитро посматриваетъ на меня снизу вверхъ.

— Гдѣ это вы выучились?

— Киевѣ,—улыбается онъ.—А ви гдѣ учились?

— Въ Москвѣ.

— Тцъ-эхъ! Въ Москвѣ богатые живутъ!

— Всякіе есть.

— Нэтъ! Какъ изъ Москвы ъдеть—богатый баринъ!

Увидавъ фотографическій аппаратъ, онъ на каждой остановкѣ говорилъ:

— Снимай! Снимай!

— Да я ужъ снялъ.

— Еще снимай!

Нѣсколько разъ намъ приходилось слѣзать съ дилижанса и ити пѣшкомъ въ гору. Подъемъ былъ не очень круты, но лошади не могли свезти такого количества пассажировъ.

О. Иларіонъ оказался правъ: погода разглухлялась окончательно, и ити пѣшкомъ даже пріятнѣе, чѣмъ ъхать. Задній дилижансъ нѣсколько отставалъ, но о. Иванъ догонялъ меня, и мы шли вмѣстѣ.

II.

Дилижансъ Сухумъ—Цебельда.

Въ коридорѣ меня ждалъ о. Иларіонъ. Улыбаясь и заглядывая въ глаза, онъ сообщилъ, что «о. Иванъ пошелъ впередъ занять мѣсто въ дилижансѣ и попросить, чтобы насъ подождали».

Нечего дѣлать, пришлось итти съ о. Иларіономъ.

Дорога за ночь стала еще хуже. Съ трудомъ приходится балансировать и вытаскивать ноги изъ глины. Но на небѣ ясно. День будетъ хороший.

О. Иларіонъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать мнѣ нѣчто пріятное.

— Это вамъ Господь погоду посыпаетъ...

Я старался его не слушать.

Въ дилижансѣ онъ сѣлъ противъ меня и все время заговаривалъ:

— А къ намъ въ Адлеръ пріѣдетѣ? Я могу подождать васъ. Показать наши мѣста...

— Благодарю васъ.

— А потомъ куда, въ Москву?

— Въ Москву.

— Я могу подождать васъ. Вмѣстѣ бы поѣхали.

— Благодарю васъ.

На станціи «Можарка» намъ съ о. Иваномъ пересадка на дилижансъ Сухумъ—Цебельда. О. Иларіонъ попрощался съ нами довольно холодно и поѣхалъ дальше.

Ждать не пришлось. Два дилижанса изъ Сухума на Цебельду уже стояли на станціи. Но мѣсть нѣть! Сидѣть буквально на колѣняхъ другъ друга. Послѣ горячихъ споровъ на разныхъ языкахъ за двойную плату насъ усаживаютъ. Меня—на козлахъ

Мнѣ очень хотѣлось узнать отношеніе о. Ивана къ о. Иларіону, и я спросилъ:

— Неужели и вы дали о. Иларіону свою подпись?

— Я не давалъ, но оказывается, кто-то за меня расписался.

— Что же, вы такъ и оставите это?

— Да вѣдь всѣ пустынники противъ монастыря. По-моему, надо что-нибудь предпринять, чтобы о. Иларіонъ больше не ъездилъ въ Москву, а подпись—дѣло маленькое.

— Давно онъ хлопочетъ?

— Началь еще старый Иларіонъ, но потомъ раздумалъ. Послѣ него о. Хрисанѣ, пустынникъ, теперь священникомъ въ Петроградѣ—думаль небольшую обитель устроить. А тутъ взялся Иларіонъ. Измучилъ нась всѣхъ, каждый мѣсяцъ ходилъ: давай да давай подписи. Мира не стало у нась. Споры да пересуды. Пустынники и рѣшили: пусть хлопочеть, только бы въ покоѣ оставилъ. А теперь видимъ, что худо можетъ быть, а помочь какъ, не знаемъ.

Я, не скрывая, сказалъ все, что думалъ объ о. Иларіонѣ.

О. Иванъ слушалъ внимательно и просто сказалъ:

— Я вамъ ничего не говорилъ, чтобы не настраивать противъ человѣка. А разъ вы сами видите—скрывать нечего: я тоже объ немъ такъ думаю. Раньше зло на него было. А теперь нѣтъ. Жалко мнѣ его...

— Неужели же, кромѣ него, никто не хочетъ монастыря?

— Да почти-что никто.

Намъ приходилось разговаривать урывками. Пассажиры кричали на свое мъ нарѣчіи какое-то слово, похожее на:

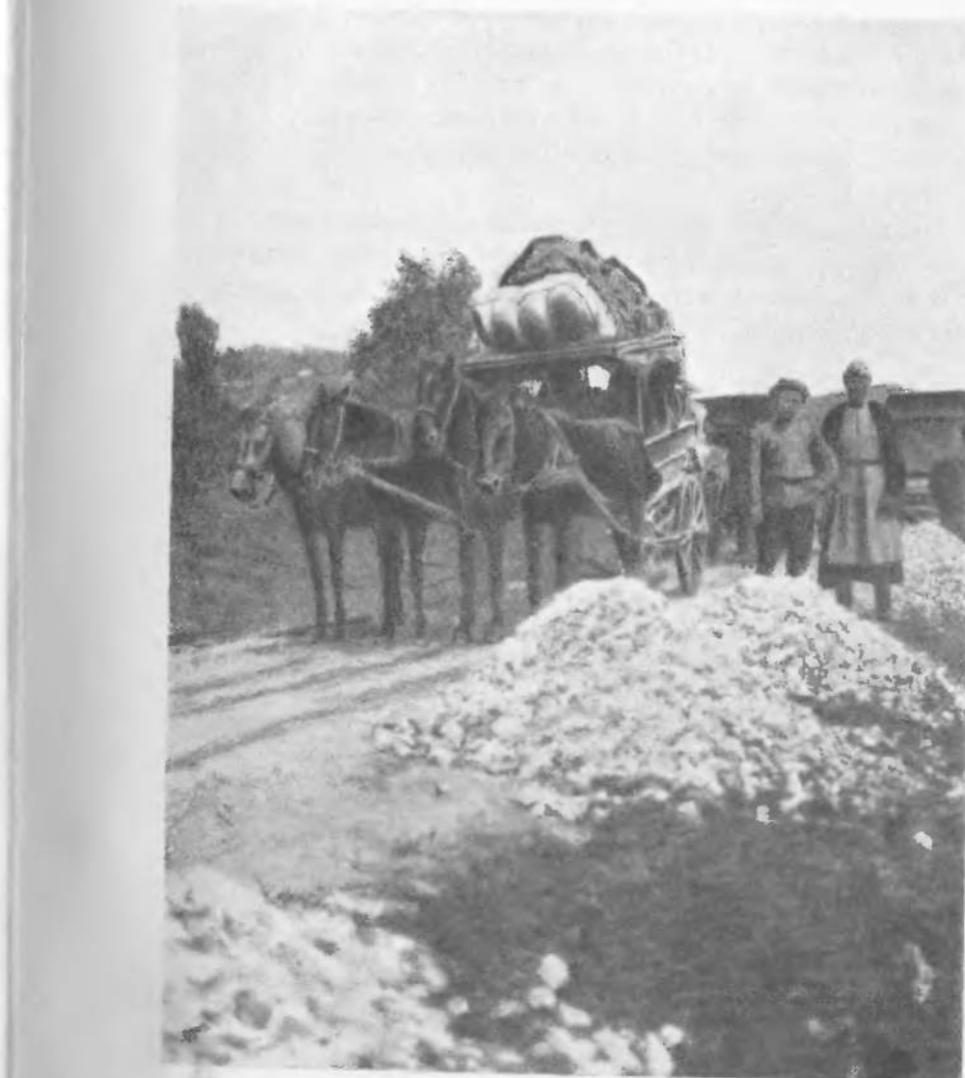
— Mey! Mey!

Мы разсаживались по разнымъ дилижансамъ и ъехали дальше.

Съ полпути дорога пошла по краю отвѣснаго обрыва.

Внизу бурно, какъ водопадъ, съ грохотомъ и шумомъ неслась рѣка, и съ непривычки все время казалось, что дилижансъ вотъ-вотъ упадетъ въ пропасть... Особенно жутко было на поворотахъ. Лошади бѣгутъ быстро. Передъ глазами обрывъ. Но дилижансъ круто поворачиваетъ, и опять слѣва стѣна скаль, а справа обрывъ къ рѣкѣ.

Доѣхали до селенія Ольгинскаго. Въ гору подымается какая-то процессія. Священникъ, сѣдой старикъ, верхомъ на лошади, а впереди него и за нимъ идутъ разодѣтые мужчины и женщины.

Дилижансъ Сухумъ—Цебельда.

Дорога стала ровище. До армянского села, где останавливаются дилижансы, недалеко—верстъ шесть.

Солнце жжетъ, и горячай вѣтеръ не освѣжаетъ, а томитъ еще хуже. Лошади устали. Почекнѣли отъ пота. Идутъ нехотя. Веселый кучеръ совсѣмъ опустился на оглобли и спить въ какой-то фантастической позѣ: мнѣ на колѣни положилъ руку, голову—на колѣни къ другому пассажиру, одна нога на одной оглоблѣ, другая на другой...

И только передъ самой остановкой онъ быстро, точно кольнуль его кто, всталъ на ноги, засвистѣль, прокричалъ что-то, лошади понеслись вскачь, и мы, какъ пожарные, подлетѣли къ послѣдней станціи...

III.

«Гостепріимный» Феопемпъ.—О. Иванъ о пустынникахъ.

Отъ армянского села намъ предстояло совершить первый небольшой переходъ пѣшкомъ: до подворья Драндскаго монастыря шесть верстъ.

Взваливаемъ съ о. Иваномъ на плечи сумки и отправляемся въ путь.

Дорога идетъ по открытому шоссе. Солнце печеть невыносимо, но итти почему-то легко и пріятно. Можетъ быть, горный воздухъ дѣйствуетъ такъ. Можетъ быть, сознаніе, что вотъ началось и настоящее путешествіе. Плечи еще не устали, и даже тяжесть отъ сумки доставляетъ какое-то особенное удовольствіе. Впереди по шоссе гонять стадо. За стадомъ верхомъ ѳдуть туземцы, идутъ навьюченныя лошади.

— Это наши пріятели,— говоритъ о. Иванъ.— Пастухи гонять стада на горы. Осеню они спускаются и по пути заходить къ намъ за данью,—смѣется онъ.

— Что же они у васъ берутъ?

— Да все! Посуду, ложки, сапоги, подрясники—все, что найдутъ, даже никуда негодныя тряпки.

У «пріятелей» видъ очень добродушный. Они кланяются намъ и говорятъ.

— Здрасьти!..

О. Иванъ улыбается на это привѣтствіе:

— Вы знаете, они удивительно вѣжливы. Когда приходятъ грабить, обязательно здороваются, подаютъ руку и говорятъ: «здрасьте». А когда уходить съ награбленнымъ, говорятъ: «прощай».

— Поселенцы не трогают вась?

— Около нась живутъ сванеты. Имъ воровать никакъ нельзя. За воровство ихъ выселяютъ. У нихъ такой обычай есть: каждый новый поселенецъ даетъ своимъ односельчанамъ присягу, что не будетъ воровать въ такомъ-то районѣ, ну, положимъ, отъ Латъ до перевала. И присягу хранить свято. За Латами будетъ воровать, сколько угодно,—это у нихъ и за грѣхъ не считается; ну, а тамъ, гдѣ присягалъ, ни за что!

Несмотря на жару и довольно тяжелая сумки, мы дошли до подворья незамѣтно.

— Устали?—то и дѣло спрашивалъ меня о. Иванъ.

— Нѣтъ. Только пить хочется.

О, за эту дорогу до Аджарь я узналъ, что такое жажда! Я думаю, во всю свою жизнь не выпьешь столько воды и чаю, сколько за одно такое путешествіе! Слава Богу, что почти на каждой верстѣ изъ скалъ бываютъ источники чудесной, холодной, какъ ледъ, воды.

Около четырехъ часовъ мы были на подворье.

Монахъ, завѣдующій подворьемъ, ушелъ въ монастырь. Насъ встрѣчаетъ послушникъ Феопемпть.

— Не выговоришь ваше имячко,—смѣюсь я.

Послушникъ привѣтливый, бойкій, веселый парень изъ средней полосы Россіи. Въ лицѣ у него много юмора. Глаза немножко лукавые, но главная черта—безграничное русское добродушіе. Глядя на него, хочется улыбаться и говорить въ щутливомъ тонѣ.

Онъ расторопно отпираетъ намъ «покой» для «гостей»: двѣ чистенькия комнаты. Въ одной—три кровати и столъ. Въ другой—стеклянный шкафъ съ посудой и одна кровать. Феопемпть все время посматриваетъ на насъ и лукаво усмѣхается.

Когда мы вошли въ «покои», онъ сказалъ:

— А вамъ, о. Иванъ, придется тамъ поночевать... съ нами.

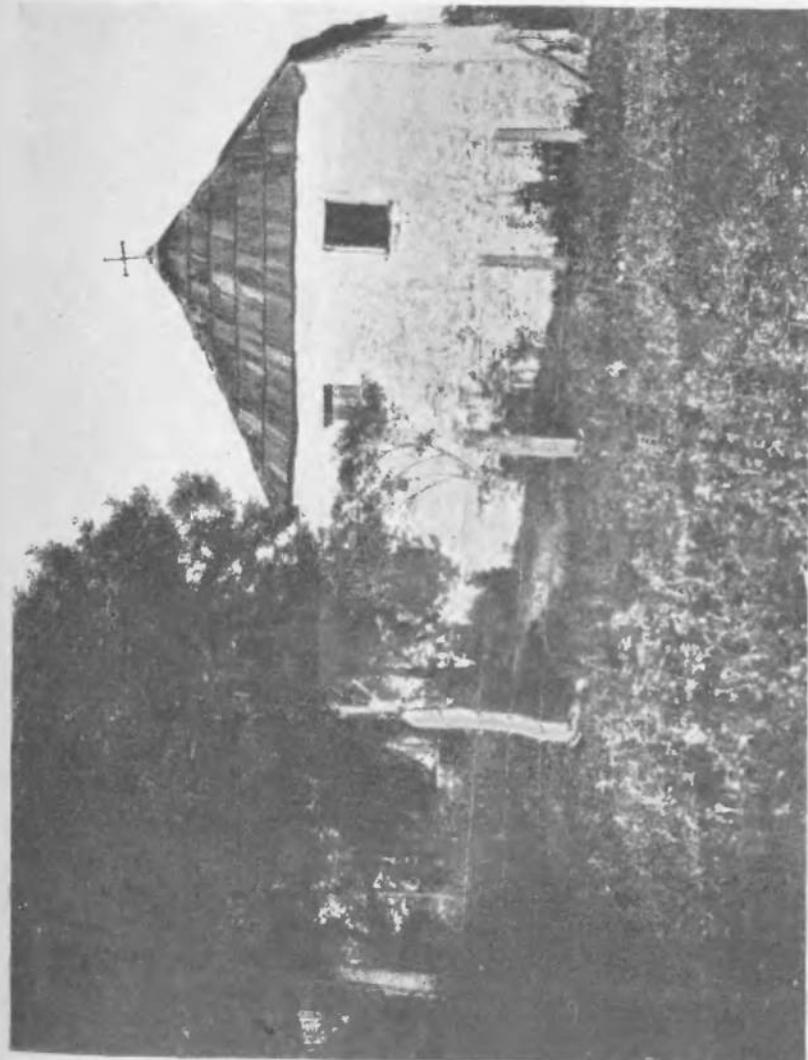
— Почему?

— Мы экскурсантовъ ждемъ. Восемь человѣкъ ихъ, и то ужъ мѣста нехватитъ.

— Такъ что же,—говорю я:—вы скорѣй пустыннику должны мѣсто дать, чѣмъ какимъ-то экскурсантамъ.

— Да они поблагодарять хорошо,—добродушно признается Феопемпть.

— А можетъ мы лучше поблагодаримъ.

Подворье Драндского монастыря въ Цебельдѣ.

Ѳеопемпъ расплывается въ широчайшую улыбку, но не сдается.

— Пустынники всегда съ нами, а экскурсанты только лѣтомъ!

— Ну, это другое дѣло!—смѣясь, соглашаемся мы съ о. Иваномъ. Но больше всѣхъ смѣется самъ Ѣеопемпъ.

— А самоваръ вы намъ дадите, или тоже экскурсантовъ придется ждать?

— Дадимъ!

Ѳеопемпъ звякаетъ чайной посудой, носится изъ комнаты на дворъ и со двора въ комнату и, наконецъ, вносить громаднѣйшій самоваръ.

— Ёсть хочется... и жажда смертельная,—говоритъ о. Иванъ.—А вы знаете, какъ надъ нами смѣются на Новомъ Аeonѣ? Вотъ придешь этакъ въ монастырь, измучаешься за дорогу, да наголодаешься въ пустынѣ, ну, конечно, сколько въ трапезной на тарелку не положать, все съѣшь. А кормятъ насъ за общей трапезой съ послушниками. Послушники подаютъ свои тарелки и смѣются; накладывай побольше, какъ пустыннику.

Ѳеопемпъ слушаетъ этотъ разсказъ, задержавшись въ дверяхъ, и говорить, усмѣхаясь:

— Пустынники, одно слово, любять покушать!

Но намъ съ о. Иваномъ такъ хочется пить, что ужъ и не до ёды.

Начинаемъ наливать по очереди стаканъ за стаканомъ. Обжигаемся, вздыхаемъ и пьемъ молча, сосредоточенно... Наконецъ, пьемъ такъ много, что самимъ лѣлается смѣшино. А Ѣеопемпъ то и дѣло заглядываетъ въ дверь; онъ ждетъ самоваръ, у него кто-то еще остановился въ кухнѣ.

— Нѣть еще!—говорю я ему на его вопросительные взгляды.

Снова пьемъ стаканъ за стаканомъ, чувствуя, что такую жажду все равно утолить нельзя, и что пить, кажется, бесполезно...

— А вашихъ экскурсантовъ должно быть дождь задержаль?—говорю я Ѣеопемпту, когда онъ, наконецъ, убирастъ отъ насъ почти пустой самоваръ.

— Должно быть такъ! О. Ивану свободно, пусть располагается!..

— Экскурсантовъ нѣтъ, такъ и пустыннику радъ,—смѣется о. Иванъ.

Но «располагаться» ему пришлось не скоро: мы заговорили и просидѣли до глубокой ночи.

Пустынникъ о. Иванъ.

— Мы монастырь не осуждаемъ,—говорилъ мнѣ о. Иванъ:— безъ монастыря, безъ послушанія нельзя. Съ этого всякой пустынникъ начинать долженъ. Но у иныхъ душа лежитъ къ безмолвію, тѣмъ и надлежить уходить въ пустынъ. Особенно горы на душу хорошо дѣйствуютъ—возвышающе. Усматриваешь въ нихъ нѣкое таинство... Мы на пустынъ не такъ смотримъ, что это выше монастыря, о такъ, что каждому свой путь: иному монастырь, иному мѣръ, иному пустыножительство...

— Вы раньше въ монастырѣ были?

— И я былъ, и всѣ наши пустынники изъ монастырей вышли.

— А въ пустынѣ долго живутъ?

— Самые старые лѣтъ двадцать.

— А какъ же вы уходили изъ монастырей—самовольно, или съ благословенія игумена?

— Больше, дѣйствительно, самовольно... Но и въ монастыряхъ иногда сочувствуютъ. Былъ въ Драндскомъ монастырѣ старецъ Іеремія—покойный ужъ теперь. Пришелъ къ нему однажды нашъ пустынникъ за совѣтомъ. Не знаетъ, какъ быть съ помыслами,—все кто-то внушаетъ: уйди да уйди съ горы, никакого спасенія тутъ нѣть. Тоска напала. Особенно тяжело ему было, что цвѣты садить нельзя. Ужъ чень пустынникъ этотъ цвѣты любилъ. А у насть цвѣтами заниматься не то, что запрещается, а считаются за пустое дѣло. Старецъ и сказалъ ему: «Терпи, не уходи изъ пустыни. Обязательно продолжай жить. Если искушенію поддашься, уйдешь, потомъ и вовсе мѣста не найдешь себѣ. А если о цвѣтахъ тоскуешь, такъ тоже не сомнѣвайся; сади ихъ! Я и сѣмянъ тебѣ разныхъ дамъ. Живи попрежнему...» Пустынникъ послушался. Спаси Господи...

— А вы часто тоскуете, о. Иванъ?

— Бываетъ. Безъ этого нельзя? Иной разъ такая скорбь нападетъ, кажется, бѣжалъ бы на край свѣта. И все тогда по другому кажется, и не видишь, что впередъ двигаешься. А врагъ и мучаетъ: зря, моль, здѣсь живешь, никакого спасенія нѣть. Пока еще не старъ—уходи. И страхъ тогда нападаетъ. Всего боишься. Ночи не спишь. Но за скорбью всегда бываетъ утѣшеніе. Помогаетъ Господь. Проходитъ это... Вотъ увидите пустынниковъ, посмотрите на нашу жизнь: живемъ ничего, слава Тебѣ, Господи. Только бы не гнали съ горъ все бы хорошо было:

— Да за что же васъ гонять?

— А Господь знаетъ, за что! Теперь еще ничего, слава Богу, а одно время очень гнали. Вреда мы лѣсу не дѣлаемъ. сами увидите. Мѣста тамъ непроходимыя, лѣсъ все равно взять нельзя. Выберемъ себѣ какую-нибудь полянку, поставимъ келью, насыдимъ картофель, больше намъ ничего не надо.

— А кукурузу сѣте?

— Немного, больше муку покупаемъ. Ее хоть и посѣешь, медвѣдь всю переломаетъ. Медвѣдей очень много. Разъ кукурузу попробуетъ—не отгонишь, и днемъ и ночью ходить, пока неломаетъ всю.

— Откуда же у васъ деньги, о. Иванъ?

— Рукодѣліемъ занимаемся: ложечки, вилки, крестики, четки дѣлаемъ, на Новомъ Аeonѣ берутъ въ лавку. Ложечку въ день можно сдѣлать легко. Даютъ за нее пятнадцать копеекъ

— Сколько вы тратите въ годъ?

— По разному. Иной рублей пятнадцать тратитъ. Какія наши траты? Масло, соль, сахаръ. А больше всего мука.

— Какъ же вы ее къ себѣ доставляете?

— На себѣ носимъ. По пуду, по полтора. Осеню сразу на годъ запасаемъ. Картофель свой. Вотъ и ъда наша.

И точно боясь, что я увижу въ этомъ подвижничество, привалилъ:

— Мы ъдимъ много: два раза въ день. И живемъ свободно: если къ пустыннику придетъ въ гости братъ пустынникъ, онъ угостить его и картофель поджарить на маслѣ. Уставъ монастырскій держимъ, конечно, но больше сама жизнь уставъ намъ даетъ. Иной разъ и попостишься побольше, иной разъ и подкрѣпиши силы...

Эти слова о. Ивана были очень характерны. И въ о. Сергій и теперь въ немъ очень ярко чувствовались эта религіозная широта и «свободный духъ». Въ самомъ тонѣ, въ самомъ языке не было того «общаго», что дѣлаетъ похожими между собой всѣхъ монаховъ безъ исключенія. Ни опущенныхъ глазъ, ни заученныхъ выражений, ни вздоховъ, ни елейного голоса. Видно, что все «внутри», и что «внѣшний» уставъ только для руководства...

Въ заключеніе нашей бесѣды о. Иванъ снова сказалъ:

— Вотъ увидите сами, какъ мы живемъ. Слава Богу. Конечно, можетъ быть, что и не такъ: вамъ со стороны виднѣй...

IV.

«Испытаніе».—По долинѣ рѣки Кодоръ.

Утромъ о. Иванъ разбудилъ меня въ шесть часовъ.

Мы ни слова не говорили съ нимъ вчера, какъ будемъ двигаться дальше: пѣшкомъ, или, какъ предполагалось раньше, о. Иванъ сходитъ въ Латы и приведетъ лошадь отъ поселенца.

Но утромъ какъ-то само рѣшилось, что надо итти пѣшкомъ.

О. Иванъ страшно обрадовался.

— Вотъ и хорошо, вотъ и отлично. Пойдемъ прямикомъ, тутъ до Латы всего верстъ пятнадцать будетъ... Послѣ дождей немножко трудновато, да ничего... испытаніе сдѣляемъ... На крутыхъ подъемахъ я вѣсъ за палку вытяну, а на спускахъ за спину будете держаться...

— А рѣкъ переходить не придется?

— Послѣ дождей въ одномъ мѣстѣ, пожалуй, въ бропъ надо будетъ.

— Я не смогу: у меня голова кружится.

— И ничего нѣтъ удивительного! У пустынниковъ многихъ, люди привычные, и то бываетъ. Я перенесу вѣсъ на себѣ...

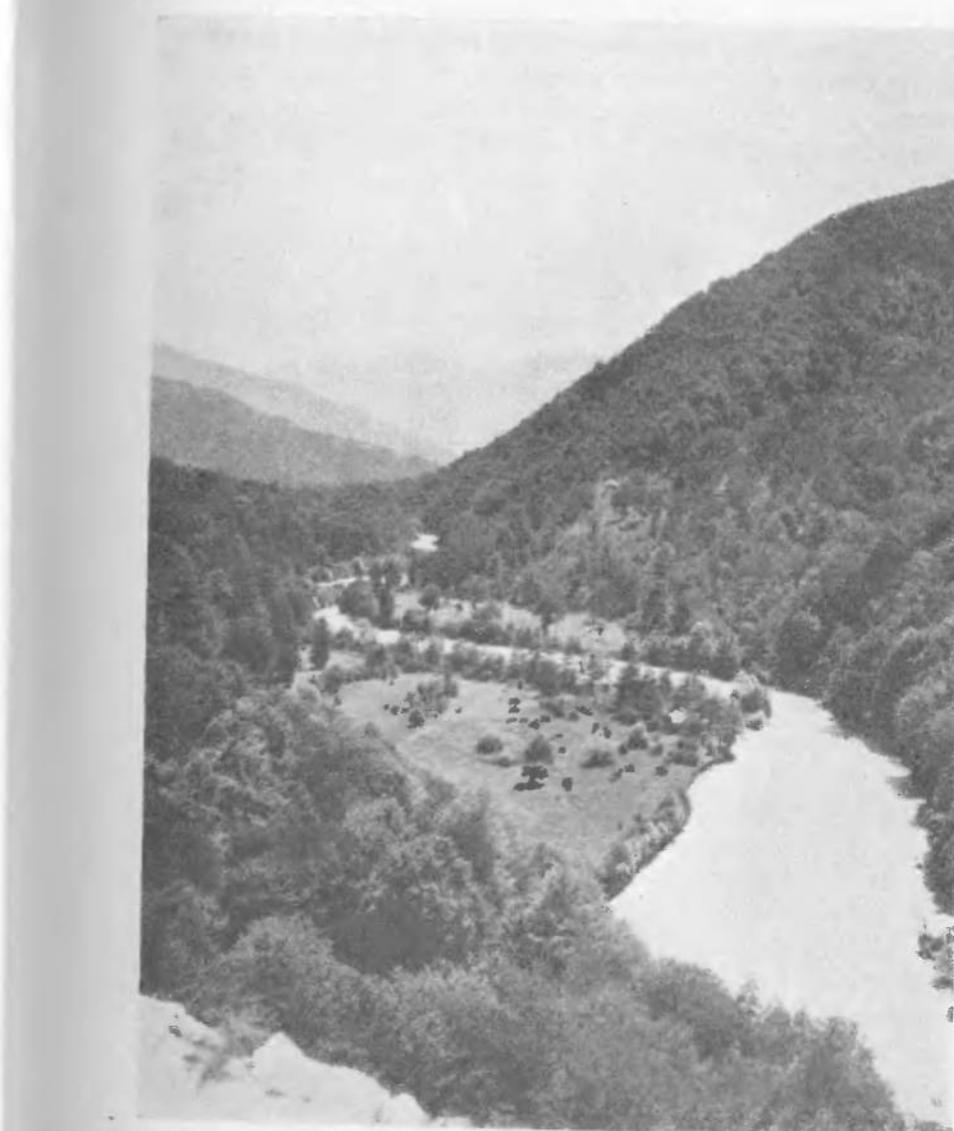
— Смотрите! Во мнѣ около пяти пудовъ...

— Ничего! Я и два мѣшка муки перенесу. Бояться нечего.

— Итакъ, значитъ идемъ!

— Идемъ, идемъ... Сдѣляемъ испытаніе. Увидимъ, можете ли вы дальше итти и, главное, подняться на наши горы.

Отъ подворья мы пошли не по шоссе, а задами, спустились внизъ, въ оврагъ, по высокой, совершенно мокрой травѣ. Я сразу промокъ по поясъ. У о. Ивана тоже по поясъ почернѣлъ сѣрий подрясникъ. Въ оврагѣ было холодно, и зелень такая густая, что казалось, мы идемъ не утромъ, а вечеромъ.

Долина рѣки Кодоръ.

О. Ивану действительно пришлось переносить меня.
Осторожно поставилъ на другомъ берегу и сказалъ:
— Въ вѣсъ нѣть пяти пудовъ... мѣшокъ съ мукой тяжелѣе...
Изъ оврага поднялись на небольшую гору, потомъ снова спустились въ оврагъ и табачными плантациями вышли къ рѣкѣ Кодоръ.

Первое время дорога шла низомъ, по самому берегу рѣки, и итти было пріятно.

Послѣ дождей Кодоръ казался широкой, многоводной рѣкой. Только по стремительно-быстрому теченію и бѣлымъ пѣнистымъ волнамъ можно было догадаться, что это «горная рѣчка».

Я уже начиналъ разочаровываться. Вмѣсто «испытанія» по трудной дорогѣ, мы шли по открытой ровной полянѣ, точно по городской площади, нехватало только асфальта.

Но о. Иванъ, который шелъ впереди, остановился и сказалъ:
— Теперь отдохнемъ. Надо сворачивать въ гору.

Я не усталъ еще, но послушался. Мы сѣли на мшистые, нагрѣтые солнцемъ камни и стали отдыхать.

И вотъ началось мое «испытаніе»!

Я выдержалъ его блестящe! Не только възшель на гору, но о. Ивану ни разу не пришлось втягивать меня за палку или подставлять спину.

— У насъ одинъ пустынникъ былъ, старичокъ, такъ я его всегда на палкѣ тянулъ,—говорить о. Иванъ послѣ самаго крутого подъема передъ выходомъ на шоссе.

Я усталъ, сильно усталъ. Но не ожидалъ отъ себя такого успѣха и потому чувствую особую бодрость.

О. Иванъ сіяеть отъ удовольствія и говорить мнѣ:
— Испытаніе выдержали. Слава тебѣ, Господи. Теперь всю дорогу можно пѣшкомъ итти. Сейчасъ выйдемъ на шоссе, дорога пойдетъ легкая, ровная до самыхъ Аджаръ. Подъемъ чуть замѣтный будетъ. Послѣ такой горы итти по шоссе за отдыхъ покажется...

О. Иванъ оказался правъ.
Первую версту по шоссе мы шли такъ быстро и легко, какъ будто бы только что вышли въ путь. Да и видъ кругомъ заставляетъ забывать объ усталости. вся долина съ бѣлой, какъ снѣгъ, рѣкой посрединѣ открывается передъ глазами. Такой просторъ, такая роскошь природы, что не только усталость, все рѣшительно забы-

«Богатская скала».

ваешь на мгновение и чувствуешь себя частью, невидимо связанной съ этимъ чудеснымъ міромъ, и вѣчность свою вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ куда надо посыпать всѣхъ мертвыхъ духомъ. Воскреснуть!

Аджарское шоссе или какъ оно официально называется Военно-Сухумская дорога не похоже на шоссе кавказского побережья. Оно очень узкое, мѣстами не болѣе двухъ аршинъ. Поселенцы имѣютъ особо присоровленныя телѣги для перевозки клади: маленькая и узенькая. Но чаще всего гонять лошадей вьюкомъ. Слѣва почти отвѣсная стѣна скаль, справа такой же отвѣсный обрывъ къ Кодору.

Я смотрю внизъ и радуюсь въ душѣ, что отказался отъ мысли ъхать на лошади. Итти жутко, а ъхать и вовсе трудно было бы. Вѣдь, достаточно одного движенія лошади въ сторону, и полетишь въ пропасть. Когда идешь пѣшкомъ, если и ждешь опасности, то только сверху: можетъ упасть размытый дождемъ камень. Шоссе полно самыхъ трагическихъ воспоминаній: упалъ съ лошадью поселенецъ, разбился вдребезги... Упала съ лошадью женщина... Задавила снѣжная глыба...

— А гдѣ же недавно былъ обвалъ?

— Вотъ сейчасъ будемъ проходить. Называется «Богатская скала». Это самое опасное мѣсто. Скалы висятъ надъ головой и часто обрываются. Мы и то зимой иногда бѣгомъ здѣсь бѣгаемъ: страхъ нападаетъ...

«Богатская скала»—это почти отвѣсная гора страшной высоты. Камни обнажились, и все время слышенъ шумъ скатывающихся съ горы осколковъ. Шоссе особенно узко въ этомъ мѣстѣ, а пропасть къ рѣкѣ такъ глубока, что трудно смотрѣть въ нее безъ головокруженія. Опасное мѣсто можно пройти въ 2—3 минуты, но невольно является потребность «бѣжать», и дорога кажется мучительно медленной.

— Вотъ тутъ и обвалъ былъ,—говорить о. Иванъ.

У самой скалы стоитъ передокъ телѣги, на которой ъхалъ поселенецъ. Желѣзныя шины изуродованы. Валяются мелкие камни, еще не убранные съ дороги.

Мы идемъ съ о. Иваномъ молча. Я вижу, что онъ спокоенъ; но самъ не могу отдѣлаться отъ своеобразнаго жуткаго чувства. О. Иванъ, видимо, понимаетъ мое состояніе. Онъ идетъ впереди очень скоро. Нарочно выбираетъ дорогу, хотя и по грязи, но ближе къ скаламъ. Когда слышно, какъ осыпаются камни, онъ по-

дымаетъ голову и идетъ еще скорѣе. Я едва поспѣваю за нимъ. Но вотъ дорога дѣлаетъ поворотъ, и мы выходимъ на безопасное мѣсто.

Останавливаемся и смотримъ назадъ. На солнцѣ страшная стѣна камней блеститъ, какъ бѣлые зубы, и, несмотря на красоту мѣста, непріятно смотрѣть на нее.

— Здѣсь прибѣжище орловъ,—говорить о. Иванъ:—никто ихъ достать не можетъ.

Всматриваемся: дѣйствительно, надъ самыми высокими уступами медленно кружатся два орла.

— Я всегда вижу ихъ здѣсь, должно быть, споконъ вѣку живутъ.

— Пойдемте, о, Иванъ.

— Пойдемте...

Поворачиваемся, чтобы итти. Картина мѣняется: вмѣсто страшной скалы передъ нами впереди низенькой дуранъ.

Это первый нашъ привалъ.

V.

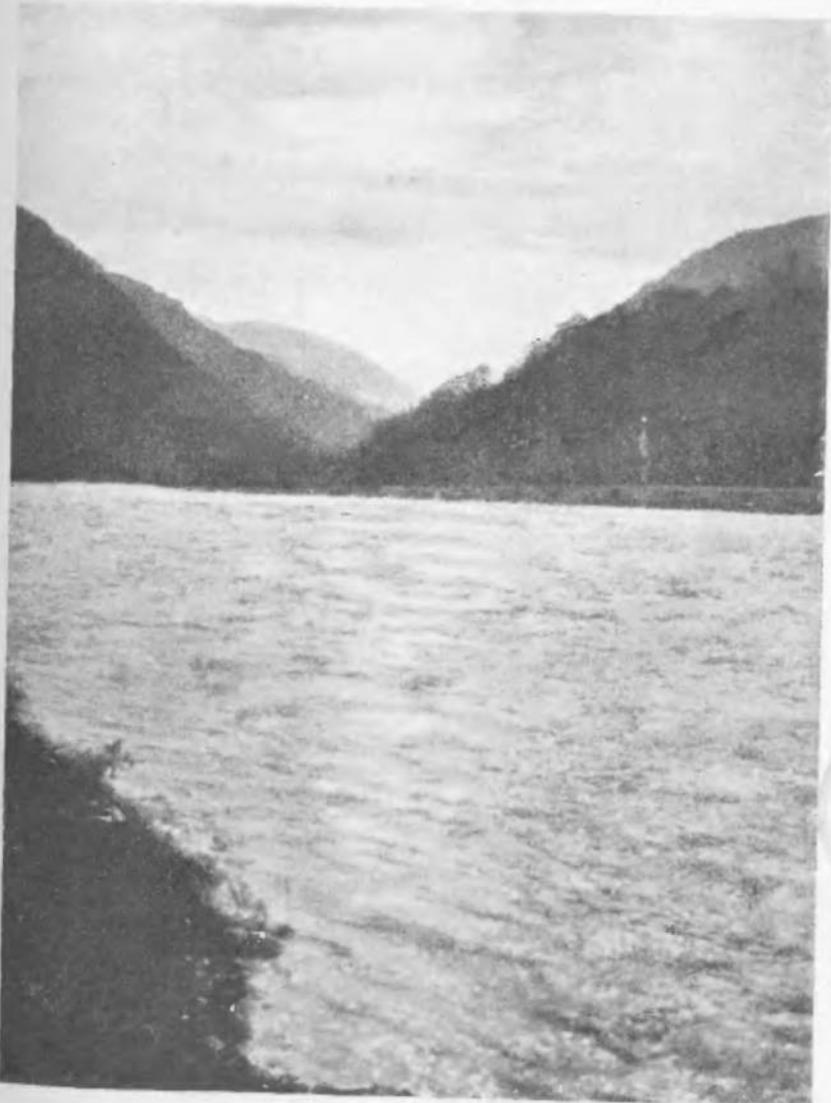
Праведный Филиппъ.

Ближе къ Латамъ дорога почти все время идетъ лѣсомъ. Густая тѣнь закрываетъ ее отъ солнца. Это облегчаетъ путь. Но за то на солнцѣ все давно уже высохло, а здѣсь грязь непроходимая. Мы сначала выбираемъ тропинки посуше, потомъ видимъ, что это бесполезно, и шлепаемъ прямо по жидкой грязи.

Всю дорогу до Лать о. Иванъ разсказывалъ мнѣ о поселенцѣ Филиппѣ, у котораго намъ предстояло ночевать. Разсказы эти, а потомъ личныя впечатлѣнія создали передо мной удивительный образъ праведнаго человѣка. О такихъ людяхъ никто не знаетъ. И величие ихъ и подвиги ихъ такъ скромны по виѣшней формѣ, такъ лишены «блеска», что даже тѣ, кто знаетъ о нихъ, вѣроятно, считаютъ дѣломъ обыкновеннымъ, чѣмъ-то такимъ, что иначе и быть не можетъ. И въ то же время я увѣренъ, что въ нихъ больше глубины и подлинной святости, чѣмъ во многихъ «геройскихъ» подвигахъ, которыми мы привыкли восхищаться.

Филиппъ—это какое-то воплощеніе смиренія, терпѣнія и любви. Вотъ у кого поучиться отношенію къ жизни всѣмъ, кто отъ первой виѣшней неудачи подымаетъ на себя руку! Если посмотретьъ на жизнь его со стороны, кажется, нѣть въ ней никакихъ сколько-нибудь заманчивыхъ виѣшнихъ цѣлей. Людямъ, развращеннымъ мірской сутолокой, жизнь безъ такихъ виѣшнихъ приманокъ должна казаться совершенно безсмысленной. Но онъ несетъ ее, какъ святыню. Это чувство святости жизни освѣщаетъ ему все, даетъ терпѣніе переносить скорби, подсказываетъ, какъ нужно относиться къ людямъ, и до того осмысливаетъ и его, и всеобщее бытіе, что, я думаю, самый вопросъ: «зачѣмъ жить?» для Филиппа звучалъ бы какъ абсолютная безсмыслица.

153915

Рѣка Кодоръ послѣ дождей.

Филиппъ долгіе годы бѣдствовалъ страшно. Теперь немного поправляется, но все же живеть не богаче бѣднаго крестьянина нашей средней полосы.

Онъ уже пожилой, съ просѣдью. У него большая семья. Сейчас при немъ жена и четверо дѣтей. Одна дочь замужемъ, двѣ дочери монахини.

Несмотря на бѣдность, домъ Филиппа въ Латахъ считается «страннопріимнымъ». Пустынники, прохожіе, русскіе, турки, мингрелы, — всѣ заходятъ къ нему ночевать. И никогда никому не отказалъ онъ въ пріютѣ, никогда никого не отпустилъ безъ куска хлѣба. И дѣлаетъ это Филиппъ совершенно просто. Вовсе не потому, что «долгъ» велитъ, а просто потому, что иначе и быть не можетъ. Человѣку надо ночевать и надо ъѣсть,—Филиппъ даетъ ему и то и другое.

Должно быть, всѣхъ праведниковъ испытуетъ Богъ! И Филиппу посыпаетъ испытанія, одно тяжелѣе другого. Чуть скопить немного денегъ, купить лошадь—украдутъ. Купить корову—украдутъ. Быка—украдутъ. За два, за три послѣднихъ года у него украли трехъ лошадей, двухъ коровъ и быка. Для бѣднаго поселенца, это полное разореніе! Ни у кого въ Латахъ не случалось такого несчастія. Филиппу точно нарочно посыпается. Но Филиппъ терпитъ такъ же просто, какъ и отдаетъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Только разъ впалъ онъ въ отчаяніе, да и то Богъ утѣшилъ его. Вотъ какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Украли у меня корову да телку. Такъ это было. Ночи стояли темныя. Я ужъ зналъ, въ такія ночи больше всего скотину воруютъ. Каравулиль. Привязалъ и корову и телку на веревку... Дѣло было подъ Николу... Заснулъ я съ вечера. Только вдругъ слышу залаяли собаки. Бѣгу прямо туда, гдѣ коровы привязаны. Схватилъ въ темнотѣ за веревку—обрѣзана! За другую—обрѣзана! Увели!.. Нѣть ни коровы, ни телки. Заплакалъ я тутъ. Положилъ три земныхъ поклона и говорю: «Никола Милостивый, если ты меня не жалѣешь, хоть дѣтей-то моихъ пожалѣй!.. Пoshель на деревню. Разбудиль всѣхъ. Бѣда, говорю, корову и телку угнали. Бросились мы догонять!.. Недалеко отъ «Богатской скалы» мостъ поправляли,—дорогу-то и загородили. Довели они, значитъ, скотину до этого мѣста, а черезъ загородку провести не могутъ. Сорвали съ духана дверь, положили, чтобы по двери

пройти могли, да дверь не хватаетъ. Бились они, бились, тутъ мы ихъ и догнали. Бросились они бѣжать отъ нась. Въ темнотѣ гдѣ же поймать. Да и не къ чему. Богъ съ ними! Скотину-то оставили, славу Богу! Домой привель и корову и телку...

О. Иванъ разсказывалъ мнѣ о Филиппѣ, видимо, не только любя его, но и гордясь имъ. Когда ему приходилось говорить хорошее о

Филиппъ съ семьей около своей хаты.

пустынникахъ, онъ сейчасъ же спѣшилъ вставить какую-нибудь оговорку, чтобы это хорошее не показалось чѣмъ-нибудь особеннонымъ. А тутъ напротивъ. Онъ боялся, что я не вполнѣ оцѣнюю Филиппа, и всячески старался дать мнѣ почувствовать за внѣшней простотой и обыденностью фактовъ ихъ внутреннее значеніе.

— Господь видить такихъ людей,—сказалъ онъ,—спаси Господи!

Латы—это небольшое смѣшанное поселеніе: тутъ есть и русские, и туземцы, и поляки. Оно не похоже на наши деревни. Каждый поселенецъ отгородилъ себѣ участокъ, поставилъ домъ, разсадилъ садъ, остальное разработалъ подъ кукурузу, картофель, фасоль, и живетъ «фермеромъ».

Дома не жмутся другъ къ другу, какъ въ нашихъ деревняхъ,

Хата въ саду.

а отстоять на нѣсколько сотъ саженъ. «Участокъ» Филиппа третій или четвертый съ краю.

Филиппъ оказался дома.

Я уже такъ ясно представлялъ его себѣ, что теперь естрѣтиль, какъ давно знакомаго. Наружность его очень подходитъ ко всѣмъ разсказамъ о немъ. Простое, русское лицо. Бородка съ просѣдью. Услужливый, но безъ торопливости, и весь ка-

кой-то тихій: тихія движенія, тихій голосъ, спокойное, тихое лицо.

Онъ взялъ вещи и повелъ меня въ садъ, въсосѣднюю хату своего зятя.

Зять съ женой живетъ гдѣ-то въ Сухумѣ. О. Иванъ остался у Филиппа; такимъ образомъ, все это помѣщеніе было предоставлено мнѣ.

Покуда я раздѣвался, Филиппъ принесъ тазъ съ водой, по-

Пасѣка.

дошелъ ко мнѣ, всталъ на колѣни, и не успѣлъ я сообразить, въ чёмъ дѣло, какъ онъ принялъся мыть мои ноги.

— Что вы, что вы... я самъ!..

— Самому же неловко?—удивился онъ.

— Нѣть, нѣть, очень даже ловко. Пожалуйста, не надо!

Я съ трудомъ уговорилъ отдать мнѣ мыло.

Онъ только головой покачивалъ, глядя на грязь, комьями отстающую отъ ногъ.

— А смѣниться есть чѣмъ?—спросилъ онъ.

— Бѣлье есть, а вотъ брюкъ запасныхъ нѣть.

Филиппъ молча сталь рыться за занавѣской и черезъ нѣсколько минутъ вынесъ оттуда теплыя фланелевыя брюки, и очень доволенъ быль, когда я облекся въ нихъ. Брюки какой-то особенной конструкціи: безъ кармановъ, безъ пуговицъ и коротенькія по колѣна. Должно быть, я очень хорошъ быль въ нихъ, потому что на спокойномъ лицѣ Филиппа вдругъ неожиданно засвѣтилась лукавая улыбка.

— Хорошъ? — спросилъ я.

— Ничего! — отвѣтилъ Филиппъ.

Мы вышли на балконъ, придѣланный съ двухъ сторонъ хаты, и Филиппъ показалъ мнѣ свое хозяйство. Большая часть участка раздѣлена подъ кукурузу, немного плодовыхъ деревьевъ. Ровный нескошенный лугъ. За хатой пасѣка. Такія пасѣки есть у каждого поселенца безъ исключенія.

Ульи строены совершенно иначе, чѣмъ въ нашихъ мѣстахъ, разумѣется, не рамочные, а пеньки. Но эти пеньки не стоять стоймѧ, а положены на-бокъ, на жерди, плотно одинъ къ другому, сверху закрыты дранкой, на которую навалены камни. Издали пасѣка имѣеть видъ сложенныхъ въ одинъ рядъ дровъ... Медъ темный, горьковатый, по преимуществу съ каштановыхъ цвѣтовъ.

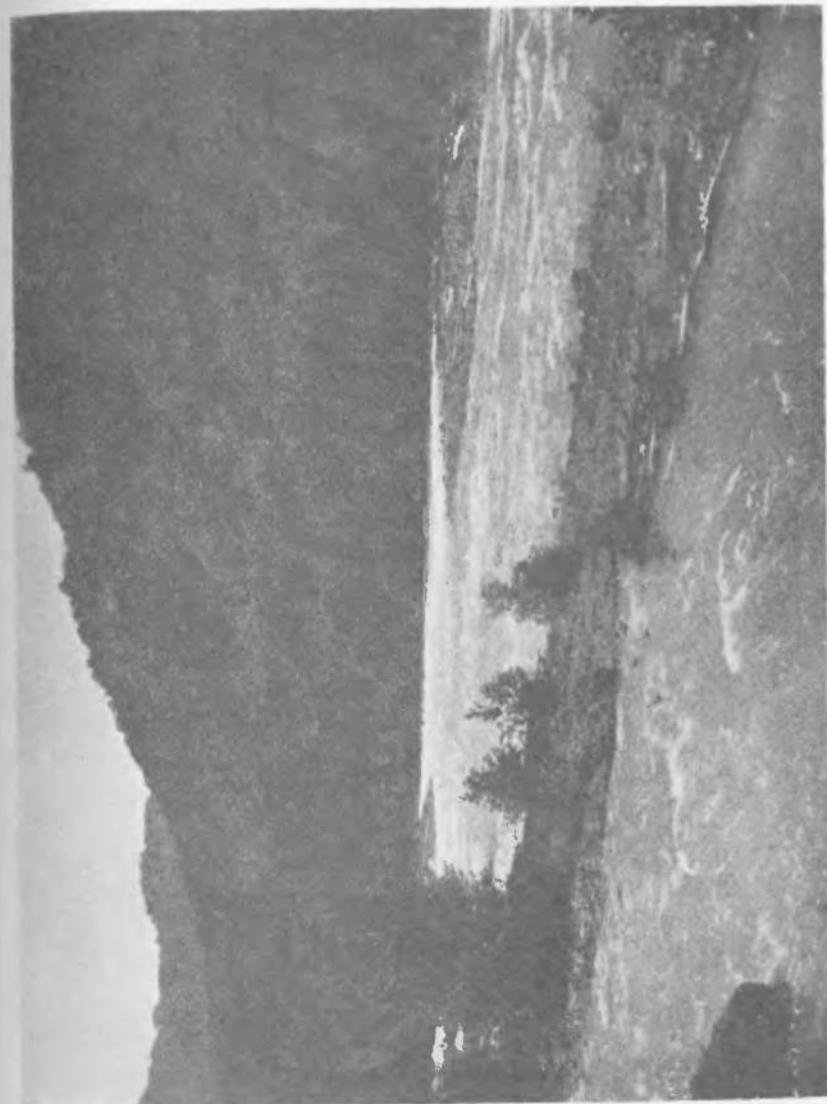
О. Иванъ зоветъ пить чай.

Внизу, около хаты Филиппа, подъ деревомъ стоитъ столъ. Это собственно не столъ, а длинная широкая доска, покрытая скатертью. Одинъ конецъ доски лежитъ на пнѣ, другой на бревнахъ. Но Филиппъ поставилъ на этотъ оригинальный столъ все, что у него есть: медъ въ чашкѣ, непочатую баночку съ вишневымъ вареньемъ, кукурузовый хлѣбъ и даже бутылочу съ наливкой. С. Иванъ не пьетъ. А мы съ Филиппомъ чокаемся и пьемъ изъ громадныхъ граненыхъ рюмокъ. Послѣ этой «рюмки» ротъ мой долго не закрывается, и я не могу произнести ни слова. Не мигая, смотрю я на Филиппа: онъ ничего себѣ, только головой трясеть и обтираетъ губы... Очевидно, наливка сплошной спиртъ, но какой-то особенный, сильно отдающій сивушнымъ масломъ.

Филиппъ спрашиваетъ:

— Не выкушаете ли еще?

Съ трудомъ прихожу въ себя и, разумѣется, отказываюсь. Оказывается, Филиппъ не пить, сдѣлалъ это для «гостя».

Рѣка Кодоръ близъ Лагть.

Мы кончаемъ пить чай въ сумеркахъ. Туманъ опускается съ горъ, и тянетъ холодный вѣтеръ. Гдѣ-то слышится далекій гулъ: не то громъ въ горахъ, не то обвалы...

О. Иванъ провожаетъ меня до хаты и дорогой спрашиваетъ:

— Филиппъ велѣлъ спросить, не сварить ли вамъ на дорогу курицу?

— Нѣтъ, спасибо, не надо... Значитъ, о. Иванъ, завтра выйдемъ чуть свѣтъ?

— Очень хорошо. Покойной ночи. Спаси васъ Господи.

Я вхожу въ хату и ловлю себя на странномъ чувствѣ: какъ будто бы вхожу въ келью...

VI.

Дорога до Аджаръ.—У подножія горы.

Отъ Лать до Аджаръ по шоссе двадцать четыре версты. Дорога почти все время идетъ по берегу Кодора, изрѣдка только прячется въ тѣнистый лѣсъ и снова придвигается къ самому обрыву.

Ближе къ Латамъ горы сплошь покрыты лѣсомъ, носять характеръ холмовъ, хотя и очень высокихъ; рѣка часто разбивается на нѣсколько рукавовъ, образуетъ небольшие острова, течеть не такъ бурно и вообще во всемъ чувствуется что-то мирное и, право же, похожее на Филиппа!

Мѣстами попадаются скалы. Но и онѣ мало похожи на «Богатскую скалу», оставленную нами позади, или на Капчарскія скалы, которая ближе къ Аджарамъ. Скалы близъ Лать не высоки, изъ мягкаго плоскаго камня желтоватаго цвѣта. Въ расщелинахъ растутъ деревья и высокая трава. А упавшіе камни покрыты мягкимъ ярко-зеленымъ мохомъ. Около такихъ скаль итти весело. Онѣ кажутся полуразрушенными стѣнами какого-нибудь старого монастыря. Дорога около нихъ шире, и шаги четко отдаются по крѣпкой дорогѣ.

Впереди почти всю дорогу видна поперечная цѣпь снѣжныхъ горъ. Это Нахарскій перевалъ. Легкая, какъ облака, бѣлая, почти прозрачная линія волнистой чертой стоитъ на небосклонѣ и кажется совсѣмъ близкой... Но куда бы ни свернула дорога и сколько бы верстъ ни прошли вы,—бѣлая линія горъ видна все такъ же и кажется все такой же близкой.

Чтобы не торопиться и не устать, мы съ о. Иваномъ рѣшили сдѣлать такъ: часть итти, четверть часа отдохнуть.

Для отдыха выбираемъ камни или поваленныя деревья около источниковъ. На этихъ источникахъ, въ лѣсу, часто попа-

даются маленькия мельницы для кукурузы, напоминающія сказочные избушки на курьих ножкахъ.

На привалахъ о. Иванъ разсказывалъ что-нибудь:

— Самое тяжелое,—говорить онъ,—это мысль, что зря тратишь силы... Годы проходятъ, а ты никуда не двигаешься, не замѣчаешь въ себѣ никакого духовнаго роста. И вотъ является вопросъ: Не уйти ли? Не начать ли жизнь сначала?.. Однажды съ такими сомнѣніями пришелъ нашъ пустынникъ къ старцу Ереміи въ Драндскій монастырь. Старецъ и говорить ему:

— Видаль ты когда-нибудь, какъ гуси летятъ?

— Видаль,—говорить.

— Знаешь ли, что летятъ они за тысячи верстъ?

— Знаю.

— А зачѣмъ? Чтобы поддерживать *свое племя*. Такъ и вы, пустынники. Если и нѣть большихъ подвижниковъ среди васъ—живите! Вы хорошо дѣлаете уже тѣмъ, что поддерживаете племя пустынниковъ.

О. Иванъ нѣсколько разъ дорогой вспоминалъ этотъ разсказъ и всегда передавалъ его съ особеннымъ чувствомъ: очевидно, часто онъ служилъ ему самому утѣшеніемъ въ тяжкія минуты сомнѣній...

Самое красивое мѣсто дороги, когда издали открываются каменные глыбы Капчарскихъ скалъ.

Кодоръ въ этомъ мѣстѣ уже. Несется еще стремительнѣй. Бѣлая пѣна, брызги, гулъ сдвигаемыхъ по дну камней дѣлаютъ его похожимъ на водопадъ.

Солнце стоитъ прямо надъ долиной, и рѣка между темныхъ сжатыхъ горъ блеститъ такъ ярко, что болно смотрѣть на нее. Нѣть больше широкихъ, открытыхъ далей. Точно сторожевые замки стоятъ сѣрыя непривѣтливые скалы на берегу злой, сѣдой рѣки и заслоняютъ собой все—и мягкую линію горъ и ясное, открытое небо.

Въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ проложенъ мостъ. Эти мосты черезъ горныя рѣки буквально висятъ въ воздухѣ. Ихъ дѣлаютъ турки для перевозки дранки на вьюченныхъ лошадяхъ. Укрѣпить ихъ въ рѣкѣ, разумѣется, нѣть никакой возможности, и мостъ держится двумя своими концами. Когда идешь по нему, онъ ходить ходуномъ, скрипить и качается

Кукурузовая мельница въ лѣсу.

какъ качели, и если бы волны могли захлеснуть его, они снесли бы весь мостъ, какъ щепку!

На полпути о. Иванъ говорить:

— Сейчасъ будеть хорошая поляна,—можно чайникъ скипятить, поѣсть и отдохнуть, какъ слѣдуетъ.

— Да, я усталъ; безъ отдыха, пожалуй, не дойду.

— Ничего нѣть удивительного,—говорить о. Иванъ свою любимую «ободряющую» фразу:—я и то усталость чувствую. Скорѣй удивляться бы надо, если не устали.

Мы выходимъ на великолѣпный зеленый лугъ. Совсѣмъ, какъ въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ, гдѣ-нибудь за Окой. Только вмѣсто дубовъ на лугу стоитъ нѣсколько громадныхъ деревьевъ грецкихъ орѣховъ.

Выбираемъ одно такое дерево подальше отъ дороги. Складываемъ сумки. Натаскиваемъ камней,—быстро получается цѣлая столовая: стулья, столъ, буфетъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ и кухня.

— Мы быстро идемъ, совсѣмъ по-пустынному,—говорить о. Иванъ.—Можно отдохнуть больше часа.

— Мнѣ бы хотѣлось сегодня же подняться на гору и ночевать у кого-нибудь изъ пустынниковъ.

— Успѣемъ вполнѣ. Пойдемъ прямо къ о. Никифору. Это опытный старецъ. Подъ его руководствомъ я полагаль начало своей пустыннической жизни. Недалеко отъ него келья другого пустынника, о. Герасима. Въ ней ночевать удобнѣе: просторная, чистая келья. А самого о. Герасима сейчасъ нѣть. Онъ строится на другомъ мѣстѣ,—уходить отсюда хочетъ.

— Куда?

— Думаетъ гдѣ-нибудь ближе къ монастырю жить.

— Это зачѣмъ?

— Чтобы съ поселенцами дѣла не имѣть.

— Развѣ не все равно, къ поселенцамъ или къ монахамъ обращаться.

— Нѣть, тутъ особая причина... На него женскій поль производить слишкомъ рѣзкое впечатлѣніе... А здѣсь у поселенцевъ приходится видѣть женщинъ. Онъ долго колебался. Хорошее мѣсто у него, уходить не хотѣлось. Теперь рѣшилъ окончательно. Совсѣмъ не могу, говорить, здѣсь. Строится на горахъ

за Новымъ Аeonомъ. Конечно, не у всякаго такъ: одному одна страсть дается, другому—другая...

— А по-моему,—прибавилъ онъ, подумавъ:—женскаго пола въ монастырѣ даже больше. Со всей Россіи прѣезжаютъ... Да.. всякому свое... такая ужъ особая страсть ему дана... Только что онъ хорошо себя держитъ... въ бореніи... Слава тебѣ, Го-

Мостъ.

споди... Вотъ уйдетъ о. Герасимъ,—я, можетъ быть, въ его келью перейду... Тоже не рѣшусь никакъ... Боюсь ошибиться...

— Что такъ, развѣ у васъ плохо?

— Далеку живу! Дальше всѣхъ—на самомъ хребтѣ.. Не знаю, хорошо ли такъ... У о. Герасима рядомъ о. Никифоръ, опытный, духовной жизни старецъ. Можетъ быть, для начала лучше такъ... И о. Никифоръ уговариваетъ...

— Вы разве недавно въ пустынѣ живете?

— Не очень давно, лѣтъ десять... Одному, безъ старца, трудно пока...

— Почему же переходить сомнѣваетесь?

— Боюсь ошибиться,—повторилъ о. Иванъ.

— Въ чемъ можетъ быть ошибка?

— Какъ въ чемъ? У настъ опытные старцы учатъ, что никогда безъ крайней нужды переходить не надо. Часто бываетъ такъ: выбереть пустынникъ мѣсто, поставить келью, проживетъ годъ-два, и вотъ начинаетъ ему казаться, что дѣло у него плохо ладится, потому что мѣстность плохая. «Вотъ кабы тамъ,—думаетъ,—на той бы горѣ келью поставить, совсѣмъ бы другое было». Это самое первое искушеніе на пути. Иной по неопытности поддастся, уйдетъ... Ну, и не жилецъ послѣ этого въ пустынѣ! Все ему будетъ казаться, что не на томъ мѣстѣ живеть. То на одну гору, то на другую потянетъ, пока не замоется въ конецъ... Вотъ я и боюсь уходить изъ своей кельи, не ошибиться бы, думаю...

Мы давно уже кончили съ о. Иваномъ и есть и пить. Но подыматься не хочется. Такъ хорошо лежать подъ деревомъ. Бугристые корни кажутся удобнѣй всякой подушки, а густая листва закрываетъ мягкою тѣнью лучше всякаго одѣяла. И тѣло такъ пріятно болить отъ усталости, и нагрѣтая, влажная отъ дождей трава пахнетъ медомъ.

— Пора итти,—говорю я, не двигаясь.

— Пора итти,—улыбается о. Иванъ.

Лежимъ еще нѣкоторое время молча, въ полудремотѣ...

— А все-таки надо итти!

Послѣ отдыха первое время усталость еще чувствительнѣе. Но пока мы собираемъ вещи, спина начинаетъ разгибаться свободнѣй и ноги понемногу приходятъ въ себя!

Снова отправляемся въ путь. Дорога все такая же, крутыхъ подъемовъ нѣть, но горы кругомъ становятся все выше. На вершинахъ появляются бурыя лысины и даже узкія полоски не растаявшаго снѣга. Недалеко отъ Аджаръ мы переходимъ рѣку еще болѣе бурную и стремительную, чѣмъ Кодоръ. Должно быть, за свой снѣжно-бѣлый цвѣтъ она называется рѣка Зима. Кодоръ поражаетъ силой, размахомъ, а рѣка Зима какой-то бѣшеной яростью. Положительно не можешь отдѣ-

Кашчарскія скалы.

латься отъ впечатлѣнія, что передъ тобой не рѣка, а какое-то злобное и страшное живое существо.

Я тороплю о. Ивана. Мнѣ хочется засвѣтло подняться къ о. Никифору. Тѣмъ болѣе, что у насъ впереди еще одинъ большой отдыkhъ, у подножья горы, въ дуxанѣ. Мы рѣшили не задерживаться больше, а тамъ за то напиться чаю, запастись провизіей и отдохнуть какъ слѣдуетъ.

Но вышло все иначе...

Въ дуxанѣ Чхалта два отдѣленія. Въ одномъ—бакалейная лавка и бурдюки съ виномъ. Въ другомъ—нѣчто въ родѣ нашей плохой пивной или чайной. Окна маленькие, подъ на-вѣсомъ. Въ дуxанѣ полутемно и сыро, какъ въ пустомъ сараѣ.

Мы вошли въ этотъ «сарай» и были поражены страннымъ зрелищемъ.

За большимъ столомъ, свѣсивъ голову и почти свалившись подъ лавку, спалъ видимо совершенно пьяный стариkъ. Собака взобралась передними лапами на столъ и ёла около него обгрызки хлѣба. Тутъ же, не обращая никакого вниманія на собаку, сидѣлъ монахъ съ листомъ бѣлой бумаги и карандашомъ въ рукахъ и въ страшномъ возбужденіи говорилъ какому-то человѣку, тоже пьяному, стоявшему посреди комнаты въ растерзанномъ видѣ, безъ пояса, босикомъ:

— Ворожи! Ворожи!.. Говорю, уйди... говорю тебѣ, уйди!.. Анаеема! Анаеема!..

И монахъ при этихъ безсвязныхъ словахъ благословлялъ пьяного широкимъ крестомъ.

— Знаешь ли ты, что пишешь-то,—тянулся къ нему пьяный:—я больше твоего понимаю. Пустынникъ. Пьяница!

Монахъ вскочилъ. И, потрясая въ воздухѣ измятой бумагой, закричалъ еще возбужденнѣй:

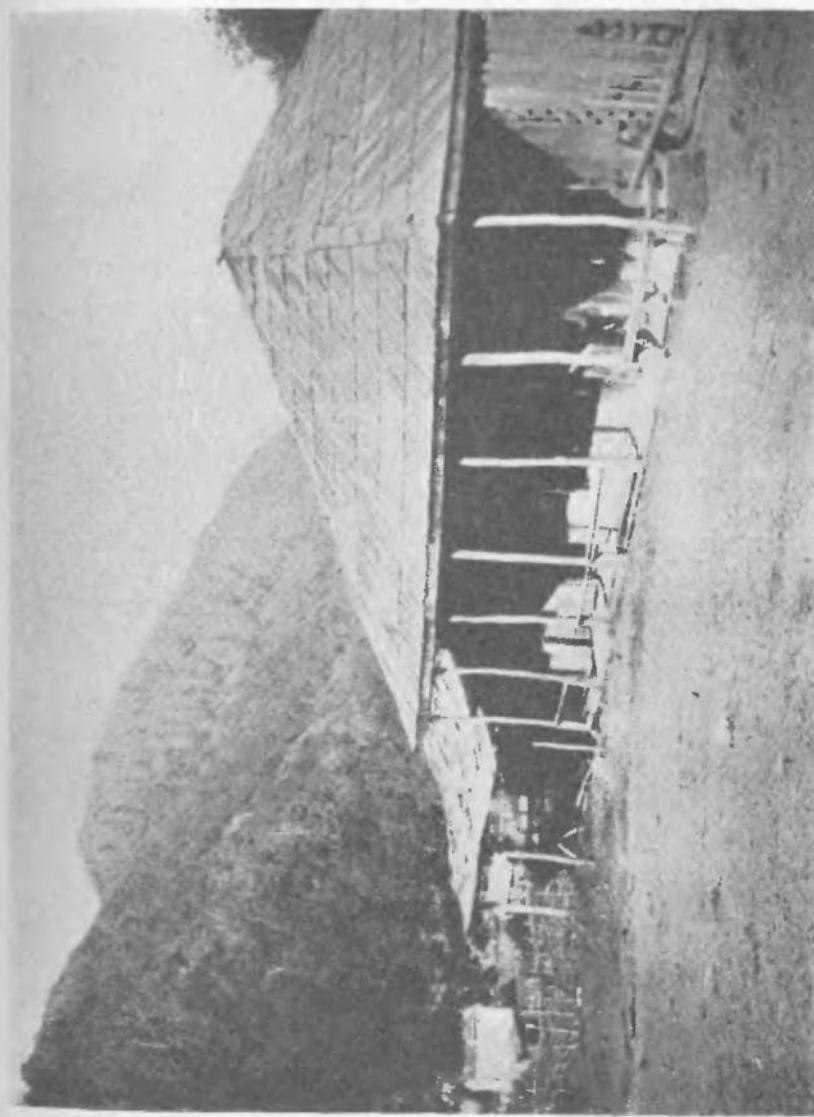
— Ана-ее-ма!.. Ана-ее-ма!..

Пьяный обратился къ намъ:

— Вы простите нась... Выпили... Мы вѣсъ че побезпскoимъ...

Пьяный придинулся ко мнѣ совсѣмъ близко и въ упоръ вглядывался въ меня странными, не мигающими глазами.

— Какой же я вамъ судья? Пожалуйста, не беспокойтесь. Я вѣсъ нисколько не осуждаю.

Дуxанѣ Чхалта.

— Вотъ благодарю! Сразу господина видно!.. А ты—ерунда!..
Пустынникъ... Какой ты пустынникъ!

Монахъ подбѣжалъ ко мнѣ. Въ одной рукѣ у него трепалась бумага, другой онъ судорожно крестилъ воздухъ и, нелѣпо гри-
масничая, приговаривалъ:

— Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!..

Повернулся и бросился на улицу.

Я посмотрѣлъ на о. Ивана. Онъ стоялъ блѣдный, какъ полотно.

Съ улицы доносился крикъ монаха:

— Ворожи! Ворожи!.. Анаѳема!.. Уйди!.. Уйди!

Безобразная ругань и еще чьи-то голоса.

— Этакое искушеніе... Спаси, Господи,—со слезами въ го-
лосѣ сказалъ о. Иванъ.

Я чувствовалъ, что о. Ивану до боли обидно, что я начинаю
свое знакомство съ пустынниками такой страшной сценой. Я
сказалъ:

— Не надо такъ разстраиваться, о. Иванъ; вѣдь онъ—ду-
шевно-больной.

О. Иванъ посмотрѣлъ на меня долгимъ, внимательнымъ
взглядомъ.

— Я не сужу его... Я знаю, что онъ больной... Да многіе
ли повѣрятъ этому? Скажутъ—пьяный! А называется «пустын-
никомъ». Можеть быть, и всѣ они такие же. А какъ намъ
быть? Мы и убѣждали его и просили. Съ нимъ вѣдь прохо-
дить это,—тогда онъ все понимаетъ... Доказывали ему, что
нельзя съ такой болѣзнью въ пустынѣ жить. Нѣть! Не слу-
шается...

На улицѣ послышались шумъ, возня, крики. И черезъ нѣ-
сколько минутъ къ намъ вѣжаль тотъ же монахъ, еще каки-
то люди и стражникъ.

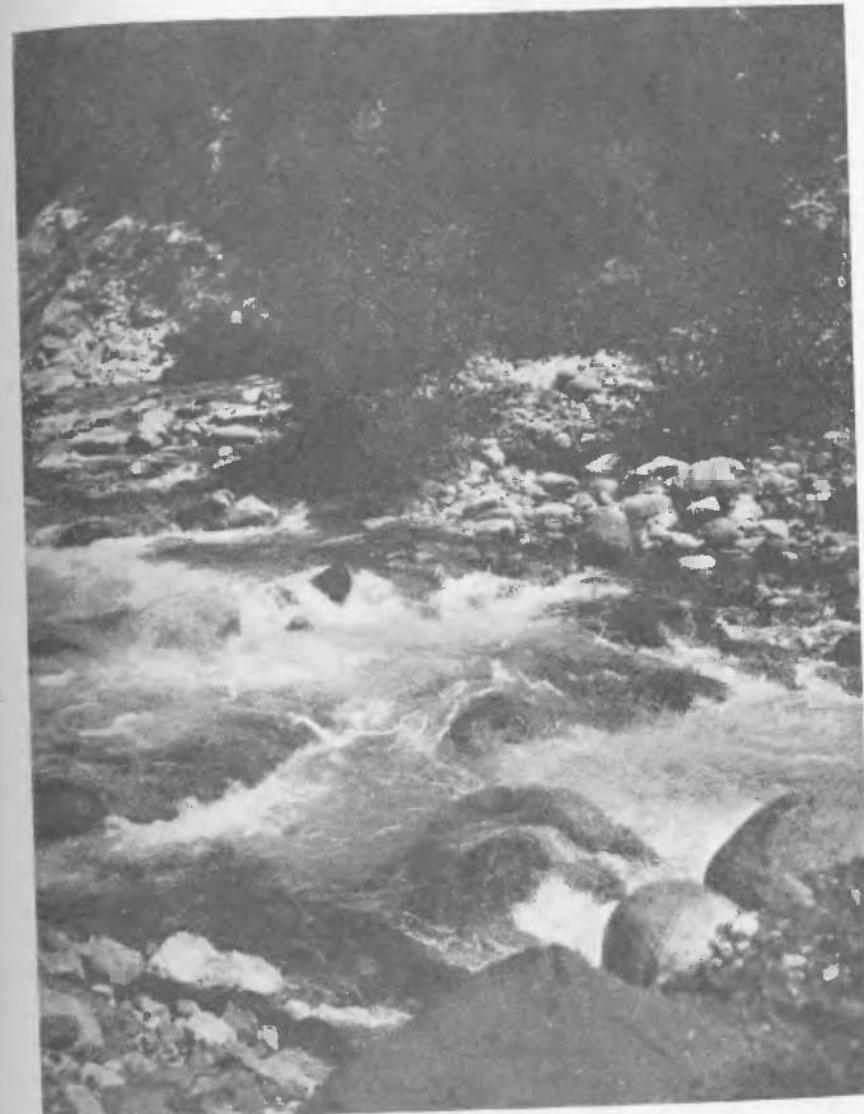
— Я сидѣлъ... пилъ чай... Прибѣжалъ, изругалъ всѣхъ...
Забрать его!..

Монахъ, видимо, ничего не понималъ, что дѣлалось вокругъ
него, и попрежнему дико, безсвязно выкрикивалъ ругатель-
ства и благословлялъ стражника, который хваталъ его.

— Ворожи!.. Уйди!.. Анаѳема!.. Анаѳема!..

— Уйдемте отсюда,—сказалъ я о. Ивану.

Онъ обрадовался и заторопился.

Рѣка Зима.

— Я и то хотѣлъ попросить васъ. Не могу я больше видѣть этого... Тяжко... Очень тяжко... И самъ даже не знаю, почему такъ. Никогда такъ не было...

— Значитъ, зачѣмъ-нибудь надо,—въ раздумьѣ продолжалъ онъ, торопливо складывая вещи:—у подножья горы—вонъ что увидѣли... Спаси, Господи... Этакое искушеніе... Видно, такъ Богу угодно...

Нашъ уходъ изъ духана похожъ былъ на бѣгство.

Мы шли молча и такъ скоро, какъ не шли и въ началѣ дороги. А сзади все еще доносились:

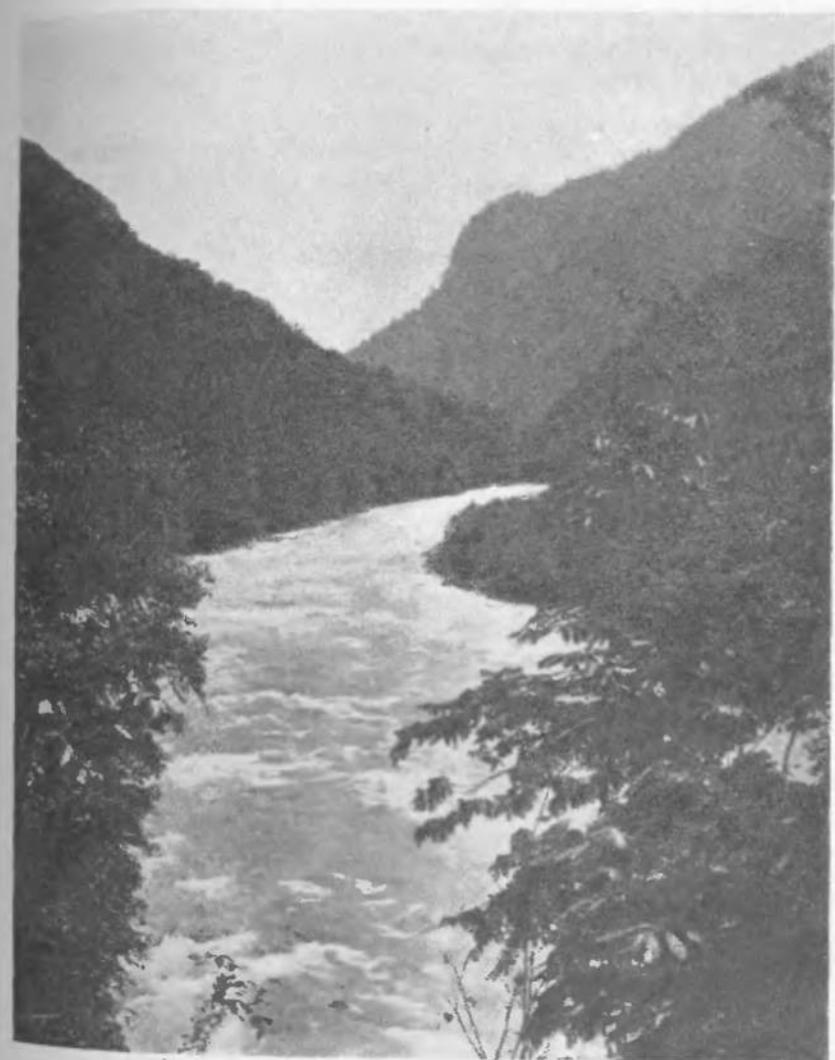
— Ворожи!.. Уди!.. Анаѳема!..

Когда мы прошли съ версту, и все стихло, и даже гора, подъ которой стоять духанъ, скрылась изъ виду, о. Иванъ сказалъ:

— Это вы вѣрно сказали, что онъ—душевно-больной. Въ пустынѣ многіе кончаютъ такъ. Придетъ неподготовленный, руководителя опыта нѣть—бросается на одно, на другое, начинаетъ не въ мѣру молиться, не въ мѣру поститься... А дьяволъ тутъ, какъ тутъ—сбываетъ, замотаетъ, и человѣкъ погибъ... Былъ одинъ пустынникъ у насъ. Пришелъ и сразу началъ съ самыхъ трудныхъ подвиговъ: не Ѳль, не спаль, ночами молился... И вотъ начало ему казаться, что когда онъ стоитъ на молитвѣ, вся земля колеблется. Разсказалъ онъ объ этомъ одному изъ братьевъ-пустынниковъ. Тотъ говорить: «Въ прелестъ это ты впадаешь. Въ искушеніе. Въ гордость! Мнишь себя подвижникомъ: брось! Больше тебѣ Ѳсть да спать надо». Конечно, не послушался, и самъ въ себѣ думаетъ: это мнѣ Господь знаменіе посылаетъ за ревность мою да за подвиги. Всѣ мнѣ завидуютъ... Дальше—больше. Представляться разные образы начали. Видѣть разъ, стоять передъ нимъ экипажъ, запряженный парой лошадей. Онъ будто бы садится и ёдетъ кататься. Потомъ пришелъ въ себя: оказывается, залѣзъ въ колючки, искололся весь... Ну, говоритъ, теперь я вижу, кто это мнѣ знаменіе посылаетъ!..

— А этотъ монахъ, котораго мы видѣли въ духанѣ, давно боленъ?

— Этотъ-то давно... Онъ, собственно говоря, и въ пустынью къ намъ такой пришелъ. Насъ всѣ осуждаютъ: вотъ какъ ваши пустынники безобразничаютъ. А чѣмъ мы виноваты? Онъ къ намъ изъ монастыря больной пришелъ...

Рѣка Кодоръ близъ Капчарскихъ скалъ.

— Что такое онъ пишетъ на бумагѣ?

— Да такъ... Безсвязныя слова.. Ничего понять нельзя. Какъ говорить—такъ и пишеть... Ну, я радъ, что мы ушли. Такъ не хорошо было. Такъ смущило меня это,—самъ на себя удивляюсь. Не разъ я видѣлъ его такимъ, и никогда не чувствовалъ такой тяжести... Искушеніе...

— Гдѣ же теперь отдохать будемъ?

— Передъ самымъ подъемомъ на гору. Тамъ хорошо—никого нѣть. А къ о. Никифору успѣемъ еще.

Не доходя съ версту до Аджаръ, мы свернули съ шоссе и цѣльникомъ, по высокой травѣ, подошли къ узкой горной тропинкѣ.

Прошли меньше полверсты, но сразу почувствовалось что-то другое: горная тишина охватила насть. И на шоссе было безлюдно и тихо. Но все же вѣяло чѣмъ-то «жилымъ». Здѣсь у самой горы, на опушкѣ лѣса, за густою стѣнкою травы—все стало инымъ: не слышно, какъ шумитъ Кодоръ. Не видно дороги, по которой ходятъ иѣздить люди, нѣть духановъ, выоцененныхъ лошадей, поселенческихъ хатъ.

Дикая сцена въ духанѣ встрѣтила насть на рубежѣ между послѣднимъ населеннымъ мѣстомъ и пустыней, гдѣ нѣть никого, кромѣ звѣрей, птицъ, лѣса, безмолвныхъ горъ и нѣсколькихъ странныхъ людей, оставившихъ внизу все и ушедшихъ жить со звѣрями и птицами.

Недолго отдыхали мы съ о. Иваномъ. Хотѣлось, несмотря на усталость, скорѣй ити дальше. Уйти совсѣмъ, чтобы даже самыя смутныя впечатлѣнія оставленного внизу міра исчезли окончательно.

Молча встали мы съ о. Иваномъ и начали подыматься въ гору...

VII.

О. Никифоръ.

Мы выходимъ на просторную, открытую поляну.

Я вглядываюсь. Келю посрединѣ поляны видно еще совершенно ясно: она похожа на небольшую, низенькую крестьянскую избу.

О. Иванъ показываетъ мнѣ рукой на другой конецъ поляны и радостно говоритъ:

— А вонъ и о. Никифоръ! Слава Богу! Теперь, значитъ, все хорошо будетъ. Я боялся, что онъ ушелъ въ церковь.

Быстрымъ, бодрымъ шагомъ на встрѣчу намъ шелъ старикъ невысокаго роста. Очень худой. Съ маленькимъ лицомъ и громадной бѣлой бородой.

О. Иванъ представилъ меня:

— Вотъ нашъ московскій гость, о которомъ говорилъ братъ Сергій.

— Пожалуйте, пожалуйте,—совершенно молодымъ голосомъ быстро и звонко сказалъ о. Никифоръ.

Меня поразили его глаза и даже, вѣрнѣе, взглядъ его. Онъ не смотрѣлъ прямо и пристально. А взглядалъ искоса, боковымъ острѣмъ взглядомъ. Глаза у него очень большие, сѣрые, свѣтлые. И отъ этого страннаго бокового взгляда является почти физическое ощущеніе, что видитъ онъ дальше, чѣмъ обыкновенный человѣческій глазъ.

Я почувствовалъ сразу, что передо мной не просто «хорошій человѣкъ», а какое-то явленіе высшаго порядка.

И о. Сергій, и о. Иванъ очень понравились мнѣ. Я видѣлъ въ нихъ людей, ушедшихъ далеко въ духовномъ отношеніи, понималъ, что есть у нихъ чему поучиться. Но тутъ было дру-

тое. И съ о. Иваномъ, и съ о. Сергиемъ я все же стоялъ на какомъ-то общемъ уровнѣ: пусть они выше, я ниже, но мы величины соизмѣримыя. А здѣсь разница не качественная, а по самому существу. Просто совсѣмъ другое. Про о. Никифора нельзя сказать, что онъ «лучше» о. Ивана. Онъ не соизмѣримъ ни съ кѣмъ другимъ. Точно и я, и о. Сергій, и о. Иванъ—люди, а о. Никифоръ нѣкое существо иного порядка...

И было странно видѣть, какъ онъ хлопочетъ съ умывальникомъ, съ полотенцемъ, съ чайникомъ. Но и въ этихъ мелочахъ было что-то особенное, и отношеніе къ его словамъ, часто шутливымъ, тоже особенное...

Онъ подавалъ свое грубое полотенце, и на мои слова:

— Спасибо, у меня въ сумкѣ есть свое...

возражалъ:

— Уйдете, будете своимъ утиратся. А здѣсь моимъ утирайтесь.

И въ тонѣ, и въ лицѣ его было что-то такое, отъ чего сразу становилось ясно, что надо дѣлать такъ, какъ онъ говоритъ.

Вначалѣ нѣсколько разъ на такія мелочи я какъ-то по инерціи возражалъ ему. Онъ окидывалъ меня своимъ боковымъ острымъ взглядомъ и сейчасъ же соглашался:

— Хорошо, хорошо... Какъ лучше! Дѣлайте, какъ лучше!..

Пока мы приводились въ порядокъ, о. Иванъ рассказывалъ о. Никифору о встрѣчѣ въ духанѣ съ больнымъ монахомъ.

— Вы сказали, что онъ душевно-больной?—обратился ко мнѣ о. Никифоръ.

— Да. Я въ этомъ увѣренъ.

— Очень радъ такому гостю,—неожиданно, скороговоркой бросилъ мнѣ о. Никифоръ.

Ушелъ къ себѣ въ келью. Принесъ хлѣбъ. Поставилъ на столъ посуду и подошелъ ко мнѣ.

— Вы знаете,—сказалъ о. Никифоръ:—въ монастырѣ можетъ быть и больше душевно-больныхъ, да ихъ не видно, а въ пустынѣ видно. Въ пустынѣ все дѣлается видно. Здѣсь на виду стоимъ. На горѣ! Тамъ и то, и другое незамѣтно можетъ быть, а здѣсь какой ни на есть, а долженъ быть конецъ: или спасешься, или погибнешь. Здѣсь человѣкъ неузнаннымъ не проживеть.

О. Никифоръ говорилъ очень складно, яснымъ, молодымъ голосомъ. Но въ словахъ его было еще что-то другое, какая-то особенная убѣдительность. Не возникало даже тѣни сомнѣнія

Пустынникъ о. Никифоръ.

или попытки «не соглашаться». Какъ будто бы то, что говорилъ о. Никифоръ, было не какое-либо «его мнѣніе», а «то самое», «на-вѣрное»,—и это надо было не «обсуждать», а просто «слушать».

До поздней ночи просидѣли мы на полянѣ съ о. Никифоромъ.

Кругомъ черной стѣной стоялъ лѣсъ. Острые зубцы вырисовывались на свѣтломъ, звѣздномъ небѣ. По всей полянѣ, точно восковыя свѣчи, вспыхивали и гасли летающіе свѣтильки. Я видѣлъ ихъ и раньше на Кавказѣ, но никогда не могъ представить себѣ такого количества. Тысячи, тысячи такихъ огней горѣло въ лѣсу. И откуда-то издали несся странный тревожный звукъ:

— У-гу!.. Угу-гу!..

Точно гдѣ-то далеко-далеко звалъ къ себѣ человѣческій голосъ.

Это кричалъ филинъ.

О. Никифоръ говорилъ тише. Наклонялся близко ко мнѣ. Глаза его и въ темнотѣ были все такие же острые и ясные. Бѣлую бороду вѣтеръ отдувалъ въ сторону, и весь онъ казался сказочнымъ лѣснымъ дѣдушкой...

— Я въ міру скверно жилъ,—говорилъ о. Никифоръ:—а о пустынѣ съ самого дѣтства думалъ. Тутъ таинство. Вы послушайте-ка, милый братецъ. Быть я приказчикомъ галантерейнаго магазина. Потомъ самъ хозяиномъ сталъ. Богато жилъ. Жена была хорошая, тихая... А я жилъ очень скверно. Все, что въ голову приходило, то и дѣлалъ, точно узнать хотѣлъ, что изъ этого выйдетъ. Мать у меня была. Она говорила мнѣ: «И день и ночь о тебѣ молюсь, а ты все живешь попрежнему». Я просилъ: «Не бросай, еще молись». Жена померла скоро. И сталъ я чувствовать: пока отъ денегъ не освобожусь, ничего не выйдетъ. А отдать ихъ силь нѣтъ. И сталъ я самъ себя обманывать: вмѣсто того, чтобы просто отдать—мотать ихъ. Рѣшилъ все извести! Извѣль. И вижу тогда, что могу. Но все еще связанъ былъ. Только когда къ Новому Аeonу подѣзжать сталъ, почувствовалъ, что освобождаюсь. Долго на Новомъ Аeonѣ жилъ, а самъ все о пустынѣ думалъ. Терпѣль, терпѣль. Нѣтъ, вижу, надо итти... И ушелъ... И вотъ какое таинство! Едва не погибъ въ пустынѣ. Разсудка было лишился.

О. Никифоръ отвернулся и долго смотрѣлъ въ темноту.

— Какъ же это случилось, о. Никифоръ?—спросилъ я.

О. Никифоръ молчалъ.

О. Иванъ тихо сказалъ:

— Не такъ молился...

— Какъ случилось?—снова началъ о. Никифоръ.—Не такъ молился. Десять лѣтъ жилъ—и все не такъ. Едва не погибъ.

Келья пустынника о. Герасима.

Бога въ зрительномъ образѣ представлялъ. Молюсь и вижу на небѣ Господа Іисуса Христа одесную. Думаю, ему кланяюсь. А это—демонъ. Этакое таинство! Братія указывала мнѣ—не надо такъ молиться. Слова эти, аки копье, сердце поражали, обозлюсь—уйду. И опять молюсь по-своему. Теперь я даръ имѣю, какъ войду въ церковь, вижу, кто изъ братіи такъ молится... И вѣдь таинство какое, милый братецъ! Молюсь, бывало, вижу

зрительно предъ собой самого Господа. Устанеть умъ смотрѣть, хочу его оттуда назадъ свести, а демонъ новую картину открываетъ, полчище ангеловъ. Опять интересно для ума—опять смотрю... Хочу оторваться,—опять новое является... До того измучился, чувствую, еще немного и умъ самъ пойдетъ туда и какъ бы отдѣлится отъ меня, и я тогда сойду съ ума. Приходитъ одинъ монахъ, и я говорю ему:

— Сегодня или завтра я съ ума сойду.

— Да что ты, отецъ, ни изъ чего этого не видно.

— Не видно, потому что это таинство. А мнѣ самому видно.

Самъ ужъ и бороться не могу. Что же думаю? Господи, пощади созданіе Свое!.. Вечеромъ прочелъ я вечерню, легъ спать. Ночью всталъ акаѳистъ читать. И вотъ таинство, милый братецъ; чувствую, какъ сама благодать входить въ меня. Читать не могу. Стою неподвижимъ. Духъ овладѣваетъ плотью... Чувствую, все переродилось. Все стало живое. И такая тишина и миръ, что передать не могу. И слышу: «ищи въ сердцѣ!» Тутъ я все понялъ. Сталъ благодарить Господа... Пощадилъ созданіе Свое. Слава Тебѣ, Господи,... Другимъ человѣкомъ стала. И тогда я пошелъ! То-есть, какъ пошелъ? Летѣлъ! Не то, чтобы я представляяль себѣ, что лечу, а прямо не знаю, что со мной дѣлается: лечу, какъ стрѣла, и каждый день все новое, все новое открывается и, главное, чувства всѣ—живыя. Такъ длилось года четыре. А ужъ какъ дьяволъ старался въ это время. Я чувствовалъ его приближеніе издали. А придется,—подойти боится. Видѣть, что я могу не пустить его... Теперь опять трудное время наступаетъ для меня. Помози, Господи! Надо мнѣ безмолвіе. Какъ ушелъ изъ Дранской пустыни, такъ и стала на одной точкѣ. Не двигаюсь...

— Почему же вы ушли изъ Дранской пустыни?

— Испугался!—неожиданно отвѣтилъ о. Никифоръ.

— То-есть, какъ испугались?

— Разбойниковъ испугался. Придутъ, отнимутъ все и нужное, и ненужное—это я ничего, терпѣлъ. Но потомъ бить начали—не вынесъ! Бывало, встанешь на молитву, а самъ думаешь: вотъ-вотъ сейчасъ придутъ разбойники. И молиться не можешь. Одинъ разъ стою на молитвѣ, входить человѣкъ и спрашиваетъ корову не видѣлъ?—Нѣтъ! Какая же здѣсь можетъ быть корова!—Выходи, говорить, выходи изъ кельи. Взялъ меня за руку и тянетъ. Иду за нимъ,—смотрю: у стѣны двое еще притаились;

какъ вышелъ я, прямо ко мнѣ бросились. Приставили кинжалъ остреемъ къ сердцу. Не боялся никакъ, только обѣ отданія живота думалъ: Господа, пощади созданіе Свое!—Деньги!—говорить. «Нѣтъ,—говорю,—какая же у насъ деньги!» Поискать, поискать—нашелъ двѣ копейки. Даль. Взяли! Одинъ только обозлился, ударилъ по щекѣ кинжаломъ, не остреемъ. Другой

Сѣно о. Никифора.

взялъ вотъ такъ рукой за щеку, посмотрѣлъ, не разрѣзалъ ли. Нѣтъ, говорю, ничего, не разрѣзаль. Грозитъ мнѣ: никому не сказывай! Не скажу... А одинъ разъ умалишенный пришелъ. Этотъ не грабить, а такъ. Да буйный. Ударилъ меня въ грудь концомъ палки. Палка была крѣпкая, изъ пальмы. Сжался я весь въ уголъ. Ну, думаю, если еще разъ ударить—конецъ! Господи, пощади созданіе Свое! Нѣтъ, не тронулъ больше. Одинъ

брать со мной жилъ. На него бросился. Такъ ему всѣ зубы выбилъ. Кровь изо рта льется. Я говорю: Господи, да не бей ты его. Что же ты дѣлаешь! Ушелъ, слава Тебѣ, Господи. Оставилъ... Да... Много всего было...

— О. Никифоръ,—сказалъ о. Иванъ,—а вѣдь имъ отдохнуть нужно.

— Да, да... Съ дороги надо отдохнуть,—заторопился о. Никифоръ.—Что же это я. Пойдемъ, о. Иванъ, проводимъ.

До кельи о. Герасима, гдѣ я долженъ былъ ночевать, дорога идетъ лѣсомъ. На полянѣ казалось свѣтлѣе отъ звѣзднаго неба, а въ лѣсу совсѣмъ темно. О. Никифоръ просить меня дать ему понести мою сумку.

— Нѣть, нѣть, я самъ. Что вы, о. Никифоръ.

— Вѣдь вы крутыхъ косогоровъ боитесь?

— Боюсь.

— Тамъ косогоръ будеть—вы съ сумкой не пройдете.

Я отдаю ее.

И когда сумка уже въ рукахъ о. Никифора, отъ тихонечко смѣется и говоритъ:

— Я пошутилъ, косогора не будетъ.

Келья о. Герасима, которую онъ бросиль и самъ ушелъ строиться на другія горы, поближе къ монастырю—имѣть жизнй видъ. На столѣ стоять чашка, восковая свѣча. На гвоздѣ висять полукафтанье и четки.

— Вамъ будеть покойно здѣсь. Спите съ Богомъ,—говорить о. Иванъ.

Прощаемся. Ужъ совсѣмъ передъ тѣмъ, какъ уходить, о. Никифоръ говорить мнѣ:

— Объ о. Иларіонѣ и о монастырѣ я вамъ вотъ что скажу: былъ онъ здѣсь. Были и другіе братья. Внизу, подъ горой. Много спорили. И вотъ, когда я ушелъ отъ нихъ и поднялся къ себѣ на гору, вдругъ увидѣлъ передъ собой на одно мгновеніе—аки молнія блеснула—воина. И сказалъ воинъ: поздно строить монастыри! Ну, спаси Господи, отдыхайте.

Онъ по-свѣтски подалъ мнѣ руку.

— Утромъ я рабужу васъ,—сказалъ о. Иванъ.

Будить меня не пришлось.

Когда я всталъ и вышелъ изъ кельи, солнце еще не поднялось изъ-за горъ и утренній туманъ дымился надъ дальнимъ лѣсомъ.

Пустынникъ о. Никифоръ около своей кельи.

Поляна, на которой стоит келья о. Герасима, гораздо меньше, чѣмъ у о. Никифора. Лѣсъ придинулся совсѣмъ близко: съ одной стороны кельи, поднимаясь въ гору, съ другой—спускаясь уступами. Около кельи разбитъ небольшой огородъ. Посажены картофель и нѣсколько кустовъ фасоли. Изъ-за лѣса поднимается хребетъ снѣжныхъ горъ, и общее впечатлѣніе отъ всего совсѣмъ иное, чѣмъ у о. Никифора. Тамъ веселое, открытое, ровное мѣсто. Здѣсь—глухое, замкнутое, одинокое... Зелень густая, темная. И келья хоть и больше, чѣмъ у о. Никифора, но неуютная, почти враждебная.

Когда пришелъ о. Иванъ, я сказалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ. Онъ согласился со мной, но прибавилъ:

— А я не люблю открытыхъ полянъ. Такія мѣста нравятся мнѣ больше.

Снова, по той же тропѣ, что и вчера ночью пошли мы къ о. Никифору. Недалеко отъ кельи—колодецъ. Стоитъ крестъ. Земля черная, холодная отъ сырости. Въ лѣсу глубокая тѣнь. Травы мало. Сухie листья лежать какъ перина и нога тонетъ въ нихъ.

Чѣмъ ближе къ полянѣ о. Никифора, тѣмъ выше и рѣже становится лѣсъ. Свѣтлѣеть. На открытыхъ мѣстахъ яркими пятнами выбивается зеленая трава.

На самомъ краю поляны о. Никифора стоитъ маленькая-маленькая копна сѣна, аккуратно покрытая навѣсомъ отъ дождя.

— Зачѣмъ это сѣно о. Никифору?—спрашиваю я о. Ивана.

О. Иванъ улыбается.

— Продаетъ.

— Продаетъ? Да кому же оно здѣсь нужно?

— Поселенцамъ.

— Какъ же они берутъ его отсюда?

— Да о. Никифоръ на себѣ носитъ.

— Съ горы?

— Да. Такъ по охапкѣ и носить.

— За сколько же продаетъ онъ это сѣно?

— За три рубля съ доставкой,—смѣется о. Иванъ.—Поляна хорошая,—прибавляетъ онъ, видимо любуясь открывшимся видомъ.

Дѣйствительно, поляна хорошая!

Мостъ изъ пихты.

Ровный зеленый, скошенный лугъ. Маленькая келья. Огородикъ около нея. А по краямъ такой славный смѣшанный лѣсъ: тутъ и дубъ, и липа, и сосна. Дальнихъ горъ не видно, и если забыть дорогу къ о. Никифору въ гору и безлюдье кругомъ, можно подумать, что это не келья пустынника, а привѣтливая лѣсная сторожка.

О. Никифоръ ждетъ насъ у кельи.

Подходимъ.

Я спрашиваю о. Никифора, можно ли его снять.

Онъ улыбается и говоритъ:

— Что же выйдетъ? Келья, а около нея старики-пустынникъ: само дѣло велить сняться!

Я снова разматриваю его. И снова теперь, уже при дневномъ освѣщеніи, онъ производить на меня впечатлѣніе не человѣка, а лѣсного дѣдушки. Снова поражаютъ глаза его, острый, боковой взглядъ. И непередаваемое, почти физическое ощущеніе, что взглядъ этотъ видитъ самое сокровенное въ душѣ.

На столѣ уже разставлены стаканы, стоять чайникъ съ кипяткомъ, нарѣзанъ хлѣбъ и въ большой чашкѣ дымится вареный картофель.

О. Иванъ читаетъ молитву. Громко, отчетливо. О. Никифоръ дѣлаетъ «возгласъ» шопотомъ, точно вздыхаетъ, слышны только отдѣльные слова:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ... Господи... помилуй насъ...

Садимся за столъ, и о. Никифоръ начинаетъ угождать насъ. Сегодня «разговѣніе»: первый день послѣ Петровскаго поста. О. Иванъ принесъ изъ монастыря въ подарокъ о. Никифору рыбу—кутумъ. У меня съ собой сыръ и консервы. О. Никифоръ пробуетъ все охотно, ёсть и хвалить:

— Такого сырь никогда не ёль!... Рыба-то необыкновенная какая-то...

Меня онъ уговариваетъ:

— Вы мало ёдите. Вамъ больше надо ёсть. Дорога трудная впереди.

О. Иванъ вспоминаетъ, какъ побывалъ у пустынниковъ одинъ іеромонахъ и потомъ осуждалъ ихъ:

— Ничего особенного въ нихъ нѣтъ. Ёдять по два раза въ день.

О. Никифоръ слушаетъ внимательно и очень серьезно говорить:

— Такъ и надо. Мы не можемъ слишкомъ сильно поститься. Господь отъ человѣка требуетъ не голода, а подвига. Подвигъ—это то, что можетъ человѣкъ сдѣлать самого большаго по своимъ силамъ, а остальное по благодати. Силы наши теперь слабыя, и подвиговъ большихъ Господь съ насъ не требуетъ. Я пробовалъ сильно поститься. И вижу, что не могу. Истощаюсь—нѣтъ силъ молиться, какъ надо. Однажды такъ ослабъ отъ поста, встать правила прочесть не могу. Господи, думаю, пощади созданіе свое. И слышу въ сердцѣ: не вставай—лежи, пока поправишься. Такъ Богу угодно...

Послѣ чая о. Никифоръ и о. Иванъ предложили пойти гулять.

— Покажемъ вамъ нашъ лѣсъ,—сказалъ о. Никифоръ.

Мы спустились немного внизъ и пошли некрутымъ косогоромъ, безъ тропы, прямо по лѣсу, по мягкимъ прошлогоднимъ листьямъ. Дошли до маленькой кельи о. Никодима. Посидѣли около нея. И снова вошли въ лѣсъ. Спустились еще ниже, до глубокаго, глухо заросшаго оврага. Черезъ оврагъ перекинуть «мостъ»: громадная пихта съ густыми, теперь полусгнившими вѣтвями.

— Этому мосту,—сказалъ о. Иванъ:—лѣтъ пятнадцать будетъ. Рубиль пустынникъ дерево, а оно не внизъ упало, а попрекъ оврага. Придѣлалъ онъ перила, обрубилъ съ одного боку вѣтви и вышелъ мостъ.

Это мѣсто одно изъ самыхъ красивыхъ въ лѣсу о. Никифора. А въ общемъ весь лѣсъ напоминаетъ среднюю полосу Россіи. Не очень высокіе дубы, липа, вязъ, орѣшникъ. Открытая поляны. Темные, поросшіе густой зарослью овраги. Пахнетъ грибами, прѣлыми опавшими листьями и какой-то травой, напоминающей нашу мяту.

Мы идемъ все по новымъ мѣстамъ. Но, къ удивленію моему, выходимъ къ тому же мѣсту, откуда вошли: по этимъ горамъ и оврагамъ совершенно теряешь направленіе.

Солнце стоять высоко. Поляна о. Никифора залита яркимъ свѣтомъ. Меня снова тянетъ въ лѣсъ.

— Я пойду, похожу, о. Никифоръ.

— Идите, идите. Къ четыремъ часамъ ждать васъ будемъ: слушать вечерню.

VIII.

Вечерня.—«Таинства».—Ночь.

Мы пили чай и разговаривали съ о. Никифоромъ не въ кельѣ, а на маленькой терраскѣ сбоку кельи. Такія терраски дѣлаютъ себѣ всѣ пустынники, главнымъ образомъ для зимы, когда такъ заносить снѣгомъ, что никуда, кромѣ какъ на эту терраску, нельзя выйти.

Теперь о. Никифоръ попросилъ въ самую келью.

Внутри она гораздо меньше, чѣмъ кажется снаружи, да еще перегорожена надвое, такъ что каморки крохотныя. Изъ первой каморки во вторую, гдѣ стоитъ аналой и уголъ завѣшенъ иконами,—низенькая дверь. На двери надпись крупными буквами: «Имѣй въ умѣ и сердцѣ всегда молитву: Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшнаго».

О. Иванъ встаетъ за аналой. Справа, около окна—о. Никифоръ. У стѣны ближе къ двери—я. Мы почти касаемся другъ друга. Въ маленькое окно виденъ край ярко освѣщенной поляны, а въ кельѣ полумракъ, точно позднимъ вечеромъ. Вся келья почему-то похожа на темную, старую икону. И пахнетъ такъ же: кипарисомъ, ладаномъ и воскомъ.

О. Иванъ читалъ по-моношески, не возвышая и не понижая голоса, не придавая словамъ никакого выраженія. Это по-церковному и въ высшей степени мудро, потому что всякое свое выраженіе дѣлало бы чтеніе его личнымъ, человѣческимъ, а теперь оно было простой формой и потому по содержанію легче могло стать нашимъ общимъ.

О. Никифоръ часто кланялся глубокимъ, медленнымъ поклономъ. Стоялъ строгій, сосредоточенный.

Миръ остался гдѣ-то далеко, какъ вѣнѣшнее, чуждое намъ. На вершинѣ горы, въ маленькой «кипарисовой» кельѣ, у едва мер-

цающей лампадки, мы становимся единой душой и касаемся иного міра, невидимаго, Божьяго...

— ...Свѣте тихій,—запѣль о. Иванъ также по-моностырски, почти на одной нотѣ.

И о. Никифоръ подпѣвалъ ему тихимъ голосомъ, похожимъ на вздохъ:

— ...Святая славы, бессмертнаго Отца Небеснаго... Святаго блаженнаго Иисуса Христе... Пришедшіе на западъ солнца... ви-дѣвшіе свѣть вечерній... поемъ Отца, Сына и святаго Духа, Бога...

Къ горлу подступаетъ незнакомое чувство не то восторга, не то умиленія, но во всякомъ случаѣ, какого-то большого и новаго для меня счастья.

Я сознавалъ ясно, это не мое, не мною достигнутое состояніе, не мнѣ открытое. Какъ будто бы вошелъ я въ чужое святая святыхъ и подсмотрѣлъ то, что мнѣ не принадлежало. Но это «святое» на одно мгновеніе коснулось и меня.

Когда послѣ вечерни мы вышли изъ кельи, мнѣ все время, до самаго поздняго вечера, казалось, что служба еще идетъ, что каждое наше движеніе, каждый нашъ шагъ, каждое наше слово имѣетъ какое-то отношеніе къ службѣ, является какъ бы продолженіемъ ея, и потому невольно хотѣлось говорить тихо, благоговѣйно, серьезно.

О. Никифоръ сказалъ мнѣ:

— Когда пойдете въ свою келью, я пойду съ вами... Мнѣ надо нѣчто сказать вамъ.

Въ другое время я удивился бы этой фразѣ. Теперь принялъ ее такъ, какъ будто бы ждалъ, что она будетъ сказана. И просто отвѣтилъ:

— Хорошо.

То, что сказалъ мнѣ о. Никифоръ, не было проповѣдью. Нельзя назвать и исповѣдью.

Онъ пришелъ ко мнѣ, сѣлъ за маленький столикъ, который стоялъ около койки, и началъ такъ:

— Мнѣ надо сказать вамъ, милый братецъ, о нѣкіихъ таинствахъ духовной жизни. Вы простите меня, ради Христа.

Съ первой же встрѣчи съ о. Никифоромъ, вечеромъ, на полянѣ у меня было какое-то смутное, но неотступное чувство, что о.

Никифоръ страшно близокъ къ тѣмъ переживаніямъ, которыя, по-церковному, принято разсматривать, какъ общеніе съ личными началами потусторонняго міра; «бѣсами», «демонами» и т. д. Въ улыбкѣ, во взглядѣ, даже въ голосѣ о. Никифора было что-то неуловимое, но все время заставляющее ставить его въ какую-то личную связь съ этой мистической областью потусторонней жизни.

Теперь этотъ вечеръ и странная рѣчь его вполнѣ подтвердили мое неясное чувство.

— Вотъ какое таинство, милый братецъ: часто я вижу бѣсовъ... Призраками, въ родѣ какъ тѣнь въ лунную ночь. Особенно сильно дѣйствуютъ они отъ одиннадцати до часу ночи. Громадная какая-то работа у нихъ совершается въ это время. Въ эти часы труднѣе всего молиться. Зато, если преодолѣешь тяжесть душевную, особенно хорошо чувствуется: тишина, благодать, все живое! Первый разъ увидѣлъ я ихъ во время чтенія акаѳиста. Какъ разъ послѣ того, какъ рассказывалъ я вамъ, спась меня Господь отъ безумія и открылъ, что не такъ молюсь... Долго передъ этимъ голосъ ихъ слышалъ. Какъ встану на молитву, слышу, шепчетъ на лѣвое ухо—на правое не смѣеть! Прислушиваюсь къ шопоту, и въ разсѣяніе прихожу,—молиться не могу. А тутъ увидѣлъ ихъ во вѣ: стоять два бѣса. Третій, чувствую, внутри меня есть, постоянный. Одинъ бѣсъ говоритъ другому: входи въ него. А тотъ отвѣчаетъ: не могу. Значитъ, Господь по благодати власть мнѣ въ то время надъ ними далъ; иной разъ слышишь говоритъ тебѣ бѣсъ:

— Разбей чайники!

А я ужъ могу отвѣтить:

— Нѣть, не разобью! Ну, а дальше что?

И онъ скрываться не можетъ,—говорить все по порядку, пока не признается и въ томъ, зачѣмъ пришелъ. Этакое таинство! И вѣдь все это въ разумѣ и все живое!

— Было со мной вотъ еще какое таинство, милый братецъ,—вижу я, будто бы предо мной область тьмы. И самъ я стою въ этой тьмѣ, а область свѣта за большою высокою стѣною, и я знаю, что тамъ область свѣта. Часто видѣлось мнѣ это, и каждый разъ хочу и не могу перейти черезъ стѣну. Потомъ открылъ Господь: бѣсъ мѣшаетъ! Послѣ того, какъ побѣдилъ я его, и пересталъ онъ на лѣвое ухо шептать, я все-таки не повѣрилъ, что вовсе онъ оста-

виль меня. Не можетъ, думаю, быть. И правда, сталъ замѣтать: начнешь молиться, а онъ воинъ гдѣ шепчетъ и отсюда на умъ дѣйствуетъ!

О. Никифоръ показалъ рукой, откуда шепчетъ бѣсъ: область ниже сердца.

— Сталь внутрь умомъ обращаться, чтобы посмотреть, что есть въ сердцѣ,—не пускаетъ! Какъ напрягусь—боль въ этомъ мѣстѣ нестерпимая (опять показалъ онъ на прежнее мѣсто), опять умъ назадъ возвращаю. Своихъ силъ бороться не хватаетъ. Молюсь: Господи, пощади созданіе Свое!.. И вотъ открылось таинство. Что бы вы думали? Точно покрывало съ сердца спало, и обратились у меня глаза внутрь, и увидѣлъ я сердце такимъ, какое оно есть: маленькое-маленькое, а посреди его вижу змѣя, тоже маленькая. Пока страсти спокойны, стоишь на молитвѣ, и змѣй спокойно лежитъ, будто бы не живой, не шелохнется; какъ страсти просыпаются, такъ и онъ шевелится. Господи, помози! Сталь молиться. Долгое время такъ все шло. Только однажды смотрю,—нѣть въ сердцѣ змѣя! Неужто, думаю, совсѣмъ ушелъ? Да нѣть! Чувствую, что во мнѣ, а въ сердцѣ не вижу. Молюсь Господу. И было мнѣ откровеніе этого таинства: смотрю разъ и вижу его ниже сердца! Только не маленькой онъ, какъ раньше, а громадный... Изъ сердца вышелъ и ниже стала жить. Смотрю, ужасаюсь! И вотъ вижу, просовываетъ онъ голову, открывается пасть и беретъ изъ моего сердца нѣчто. И тутъ же разомъ почувствовалъ я, что стала пустой. Что же бы вы думали? Силу души это онъ взялъ!.. Господи, пощади созданіе Свое!.. Долгое время опять прошло. И вотъ опять вижу—нѣть его. И все-таки попрежнему чувствую въ себѣ. Увидѣлъ новое таинство: онъ спустился еще ниже и стала еще больше! Душа человѣческая безпредѣльна, а силы змѣя спускаться ниже имѣютъ предѣль, потому его и можно изъ себя изгнать. Помогъ Господь! И когда снова не видно его стало, ушелъ изъ души совсѣмъ!

Увидаль я тогда новое таинство: будто бы въ сердцѣ растетъ дерево... Вижу ясно, очима, не то, что въ разсужденіи, а образно, вотъ такъ, какъ будто бы тутъ, передъ нами дерево растетъ. Только дерево это въ сердцѣ. И много у этого дерева вѣтвей. Вижу, сходить въ сердце огонь Божества и попалаляетъ вѣтви, и чѣмъ больше сжигаетъ ихъ, тѣмъ мнѣ свободнѣе и легче. Догорѣли вѣтви до корня, и огонь прекратился, а корни остались.

И думаю: почему Господь не попалилъ корни?.. Господи, пощади созданіе Свое!.. Попали и корни!.. И слышу: за нихъ еще надо поработать. И все это въ разумѣ, и все живое! И понялъ я, что если корней не будетъ, успокоишъся и погибнешь. Понялъ я это, милый братецъ, и такую благодать ощутилъ въ сердцѣ, что и передать не могу. Въ это время такое испытываешь блаженство, что кости точно таютъ. И человѣкъ отдельно ощущаетъ душу и тѣло. Тѣло, аки одежда дѣлается... И на душѣ тоже одежда есть, но тонкая, сказать, какъ бы папиросная бумага... Все сие по милости Божией открывается... по благодати...

— Я бѣсовъ теперь никакъ не боюсь. Всегда чувствую издали еще, что идутъ они. И только молюсь: помози, Господи!.. Идутъ они...—какъ-то странно повторилъ о. Никифоръ и всталъ.

— Ключи отъ рая даны апостоламъ,—сказалъ о. Никифоръ, глядя на меня пристально своими свѣтлыми, громадными глазами:—потому всякий, кто хощетъ, можетъ спастись. Въ раю, милый, все живое и единый духъ. А ключи отъ ада у Самого Господа, потому безъ его соизволенія не можетъ душа въ адѣ быть заключена.

— Теперь я пойду. Спите покойно. Можетъ быть, я лишнее что сказалъ—простите...

Я остался одинъ.

Послѣднія слова о. Никифора и фраза его: «они идутъ»... почему-то особенно врѣзались въ мое сознаніе.

Я сталъ укладываться спать. Пошелъ заперть дверь. Отворилъ окно. Прочелъ надпись карандашомъ надъ койкой: «кто азъ! Господи?»... Поправилъ восковую свѣчу. И во всѣхъ своихъ движеніяхъ чувствовалъ странную машинальность. Какъ будто бы это дѣлалъ кто-то другой, а я думалъ объ о. Никифорѣ.

Легъ на узкую койку изъ двухъ досокъ. Потушилъ огонь...

Слова: «они идутъ», засѣвшія въ мой мозгъ, мало-по-малу начали вызывать сначала неясное а потомъ все болѣе и болѣе опредѣленное чувство страха.

Я сталъ прислушиваться.

И вдругъ почувствовалъ, какъ отъ меня въ темноту, за стѣны кельи, протягиваются какія-то невидимыя нити и по нимъ передается мнѣ что-то до ужаса безобразное, невыносимо страшное, что двигается къ моей кельѣ и отъ чего нельзѧ ни уйти, ни спастись...

Я лежалъ, не двигаясь. Не въ силахъ былъ поднять руку, чтобы зажечь свѣчу.

Изъ оврага, припавъ къ землѣ, крадется къ моей кельѣ туть сумасшедшій монахъ, котораго мы встрѣтили въ духранѣ. Я не вижу его глазами,—«галюцинаці» не было, но было какое-то особенное ощущеніе, представляющее все съ подробностями не менѣе реальными, чѣмъ зрительные образы.

У монаха почти такое же лицо, какъ и у того, котораго я видѣлъ. Но это не человѣкъ. Все человѣческое отпало и осталось какое-то непередаваемое, отвратительное уродство. Отчетливо мелькнуло въ моемъ мозгу: это бѣсь сумасшествія... Въ это время далеко въ лѣсу закричалъ филинъ: у-гу!.. у-гу-гу!.. Монахъ почему-то совсѣмъ припалъ къ землѣ и остановился. Опять стало тихо. И монахъ медленно сталъ придвигаться къ кельѣ. Онъ недалеко. Почти на краю поляны. Если онъ доползетъ до кельи и постучитъ въ дверь,—я сойду съ ума отъ ужаса и буду кричать: уйди... уйди... ворожи... анаема... Я стискиваю рукой койку и дѣлаю страшное усиленіе, чтобы не дать монаху двигаться дальше. Я чувствую, что это почему-то въ моей власти.

Явственно слышу голосъ о. Никифора:

— Господи, пощади созданіе Свое...

Монахъ колеблется въ темнотѣ, дѣлается тусклымъ, безсильнымъ, расплывается въ сѣрой мглѣ, и я больше не вижу его.

Хочу приподняТЬ руку, чтобы зажечь свѣчу, и не могу. Оглядываю келью. Вижу въ окно крупныя, чистыя звѣзды, почти въ полной темнотѣ блѣдный контуръ аналоя и большую икону въ углу.

Страхъ не проходитъ. Смотрю на запертую дверь и все жду, мучительно жду чего-то...

И вотъ отворяется дверь, и что-то маленько, блѣдное, неясное въ темнотѣ входитъ въ комнату...

Я всматриваюсь до холодныхъ слезъ на глазахъ и начинаю различать около двери какое-то подобіе ребенка. Мало-по-малу вся его фигура отчетливо, точно освѣщенная изнутри, вырисовывается на черномъ фонѣ... Да, это ребенокъ. Безъ одежды. На хилыхъ изогнутыхъ ножкахъ. Но лицо старое, обвислое, гадкое и страшное.

Стоить, не шевелится, и только круглые, неподвижные глаза смотрятъ на меня въ упоръ.

И опять я напрягаю всѣ силы, чтобы оттолкнуть его прочь отъ себя. Еще одно мгновеніе. Онъ шевельнется. Скажетъ слово. И я потеряю власть надъ своимъ разсудкомъ. Закричу дико, какъ кричить чей-то голосъ въ лѣсу, и брошусь вонъ изъ кельи.

И опять такъ же неожиданно и отчетливо о. Никифоръ произноситъ:

— Помози, Господи...

Я лежу въ страшномъ изнеможеніи. Исчезъ ребенокъ. Исчезъ страхъ. Я такъ усталъ, что вообще, кажется, не способенъ ни на какое чувство.

На слѣдующее утро я рассказалъ обо всемъ о. Никифору и о. Ивану.

О. Никифоръ долго соображалъ что-то и потомъ сказалъ:

— Большое таинство, милый братецъ... Вы знаете, они даже въ церковь приходятъ. Одинъ іеромонахъ на Новомъ Аeonѣ рассказывалъ мнѣ. Стоитъ онъ разъ за всенощной въ соборѣ. И видѣтъ подходитъ впереди его одинъ послушникъ къ другому, Хватаетъ за волосы и начинаетъ бить. Іеромонахъ хотѣлъ крикнуть на всю церковь: «перестаньте, не деритесь, съ ума вы сошли!» Но почему-то, говорить, сдержался. А какъ сдержался—все исчезло. Что бы вы думали? Никаихъ послушниковъ и не было. Они, бѣсы, это во образѣ ему явились, чтобы закричать онъ среди службы, какъ помѣшанный. Да и впрямь за помѣшанного сочли бы.

О. Иванъ, видя, что я очень разстроенъ, по обыкновенію, поспѣшилъ ободрить меня:

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Страхованіе и мы испытываемъ часто. Особое искушеніе посыпается намъ... Такой внезапный страхъ ночью нападаетъ, что хоть бѣги на край свѣта... А тутъ безъ привычки, одни въ лѣсу, да еще въ духанѣ душевно-больной произвѣль на васъ тяжелое впечатлѣніе,—вотъ и испугались. Эту ночь надо мнѣ въ вашей кельѣ лечь.

— Конечно,—согласился и о. Никифоръ.—Надо какъ лучше сдѣлать, какъ лучше!..

IX.

О. Веніаминъ.

На слѣдующій день къ о. Никифору пришли два пустынника—о. Веніаминъ и схимонахъ Трифиллій. Они принесли ему сухари въ двухъ мѣшкахъ, вѣсомъ приблизительно по пуду.

О. Трифиллію было по пути. Онъ живеть на этой же горѣ, съ вѣрсту отъ о. Никифора. О. Веніаминъ издалека, съ Брамбскихъ горъ, на которыхъ живутъ о. Иванъ и о. Сергій.

О. Трифиллій скоро ушелъ. Я не засталъ его. А о. Веніаминъ остался ночевать, чтобы утромъ вмѣстѣ съ нами зайти въ гости къ о. Трифиллію и потомъ уже отправиться къ себѣ, на Брамбу.

О. Веніаминъ высокаго роста. Большой, черный, неуклюжій. Но глаза и улыбка у него какъ у ребенка. И вообще во всемъ обликѣ какая-то странная смѣсь силы и безпомощности, грубой прямоты и дѣтской наивности.

Здѣсь отъ о. Веніамина я узналъ довольно непріятную новость: пока о. Иванъ дожидался меня въ Драндскомъ монастырѣ, оттуда ушли въ Аджары два молодыхъ пустынника и всюду разнесли нелѣпый слухъ обо мнѣ, пущенный о. Иларіономъ, что будто бы я «членъ Государственной Думы».

— У насъ, среди пустынниковъ, большое смущеніе,—сказалъ о. Веніаминъ. Голосъ и тонъ у него были грубо-ваты, но глаза смотрѣли по-дѣтски довѣрчиво и ласково:—Одни говорятъ, что будто бы вы членъ Думы, другие—что будто бы васъ Великая Княгиня прислала, а нѣкоторые боятся, что вы отъ лѣсного вѣдомства и донесете, чтобы насть съ горѣ прогнали. Одинъ пустынникъ говорилъ мнѣ: дранку я для кельи нарубилъ, какъ теперь быть, Совсѣмъ испугался! Больше оттого смущаются, зачѣмъ, думають,

изъ Москвы въ такія дикія и пустынныя мѣста человѣку ѻхать?
Люди мы убогіе, немощные, что на насъ смотрѣть?

О. Иванъ поспѣшно вступилъ.

— Праздные все это разговоры у нихъ. Не наше дѣло, зачѣмъ къ намъ человѣкъ приходитъ.

— Да я ничего не говорю,—сконфузился о. Веніаминъ,—я только рассказываю. Вчера съ горѣ многіе поговѣть пришли. И все обѣ этомъ толковали. Очень смущаются. Особенно какъ узнали, что вы снимать будете,—совсѣмъ застыдившись, признался о. Веніаминъ.

— Откуда же они узнали?—удивился я.

— Впередъ васъ пустынникъ одинъ изъ монастыря пришелъ. Все это было ужасно непріятно! О. Иванъ утѣшалъ меня:

— Тѣ, у кого мы будемъ,—не смутятся!

Весь вечеръ прошелъ у насъ въ разговорахъ о монастырѣ о. Иларіона.

— Безъ своей церкви,—говорилъ о. Веніаминъ,—намъ плохо, совсѣмъ плохо!.. Я о себѣ скажу: если долго святыхъ таинъ не причащаюсь,—помыслы покою не даютъ. А собираешься въ церковь—другая бѣда! Здѣсь, въ Аджарской церкви,—поселенцы... приходится женскій полъ видѣть. Собираешься въ монастырь—дорога дальняя,—міромъ идешь, чего-чего только не наслушаешься, чего не насмотришься. Пока дойдешь до монастыря, въ разсѣяніе впадаешь, совсѣмъ разобѣешься... Насилу спрашившись, чтобы причаститься достойно. Назадъ, въ горы, опять міромъ идешь, фразы разныя слишишь, женщинъ видишь... Вернешься въ келью, какъ больной дѣлаешься: Бѣшься, бѣшься, чтобы себя собрать... Вотъ потому-то мы и дали о. Иларіону свои подписи. Намъ монастырь не нуженъ, намъ хотѣлось бы разрѣшеніе получить жить въ казенныхъ лѣсахъ, чтобы, значитъ, не гнали насъ, и чтобы была у насъ церковь, куда бы намъ ходить причащаться и исповѣдываться.

— Да, но вѣдь о. Иларіонъ хлопочетъ не о церкви, а о монастырѣ.

— Онъ намъ сказалъ, что монастырь особый будетъ, пустынническій... Теперь-то мы и сами видимъ, что ошиблись... Да не знаемъ ужъ, какъ помочь бѣдѣ...

— Обѣ этомъ и надо думать сейчасъ!—энергично вставилъ о. Иванъ.

— Это такъ,—согласился о. Веніаминъ.

— Такъ, такъ,—согласился и о. Никифоръ.

— Всѣ насъ назовутъ глупыми,—продолжалъ о. Иванъ.—Изъ монастыря ушли, а сами просимъ разрѣшить монастырь строить. Какъ же не глупые? Теперь надо о томъ говорить, нельзя ли пріостановить все это дѣло, и какъ?

Послѣдній вопросъ о. Иванъ задалъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ:

— По моему, остановить трудно. О. Иларіонъ подалъ прошеніе съ вашими подписями. И у разныхъ вліятельныхъ лицъ побывалъ. Какъ же теперь все остановить сразу? Бумаги идутъ по разнымъ инстанціямъ своимъ порядкомъ, и остановить ихъ могъ бы только самъ о. Иларіонъ. Но захочетъ ли онъ?

Всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Ни за что! Онъ такъ ухватился за это дѣло, что и силой не заставишь...

О. Веніаминъ все время качалъ головой, какъ будто бы только сейчасъ вполнѣ ясно понялъ, какая путаница получается со всѣми этими ходатайствами о. Иларіона.

Онъ такъ и сказалъ:

— Мы думали, дадимъ подписи, пусть хлопочеть, какъ знаетъ. Мы его не выбирали. Самъ онъ приходилъ къ намъ: подпишитесь да подпишитесь. Своя, говоритъ, церковь будетъ и земля,—ну, Богъ съ тобой, хлопочи! И подписались. Что же теперь будетъ?—наивно и беспомощно обратился ко мнѣ о. Веніаминъ.

— Лучшее, на что вы можете разсчитывать—это на то, что монастырь не разрѣшать и все дѣло этимъ кончится. Въ худшемъ случаѣ, если монастырь разрѣшать, положеніе сосдается крайне тяжелое. Вамъ предлагать переселиться въ монастырь, о которомъ вы сами просили, и скорѣй всего воспретятъ жить здѣсь. Вамъ скажутъ: теперь у васъ есть, где жить,—монастырь, о которомъ вы сами хлопотали, уходите отсюда! Но этого мало. Вашъ уходъ изъ монастыря въ пустыню получить совершенно новое освѣщеніе. Всякій подумаетъ: они ушли изъ монастырей, потому что сочли ихъ плохими. Теперь выстроили свой, хорошій. И ушли изъ пустыни назадъ.

О. Веніаминъ всплеснулъ своими громадными руками и схватился за голову.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Не потому мы въ пустыню шли, что монастыри плохи! Никого мы не судимъ. Ны, можетъ-быть, хуже всѣхъ! Намъ безмолвіе желалось имѣть. Нашъ путь спасенія не монастырскій—оттого и ушли. Мы почти всѣ еще до монастыря о пустынѣ мечтали...

— И никакъ нельзя этому помочь?—почти суроно спросилъ о. Иванъ.

— Я вамъ одно могу посовѣтовать: подѣйствуйте на о. Иларіона. Пусть онъ, по крайней мѣрѣ, не продолжаетъ своихъ хлопотъ. Сдѣланного не воротиши, но вотъ онъ снова собирается въ Москву по разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ— обратитесь къ нему съ просьбой оставить все это дѣло въ покоѣ.

И опять всѣ въ одинъ голосъ сказали:

— Никогда не оставить!

— Вотъ до чего ослѣпленъ онъ этой страстью,—сказалъ о. Никифоръ:—приходилъ тутъ еще одинъ пустынникъ изъ Адлера же, тоже хлопотать хотѣлъ и просилъ у насъ подпиши. Мы, разумѣется, сказали: подписались уже, будешь съ настъ. Прослушалъ о. Иларіонъ, что къ намъ за подписями приходили, и что мы, будто бы, подписывались. Явился сюда. Былъ, говоритъ, у васъ братъ такой-то? Былъ, говоримъ. Давали ему подписи? Нѣтъ, говоримъ, не давали. Такъ что бы вы думали: не повѣриль! Истинный Богъ! Я и говорю ему: «Да какъ тебѣ не стыдно! Что же я обманывать тебя стану? Что я маленький мальчикъ, сегодня одному подпись далъ—завтра другому. А если бы и далъ, неушто бы побоялся сказать прямо». Такая страсть овладѣла имъ—не вѣритъ. Боится, что изъ рукъ его дѣло вырвутъ. Сходилъ куда-то—должно быть, на тѣ горы. Узналъ вѣрно и тамъ, что не подписывались. Пришелъ опять сюда. Прости, говоритъ, теперь я тебѣ вѣрю...

— Вы можете заставить его прекратить это хлопоты. Напишите ему, что если онъ не перестанетъ, вы официально потребуете назадъ свои подписи.

— Вражда между братіей пойдетъ,—сказалъ о. Веніаминъ. Лучше помимо о. Иларіона просить владыку дать антиминсы и разрѣшить іеромонаху-пустыннику служить въ кельѣ. Намъ больше ничего ненадо. Чтобы въ церковь ходить, не спускаясь съ горъ... Не общаться съ міромъ... И главное—не видѣть женщинъ...

На этомъ разговорѣ нашъ кончился.

Когда я сталъ прощаться, о. Веніаминъ взялъ мою руку обѣими своими громадными руками, мохнатыми, какъ у медвѣдя, сжалъ ее, пригибая къ землѣ, и сказалъ:

— Вы простите меня... Я—человѣкъ грубый... невѣжественный...

Я понялъ, что онъ просить прощенія за то, что и его, очевидно, немного смущили разные слухи обо мнѣ, и онъ тоже заподозрѣвалъ, что я хочу сдѣлать пустынникамъ какое-то зло, какъ представитель Думы или лѣсного вѣдомства!

— Что вы, о. Веніаминъ,—сказалъ я,—Христосъ съ вами. Развѣ мнѣ судить васъ!

О. Веніаминъ все не выпускалъ мою руку, бережно, видимо боясь раздавить, жаль ее и смущенно-застѣнчиво повторялъ:

— Я грубый... невѣжественный... простите...

X.

«Помѣщикъ».

На слѣдующій день утромъ мы пошли къ пустыннику, схимонаху Трифиллію.

О. Никифору почему-то не хотѣлось итти, но о. Иванъ настойчиво уговаривалъ, и онъ, въ концѣ концовъ, пошелъ.

У о. Веніамина на спинѣ большая сѣрая сумка. Точно горбъ.

— Постпѣете засвѣтло дойти? — спрашиваю я его.

— Постпѣю! Вѣдь я налегкѣ!

Дорога къ о. Трифиллію лѣсомъ. Утро пасмурное. На травѣ и деревьяхъ роса. Въ лѣсу темно и прохладно, какъ вечеромъ.

О. Никифоръ, о. Иванъ и о. Веніаминъ разговариваютъ объ о. Трифилліи. Въ тонѣ ихъ какая-то особая нота ласковой шутливости. Видно, что его любятъ, но немножко «подсмѣиваются».

На мой вопросъ, что за человѣкъ о. Трифиллій, всѣ отвѣчаютъ по-разному, но съ одинаковой улыбкой.

— О. Трифиллій — простой! — сказалъ о. Иванъ.

— Механикъ! — смеется о. Никифоръ.

— Живеть, можно сказать, помѣщикомъ, — опредѣлилъ его о. Веніаминъ.

Я заочно настраиваюсь увидать нѣчто добродушное, далекое отъ всякой «мистики», кожеть быть, веселое и во всякомъ случаѣ очень пріятное.

Признаки «хозяйственности» чувствуются по мѣрѣ приближенія въ «усадѣбѣ».

Вотъ колодецъ въ лѣсу, аккуратно обложенный досками. Передъ колодцемъ крестъ. Тропинка расчищена и больше похоже не на лѣсную тропу къ кельѣ пустынника, а на аллею въ старинномъ паркѣ.

Пустынникъ о. Трифиллій.

Поляна, на которой стоит келья, точно подрѣзана по краямъ, и ровныя деревья стоятъ, какъ живая изгородь. Въ одномъ мѣстѣ этой изгороди какое-то подобіе колонны изъ двухъ темныхъ сосенъ, и между ними открывается видъ на хребеть снѣжныхъ горъ.

А вотъ и самъ о. Трифиллій.

Онъ улыбается намъ навстрѣчу и издали кланяется, точно манитъ къ себѣ.

— И это «пустынникъ», «схимонахъ»?—съ изумленіемъ сказали бы многіе, увидавъ о. Трифиллія.

Это—хлѣбосольный, радушный, заботливый хозяинъ съ какого-нибудь украинскаго хутора. И въ лицѣ, и въ толщинѣ, и въ улыбкѣ есть что-то «хочлацкое», хотя онъ не изъ малороссіи.

Едва успѣвъ поздороваться, о. Трифиллій, весь сіяя отъ удовольствія, ведетъ показывать свой огородъ.

Чего, чего тутъ нѣть! И огурцы, и бобы, и рѣдька, и морковь, и рѣпа, и горохъ, и кавказскій стручковый кофе. Всего понемножку, но все посажено правильными рядами и въ образцовомъ порядке. По краю огорода клумбы цвѣтовъ, а около кельи грядка крупнаго краснаго мака. Чтобы недалеко было ходить за земляникой, онъ высадилъ ее изъ лѣсу въ огородъ...

Я не могу скрыть своего восхищенія:

— Вы замѣчательный хозяинъ, о. Трифиллій: вѣдь это не огородъ, а образцовый питомникъ!

О. Трифиллій расплывается въ улыбку. Полныя щеки раздвигаются, носъ превращается въ пуговку, глаза исчезаютъ и онъ говоритъ:

— Когда скучно, хорошо погулять бываетъ между грядокъ. Походиши, походиши, и хорошо станетъ. Вотъ тутъ у меня цистерна подъ землей—огородъ поливать. Въ колодецъ далекоходить, я посреди огорода сдѣлалъ.

На стѣнѣ кельи, около окна, придѣланъ какой-то кругъ и посреди него палочка.

— А это что у васъ?

— Солнечные часы,—съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчаетъ о. Трифиллій.—А вотъ это умывальникъ моего изобрѣтенія...

О. Трифиллій радуется, какъ ребенокъ, сіяя и улыбаясь на шутливыя замѣчанія:

— Надо привилегію на умывальникъ взять,—говорить о. Иванъ.

— Умудрилъ Господь тебя, о. Трифиллій, на всякую хитрость! посмѣивается о. Никифоръ.—А вотъ чашка у тебя есть?

— Есть. На что тебѣ?

— Землянику соберу. Гостю къ чаю подашь. Кой-гдѣ ягодки есть еще.

О. Трифиллій приноситъ чашку. А самъ уходитъ въ келью хлопотать по хозяйству.

О. Никифоръ ходитъ по грядкамъ, задѣвая сѣдой бородой высокіе кусты земляники. Изрѣдка онъ взглядываетъ на меня, точно хочетъ узнать мои впечатлѣнія отъ нового знакомства. Выпрямляется. И серьезно говоритъ:

— О. Трифиллій хорошо себя держитъ. Просто.

— Пожалуйте чай кушать,—зоветъ съ балкончика о. Трифиллій.

О. Веніаминъ кланяется всѣмъ намъ и говоритъ:

— Я пойду. Можетъ быть, до дождя успѣю дойти. Когда же вы къ намъ на Брамбу?

— Завтра.

— Ну, спаси Господи!

— Я тоже домой пойду,—говорить о. Никифоръ.—Прощай, о. Трифиллій.

Мы съ о. Иваномъ входимъ на балконъ. Здѣсь тоже чувствуется особая хозяйственность. Разложены на лубкахъ грибы. На столѣ въ тарелкѣ грецкіе орѣхи и, чтобы разбивать ихъ, деревянная колотушка собственнаго издѣлія.

Читаемъ молитву. Усаживаемся. Какъ разъ въ это время начинаетъ накрапывать дождь.

— Все дожди!—вздыхаетъ о. Трифиллій.

— У васъ не испортится огородъ?—спрашиваю я.

— Кто его знаетъ. Картофель немного гниѣтъ.

— Какъ же вы тогда? На однихъ сухаряхъ?

— Мы и есть у насъ—живемъ и нѣть—живемъ. Какъ Господь захочетъ. Его воля.

Говорить онъ это просто, безъ всякой напускной набожности и такъ же благодушно, какъ обо всемъ.

— Что же ты, о. Трифиллій, все-таки уходить рѣшилъ?—спрашиваетъ о. Иванъ.

— Перезимую.

— Зачѣмъ уходитъ!...—удивляюсь я:—развѣ здѣсь плохо? Такое чудесное мѣсто!

Отвѣтъ о. Трифиллія удивляетъ меня еще больше:

— Поселенцы мѣшаютъ. Одинъ поселился ужъ вонь на той горѣ: пасѣка у него. Говорятъ, другой кто-то наделеко отсюда на полянѣ хочетъ строиться.

Я совсѣмъ забылъ, что сижу въ гостяхъ у пустынника! Такъ не вяжется съ полной добродушной его фигурой и хлѣbosольнымъ гостепріимствомъ, чтобы ему могли мѣшать люди! Кажется, наоборотъ, что онъ созданъ для «общенія», для радушнаго пріема гостей. Ждешь, что сейчасъ выйдетъ и хозяйка, такая же добрая, полная хлопотунья, какъ и онъ...

И вдругъ «мѣшаютъ!» Чему?! Безмолвію? Неужели же это правда?

Я смотрю на о. Трифиллія во всѣ глаза и хочу почувствовать тамъ, внутри, за внѣшностью помѣщика-хлѣbosола то, чему могутъ «мѣшать» люди. И на одинъ мигъ какъ будто бы мелькаетъ,—или мнѣ кажется это,—что-то тревожное, ишущее, что не можетъ заглушить ни добродушіе, ни толщина, ни широкая, почти не сходящая съ лица улыбка.

О. Иванъ не сочувствуетъ намѣренію Трифиллія уходить на новое мѣсто.

— Зря это ты, о. Трифиллій. Хорошее тутъ мѣсто. И негдѣ особенно селиться поблизости къ тебѣ,—напрасно боишься.

О. Трифиллій молчитъ. Посапывая и отдуваясь, пьетъ чай.

— Оставайся!—настаиваетъ о. Иванъ.

— Вамъ трудно будетъ уходить отсюда,—говорю я.—Вы, вѣроятно, привыкли къ этому мѣсту. И огородъ придется бросить.

— Мѣшаютъ!—упрямо, по-хохлацки, повторяетъ о. Трифиллій.—Весной уйду...

А дождь все сильнѣй и сильнѣй.

— Надо торопиться,—говорю я о. Ивану,—а то помочить насть.

— Переждемъ немного. Здѣсь погода перемѣнчивая: сейчасъ дождичекъ, а сейчасъ ясно.

— Грибы будутъ. Вотъ вмѣсто рукодѣлія и продавайте, въ монастырь.

— Здѣсь мало грибовъ. У насть, у пустынниковъ, только одинъ о. Трифиллій и собираетъ: любитель!

— Я въ прошломъ году насушилъ четыре фунта,—говорить о. Трифиллій.—Пошелъ въ постъ говѣть на Новый Аeonъ, захватилъ ихъ съ собой. По сорока копеекъ дали мнѣ за нихъ. Потомъ предлагаю, ужъ послѣ поста, въ лавку въ Сухумъ, мнѣ и говорять: кабы раньше, въ постъ, принесъ, мы бы тебѣ по 1 руб. 25 коп. дали, а теперь не надо...

Послѣ чая о. Трифиллій показалъ мнѣ свою кухню. «Стряпать» приходится сидя. Мѣста какъ разъ въ обрѣзъ, нельзя сдѣлать ни одного шага въ сторону. Для большей наглядности о. Трифиллій сѣль и показалъ, какъ онъ стряпаетъ: прямо передъ нимъ печка. Съ боку у руки столъ.

— Вотъ сижу тутъ,—улыбается о. Трифиллій,—не вставая со скамееки, все приготовлю, тутъ же за столикомъ и поѣмъ...

— Что же вы єдите?

— Картофель варю, хлѣбъ пеку.

— И больше ничего?

— Чего же больше? Слава Богу...

О. Иванъ зоветъ насть:

— Солнышко выглянуло—идемте до дождя!

Сходимъ съ балкончика.

— О. Трифиллій, а вѣдь я вѣсъ снять хочу, можно?

О. Трифиллій немного смущается, не знаетъ, какъ ему быть, но все-таки говоритъ:

— Хорошо.

О. Иванъ, увидавъ, что я хочу снимать, говоритъ о. Трифиллію:

— Нѣть, нѣть,—ты ужъ и схиму надѣнь.

— Развѣ надо?—с совсѣмъ смущенно обращается ко мнѣ о. Трифиллій.

— Если вамъ это не непріятно, надѣньте.

О Трифиллій уходитъ въ келію и очень быстро возвращается въ новомъ одѣяніи. На головѣ куколь съ изображеніемъ креста и костей, на груди широкій плать съ надписью славянскими буквами. Онъ на босу ногу, и схима поэтому производить особенно странное впечатлѣніе.

Снимаю наскоро. Облака быстро, быстро набѣгаютъ на солнце, и снова крупные капли дождя падаютъ съ неба.

— Идемте, о. Иванъ!

— Бобовъ не хотите ли,—подаетъ о. Трифиллій нѣсколько стручковъ на широкой пухлой ладони.

— Нѣть, спасибо. Прощайте, надо ити.

Въ горахъ раздается веселый раскатистый громъ.

— Идите, идите скорѣй,—торопить нась и самъ о. Трифиллій,—а то замочить. Сильная гроза будетъ. Вѣтеръ съ ущелья потянулъ, теперь не разгуляется.

Мы почти бѣгомъ отправляемся съ о. Иваномъ въ путь. Я нѣсколько разъ оглядываюсь назадъ, на поляну о. Трифиллія, на живую изгородь лѣса вокругъ поляны, на темныя колонны-сосны и бѣлый снѣжный хребетъ горъ, на огородъ, красный макъ и маленькую, маленькую келью. О. Трифиллій все еще стоитъ на своемъ мѣстѣ и смотритъ намъ вслѣдъ. Я не вижу его лица, но неизмѣнная, сияющая улыбка, маленький носикъ, полныя щеки, весь простодушный, привѣтливый обликъ его ясно стоятъ передъ глазами.

Мы уже въ лѣсу. Поляны больше не видно. Дождь все гуще, все крупнѣй, какъ будто бы сплошные водяныя нити протянуты въ воздухѣ. Тучи нависли надъ самимъ лѣсомъ. Молнія вспыхиваетъ, почти не переставая, и громъ перекатывается по ущелью: то близко-близко надъ самой головой, то далеко, надъ темно-синими горами. Почти бѣжимъ. Но теперь все равно отъ дождя уѣхать поздно! О. Иванъ молчитъ. Даже не спрашиваетъ, трудно ли мнѣ ити. Около колодца онъ на минуту оглядывается и спрашиваетъ меня:

— Вѣрно, вѣдь, простой о. Трифиллій?

— Да, онъ мнѣ очень понравился.

— Въ немъ все отъ простоты. Хорошій.

Черезъ нѣсколько дней, уже на Брамбскихъ горахъ, я узналъ объ о. Трифилліи нѣчто такое, что опять на одно мгновеніе освѣтило мнѣ внутреннюю, скрытую сторону его жизни.

Зашла рѣчъ о пустынныхъ мѣстахъ Кавказскихъ горъ. Пустынники говорили, что трудно найти такое мѣсто, куда бы не заходилъ никто, даже пастухи, и можно было бы жить въ полномъ уединеніи и безмолвіи.

— Вотъ о. Трифиллій,—сказали они,—всѣ горы обошли, на самыя вершины взбирался, гдѣ вѣчный снѣгъ лежитъ, и ничего

кромѣ мха на скалахъ не растеть, и не нашель такого мѣста. Всюду, хоть по близости, а пастухи заходятъ.

— Зачѣмъ же онъ искалъ такое пустынное мѣсто?

— Хотѣлъ келью построить, чтобы жить въ полномъ безмолвіи, чтобы не мѣшалъ никто...

— А какъ же тамъ огородъ разводить!—невольно вырвалось у меня.

— Да, конечно, огорода тамъ разводить нельзя.

И, повидимому, пустынниковъ нисколько не удивляло, что толстый хозяйственныи о. Трифиллій исходить горы въ поискахъ безмолвія!

А для меня это было такъ же странно, какъ босыя ноги его и схима на немъ съ крестами и изображеніемъ человѣческихъ костей...

Пришли мы съ о. Иваномъ въ келью о. Никифора мокрые насквозь. О. Никифоръ лукаво посмѣшивался, глядя на нась, и говорилъ:

— Погуляли?

Онъ, оказывается, заранѣе приготовилъ намъ переодѣться и, чтобы согрѣть нась, когда мы придемъ, скипятилъ чайникъ.

Почти насильно усадилъ за столъ.

— Вѣдь только что пили!—отказывались мы съ о. Иваномъ.

— Вы пили до дождя. Теперь покушайте послѣ дождя.

Когда сѣли за столъ, о. Никифоръ неожиданно сказалъ мнѣ:

— Я все о васъ думалъ.

— Что же вы обо мнѣ думали?

О. Никифоръ не отвѣтилъ и точно самъ съ собой нѣсколько разъ повторилъ:

— Спаси васъ Господи... Спаси васъ Господи...

ты, Господи! Жалко мнѣ лисички. Вѣдь ручная, за водой со мной ходитъ. Господи, думаю, спаси лисичку. А самъ прошу охотника: не тронь, она никому зла не дѣлаетъ, живеть все равно, какъ собачка. Цѣлый день около кельи. Не послушался! Прицѣлился. Выстрѣлилъ... Два раза перевернулась она и бросилась въ лѣсъ. Охотникъ себѣ не вѣрить! «Никогда,—говорить,—въ жизни такихъ промаховъ не давалъ». А я радъ. Чуть не плачу отъ радости... Подошли мы къ ямкѣ—смотримъ: кровь, и такъ къ лѣсу красной ниточкой потянулась. Долго бранилъ себя мингрель: ужъ очень ему было досадно. Говорю ему: за то, что мою лисичку ранилъ, никогда ты ничего на этой горѣ не убѣшь. Она вѣрила, что ей никто зла не сдѣлаетъ. Изъ лѣсу пришла, за водой со мной ходила. Что она теперь обѣ насъ съ тобой думаетъ?—Разсердился на меня охотникъ, больше и не приходилъ ко мнѣ.

— А лисичка?—спросилъ я.

— Лисичка пришла одинъ разъ—на трехъ лапкахъ. Онъ лапку прострѣлилъ ей. Попрыгала, попрыгала на полянкѣ. Близко не подошла. Бросиль я ей ъѣсть—не взяла. Долго на полянкѣ стояла все. Точно прощаться приходила. Потомъ пошла въ лѣсъ. И больше не вернулась. Можетъ быть, забоялась, а, можетъ быть, померла—Господь ее знаетъ...

Рано утромъ мы стали собираться въ путь. Дорога предстояла не очень дальняя, но очень трудная: спуститься съ горы о. Никифора—перейти Кодорскую долину, пройти верстъ десять по ущелью рѣки Брамбы и, наконецъ, подняться на вершину, къ пустынникамъ.

О. Иванъ укладывался, а мы съ о. Никифоромъ стояли на балкончикѣ и онъ разсказывалъ мнѣ очень трогательную исторію о лисичкѣ.

— Приручились одинъ разъ ко мнѣ лисичка. Сначала на поляну ходила. Увидить меня, испугается—убѣжитъ. Я, бывало, положу ей чего-нибудь поѣсть и уйду. Возьметъ и съѣсть. Потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй стала и до того привыкла, что какъ собачонка за мной, бывало, бѣгаєтъ. Я въ кельи—она около терраски сидитъ, дожидается. Пойду за водой—она сзади меня бѣжитъ...

И вотъ, пришелъ ко мнѣ охотникъ, мингрель. Лисичка моя, какъ разъ, на полянкѣ была. Увидаль онъ ее, схватился за ружье. Не тронь,—говорю,—это моя лисичка, ручная.—«Откуда,—говорить,—она у тебя?»—Откуда? изъ лѣсу! Приручились. Теперь ручная. Мы съ ней вмѣстѣ за водой ходимъ. Присталъ и присталъ ко мнѣ: благослови, отецъ, убить. Да вѣдь ручная, говорю, какъ же ее убивать. Быль у меня кусочекъ рыбы. Бросиль я ее. Думаю, схватить и убѣжитъ отъ грѣха. А она взяла, легла въ ямочку и ъѣсть! «Нѣть,—говорить мингрель:—не могу стерпѣть, убью. Благослови». Я ужъ на хитрость пустился. Не могу, говорю, благословить тебя, потому что я не іеромонахъ. «Ну, я все-таки,—говорить,—выстрѣлю». Ахъ,

— Часто братія за совѣтомъ приходятъ. Начнешь съ чело-
вѣкомъ говорить о томъ, о другомъ,— обязательно въ осужденіе
впадешь, а послѣ отъ этого очень скверно на душѣ.

О. Никифоръ при этихъ словахъ поморщился, какъ отъ
физической боли.

Прощаемся. О. Никифоръ кланяется и жметь руку. Въ

XII.

Дорога на Брамбу.—Встрѣча.—Объясненіе.— Земной поклонъ.

— О. Никифоръ,—сказалъ я:— у меня къ вамъ большая
просьба. Вотъ вы сѣно продаете, на себѣ его носите внизъ,—
значитъ иногда вамъ нужны бываютъ деньги— пожалуйста,
возьмите у меня. Я буду такъ благодаренъ вамъ.

И протянулъ ему деньги.

О. Никифоръ рѣзко отшатнулся отъ меня, какъ-то съежился
и даже руки впередъ выставилъ, точно защищаясь отъ удара...

— Ради Бога, не надо! Ради Бога, увольте!

— Да почему? почему? Берете же вы сухари у монаховъ...
подрясники... У меня этого нѣтъ... есть деньги... вотъ и возь-
мите....

— Ради Христа, увольте!

— Да почему?

— Не люблю я ихъ. Отдайте другимъ.

И рѣзко перемѣнилъ разговоръ:

— На обратномъ пути заходите. Я такъ и буду знать,—
улыбнулся онъ:—если вамъ у насъ понравилось—зайдете, а
если не понравилось—не зайдете.

— Очень понравилось, о. Никифоръ, но зайти, вѣрно, ужъ
не придется,—развѣ на будущій годъ.

— Богъ знаетъ, увидимся ли; на будущій-то годъ, если и
живъ буду, можетъ быть, уйду дальше въ горы. Теперь мнѣ
особенно нужно безмолвіе,—значительно сказалъ о. Никифоръ.

— Какіе же здѣсь люди? Кажется, и такъ никого кругомъ
нѣтъ.

Мостъ черезъ р. Кодоръ близъ Аджаръ.

утреннемъ освѣщеніи маленькое личико его кажется особенно
блѣднымъ и борода блеститъ, какъ серебряная.

Отправляемся въ путь. О. Никифоръ не провожаетъ насъ и не
смотритъ намъ въ слѣдъ, а сейчасъ же уходитъ въ свою келью...

— Боюсь я этихъ спусковъ, о. Иванъ!

— Ничего нѣтъ удивительного: съ очень крутыхъ горъ спускъ
всегда труднѣе подъема.

— Если подъемъ труденъ—назадъ вернуться можно, а тутъ, хочешь не хочешь—иди! Хоть караулъ кричи...

— Бояться не надо. Подержитесь за меня на трудныхъ мѣстахъ и сойдете.

Но гора о. Никифора оказалась для спуска совсѣмъ не страшной. Шли почти безъ отдыха. Очень быстро. И ни разу не пришлось мнѣ «держаться» за спину о. Ивана. Я даже не замѣтилъ, что спускъ конченъ. Думалъ, что мы дошли до пологаго мѣста, а дальше опять дорога пойдетъ подъ гору. Но о. Иванъ сказалъ:

— Вотъ и сошли благополучно, слава Богу.

— Развѣ конецъ?

— А вамъ еще хочется?—смѣется о. Иванъ.

Я присматриваюсь и узнаю знакомое мѣсто. Вотъ поляна у подножья—трава по поясъ. Вотъ, гдѣ отдыхали мы съ о. Иваномъ.

Переходимъ шоссе. И по ровному лугу подходимъ къ мосту черезъ Кодоръ.

Этотъ мостъ кажется специально сдѣланъ для любителей сильныхъ ощущеній! Всѣ мосты черезъ горныя рѣки дѣлаются на живую нитку: если снесетъ, чтобы не жалко было! Но этотъ мостъ, перекинутый черезъ Кодоръ турками, для выученныхъ лошадей по истинѣ верхъ строительного искусства! Съ первыхъ же шаговъ онъ начинаетъ трястись и поскрипывать. Но когда доходишь до средины, гдѣ устроенъ какой-то горбъ, нѣчто въ родѣ гребня крыши, онъ весь приходитъ въ движение и раскачивается не только вверхъ и внизъ, какъ качели, но и въ разные стороны!

— Хуже «Богатской скалы!»—смѣясь я о. Ивану, когда мы благополучно добираемся до другого берега.

— Мостъ ничего—прочный,—успокоительно говоритъ о. Иванъ:—вотъ я боюсь, не снесло ли мостъ на Брамбѣ, не знаю, какъ тогда и пойдемъ.

— Развѣ намъ надо переходить Брамбу?

— Нѣть, это мостъ не черезъ рѣкѣ, а съ боку скаль. Дорога доходитъ до скалы отвѣсной. Итти бродомъ нельзя. И мѣсто бурное, да и глубоко. Турки придѣлали сбоку мостъ, какъ карнизъ, висить. Вода нарѣдкость большая,—боюсь, не снесло ли. Тогда ужъ не знаю, что дѣлать будемъ.

По р. Брамбѣ характеръ лѣса и вообще всей мѣстности совершенно мѣняется... Громадныя деревья обросли мохомъ и до верху завиты ліанами. Кусты переплелись другъ съ другомъ почти сплошной стѣной. Скалы и оторванные камни заросли низкорослымъ дубомъ. Земля черная, сырая. Травы почти нѣть. Солнце никогда не проникаетъ въ эту глуши. Деревья выростаютъ, падаютъ, гніютъ и на ихъ мѣсто подымаются новые. Брамба, какъ и Кодоръ, превратилась отъ дождя въ сверкающій, брызгущій пѣной водопадъ. Верстъ восемь идемъ мы узкой тропой по самому берегу. Подъема почти нѣть. Итти легко.

Мостъ, о которомъ беспокоился о. Иванъ, оказался цѣлъ. Только съ одного края залить водой. Полукруглымъ карнизомъ обвиваетъ онъ скалу, и когда мы идемъ по нему, чувствуемъ, какъ вздрагиваетъ онъ отъ ударовъ рѣки. За шумомъ волнъ все время слышится глухое, отрывистое «ухонье»—это напоромъ воды тащить по дну камни.

За мостомъ пещера. Здѣсь всегда на пути отдыхаютъ пустынники. Громадная глыба камней со всѣхъ сторонъ плотно ската лѣсомъ, а передъ самыми входомъ несутся бѣлые волны Брамбы. Въ пещерѣ очень уютная «обстановка». Камни для сидѣнья, «столъ», немного сбоку мѣсто, выжженое костромъ. Воткнута палка съ крючкомъ на концѣ—вѣшать чайникъ.

— Надо, какъ слѣдуетъ, отдохнуть,—говоритъ о. Иванъ:—дорога на наши горы неприступная.

— Да я и по этимъ мѣстамъ вижу, что у васъ совсѣмъ не то, что у о. Никифора... А почему о. Трифиллій сюда не перейдетъ? Здѣсь ужъ, навѣрное, поселенцевъ никакихъ нѣть?

— Поселенцевъ нѣть, конечно, а охотники да пастухи заходятъ. Вообще не знаю, есть ли на Кавказскихъ горахъ такое мѣсто, гдѣ бы совсѣмъ отъ людей можно было скрыться. Хотя сказывали мнѣ, что одинъ лѣсничій напечаталъ, что будто бы гдѣ-то въ лѣсу, на горахъ старца нашелъ, который двадцать лѣтъ живетъ и никого, кроме одного ученика своего, не видѣть. Да едав-ли! А то больше такъ случается, если и найдутъ мѣсто совсѣмъ безмолвное, куда даже охотники не заходятъ, тамъ и пустынникамъ жить нельзя... Сказывали мнѣ два наши брата. Нашли они разъ такое мѣсто. Шли, шли все въ глубь горъ. Нѣсколько снѣжныхъ переваловъ прошли и дошли, на-

конецъ, до мѣста, которое очень имъ понравилось. Громадное озеро въ горахъ и вѣчный снѣгъ кругомъ. Поселились. Кое-какъ кельи поставили. Снизу деревья на себѣ таскали. Принесли припасы. Между прочимъ и сѣти—рыбу ловить. Рыбы оказалось видимо-невидимо. Форель и усачи, по нѣсколько фунтовъ... Все бы, кажется, хорошо,—а долго прожить не могли. Садить ничего нельзя: всюду снѣгъ. Одной рыбой питаться не подѣ силу оказалось, въ родѣ отвращенія какого-то къ рыбѣ явилось. За пропасами ходить далеко—такъ и ушли...

— А на эти горы никто, кромѣ охотниковъ, не заходитъ?

— У подножья турки дранку дерутъ... А лѣтъ пятнадцать тому назадъ купецъ Максимовъ думалъ лѣсь разрабатывать—да отказался—большіе убытки понесъ. Слишкомъ крутой склонъ: какъ начали валить деревья—они и пораскололись. На бревна, значитъ, не годятся. Обратили вниманіе въ самомъ началѣ, какъ въ лѣсъ вошли—сплошь полусгнившія деревья лежатъ?—Это съ тѣхъ поръ осталось. Заходили къ намъ турки на вершину. Ужъ очень хотѣлось имъ на дранку пихту нашу взять. Еще бы! Пихта въ два три обхвата. Прямая, какъ мачта. Да нѣть: ни съ чѣмъ ушли! Разработать, конечно, можно и на мѣстѣ. Ну, а готовую дранку выюкомъ надо вести. А тамъ не то что лошади—человѣку другому не пройти... Больше кому же къ намъ ходить? Охотники иной разъ пониже въ лѣсу бываютъ медведей, жирановъ, куницъ очень много. А безъ надобности на такія горы не пойдешь: мѣста пустынныя, неприступныя...

— Охъ, о. Иванъ, ужъ взойду ли я на гору-то!

— Ничего, взойдете... Въ одномъ мѣстѣ, правда, трудновато. Приходится по вѣткамъ подтягиваться... Я помогу... ничего.

Послѣ пещеры мы идемъ еще версты двѣ вдоль рѣки и потомъ круто поворачиваемъ въ гору.

Узкая тропа зигзагами опоясываетъ гору и сначала итти даже легче, чѣмъ по горѣ о. Никифора.

Лѣсь все такой же: темный, глухой, заросшій кустами. Все чаще и чаще попадается ель, пихта. Мѣстами мы всходимъ на выступы, съ которыхъ открывается видъ то на одну, то на другую сторону горы. И тогда яркая, залитая солнцемъ, зелень слѣпитъ глаза и въ утреннемъ горномъ воздухѣ самыя дальняя вершины придвигаются вплоть.

Подъемъ на гору раздѣляется, какъ бы на двѣ половины очень большой, совершенно ровной поляной. Площадь этой поляны около сорока десятинъ. Сейчасъ она заросла кустарникомъ, цѣлкой ожиной и какой-то высокой густой травой, но зимой,—по словамъ о. Ивана,—когда открывается просторъ и виденъ лѣсь кругомъ поляны и вершины горъ,—это одно изъ самыхъ красивыхъ мѣсть дороги.

Спускаемся внизъ къ ручью. Лиственый лѣсь кончается. Кустарника почти нѣть. Травы мало. Лежать упавшія, старые деревья и ровными рядами высокія, высокія пихты стоять надъ ними, сплетаясь вверху густой хвоей. Итти легко. На всемъ лежитъ мягкая тѣнь. И прозрачный воздухъ пропитанъ запахомъ теплой смолы.

Намъ надо спуститься въ глубокій оврагъ. Перейти ручей—и тамъ ужъ начнется самый трудный подъемъ.

Въ оврагѣ опять, холодная сырость, кусты и высокая трава. Снизу неожиданно доносятся чьи-то голоса. За травой и кустами невидно, кто говоритъ, но слышно, что нѣсколько человѣкъ.

О. Иванъ пріостанавливается и слушаетъ.

— Кто-то изъ нашихъ братьевъ,—говорить онъ.

Мы входимъ въ самую заросль. Мимо насъ быстро проходить человѣкъ въ монашескомъ одѣяніи, съ мѣшкомъ за спиной. Онъ торопливо кланяется и, не останавливаясь, идетъ дальше. Но голоса впереди слышны попрежнему, только уже совсѣмъ близко. Переходимъ ручей. И видимъ, въ кустахъ и въ травѣ выше человѣческаго роста,—о. Веніамина и еще какого-то маленькаго монаха. Они о чѣмъ-то горячо говорятъ и, увидя насъ, умолкаютъ.

— О. Веніамины! Какимъ образомъ!—удивляемся мы.

О. Веніамины смущенно улыбается.

— Дождь засталъ вчера. Пришлось заночевать на полдорогѣ. Всего измочило. Сегодня обсушился и пошелъ.

Въ густой зелени, черный, волосатый, съ сѣрымъ горбомъ за спиной, онъ такъ похожъ былъ на доброго лѣсного звѣря!

Маленький монахъ быстро сталъ прощаться и хотѣлъ итти, но о. Иванъ непривычно рѣзко сказалъ:

— Подождите, о. Константины!.. Вы идите съ о. Веніаминомъ,—обратился онъ къ намъ:—я догоню васъ. Мнѣ надо сумку поправить.

Было ясно, что о. Иванъ хочетъ о чёмъ-то поговорить съ о. Константиномъ, и мы съ о. Веніаминомъ, не задерживаясь, пошли впередъ.

Въ послѣдствіе я узналъ, что о. Константинъ особенно за-подозрѣвалъ меня въ злыхъ умыслахъ противъ пустынниковъ. У него была заготовлена дранка и онъ боялся, что я присланъ отъ лѣсного вѣдомства отобрать ее. О. Иванъ потомъ говорилъ мнѣ:

— Я задержалъ его, чтобы побранить и постыдить, какъ слѣдуетъ.

О. Веніаминъ шелъ сзади меня и на каждомъ крутомъ подъемѣ я чувствовалъ крѣпкое прикосновеніе его руки къ своему локтю. Самъ онъ, несмотря на мѣшокъ за спиной, шелъ изумительно легко и готовъ былъ, повидимому, на трудныхъ мѣстахъ нести меня на рукахъ!

О. Иванъ скоро догналъ насъ. Мы пошли въ такомъ порядке: о. Иванъ, я и за мной о. Веніаминъ. Это было сдѣлано по настоянію о. Ивана. По его плану въ трудныхъ мѣстахъ онъ долженъ быть тянуть меня за палку, а о. Веніаминъ подталкивать въ спину!

И дѣйствительно, если бы я самъ на себѣ не убѣдился въ этомъ,—никогда не повѣриль бы не только тому, что я могу взойти на такую гору, но что вообще это возможно для кого бы то ни было.

Мѣстами мы ползли по отвесной кручѣ, цѣпляясь за каменные выступы, перехватывая одну вѣтку за другой какого-то ползучаго кустарника, съ необыкновенно крѣпкими вѣтвями. И все круче и круче. И нѣть этому ни конца, ни краю. Обрывы по сторонамъ не такие, какъ у о. Никифора, гдѣ упасть не боязно, а скалистыя пропасти въ нѣсколько десятковъ сажень...

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ меня «тянутъ»!

О. Иванъ взирается на выступъ, укрѣпляется потверже, протягиваетъ мнѣ конецъ своей длинной палки и тянеть къ себѣ. А о. Веніаминъ одной рукой подтягивается за вѣтки, а другой подпираетъ меня сзади.

Нечего говорить, что продѣливаемъ мы все это молча, со-средоточенно. Не обращаешь вниманія на сердце, которое до боли колотится въ груди, не даешь себѣ ни минуты отдыха,

чтобы перевести духъ. Не до того ужъ. Скорѣй бы выбраться. Будетъ же когда-нибудь конецъ.

Взбираемся на остроконечный выступъ. Прямо передъ нами, совсѣмъ близко, снѣжныя горы, а съ боковъ стѣной стоитъ ровный пихтовый лѣсъ,—онъ увѣшанъ длинными нитями свѣтлозеленаго мха, точно нарочно сдѣланными украшеніями.

О. Иванъ садится на камень. О. Веніаминъ сбрасываетъ свой сѣрый горбъ. Оба они, улыбаясь, смотрять на меня. Я боюсь вѣрить и боюсь спрашивать, что это значитъ, но о. Иванъ самъ говорить мнѣ:

— Теперь садитесь. Больше крутыхъ подъемовъ не будетъ.

Но мнѣ и садиться не хочется. Стоя, глубже дышится. А послѣ такой дороги не надышишься горнымъ воздухомъ.

О. Никифоръ, сравнивая свою мѣстность съ «Брамбой», сказалъ мнѣ:

— Здѣсь у насъ, какой воздухъ!—вотъ у нихъ, на Брамбѣ, дѣйствительно воздухъ... питательный!

Теперь я невольно вспоминаю его слова.

Именно «питательный» воздухъ! Съ каждымъ глоткомъ его чувствуешь, какъ вливается въ кровь бодрость и силы возстановляются и кажется нѣть такихъ препятствій, которыхъ нельзя было бы преодолѣть!..

— Куда же теперь пойдемъ?—спрашиваетъ меня о. Иванъ. Я недоумѣваю.

— То-есть, какъ куда? Къ о. Сергію...

— По пути... не много свернуть... келья о. Веніамина...

— Тогда, конечно, зайдемъ къ о. Веніамину.

— Какъ вамъ лучше,—говорить о. Иванъ и почему-то зорко смотрѣть на меня.

— Я очень хотѣлъ бы зайти къ вамъ, о. Веніаминъ, можно?

— Господи, да конечно... я же такъ радъ буду.

— А по-моему,—неожиданно говорить о. Иванъ:—лучше сначала итти къ о. Сергію. Тамъ отдохнете. Тамъ будете жить. А къ о. Веніамину, погулять, можно всегда сходить.

— Нѣть, нѣть,—рѣшительно говорю я:—непремѣнно зайдемъ къ о. Веніамину, хоть на минуточку. Какъ это итти мимо в. свенцицкій.

и не зайти! Завтра можно само собой сходить, а сегодня—само собой.

Мы молчимъ нѣкоторое время. Я случайно взглядываю на о. Веніамина и вижу, что съ нимъ творится что-то странное. Онъ въ какомъ-то необычайномъ волненіи. Смотрить то на меня, то на о. Ивана. Видимо, что-то хочетъ сказать и не рѣшается. Поймавъ мой взглядъ, онъ дѣлаетъ надъ собой усилие, даже судорога проходитъ по его лицу, и говоритъ:

— У меня къ вамъ... просьба... Ради Бога, исполните ее. Ради Бога, прошу...

— Конечно, о. Веніаминъ. Все, что могу. Все для васъ сдѣлаю.

— Ради Бога... это я не отъ себя говорю... меня просили пустынники. Тѣ, которые не знаютъ васъ... Не снимайте ихъ келій и самихъ ихъ не снимайте...

Меня страшно поразили слова о. Веніамина. И я, неожиданно для самаго себя, рѣзко сказалъ:

— Ваша просьба очень скверная, о. Веніаминъ.

О. Веніаминъ поблѣднѣлъ и смотрѣлъ на меня совершенно растерянно. По движению губъ я понялъ, что онъ спрашиваетъ:

— Почему?

— Не то скверно, что вы просите не снимать васъ, а то почему вы обѣ этомъ просите. Я вамъ скажу прямо: я шелъ къ вамъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ никогда въ жизни не обращался ни къ одному человѣку. Я заурядный, грѣшный мірянинъ, и во мнѣ хватило силы повѣрить вамъ всѣмъ сердцемъ сразу и безусловно. И чѣмъ вы на это отвѣтчаете мнѣ? Ни на чѣмъ не основаннымъ подозрѣніемъ! Вѣдь вы просите потому, что подозрѣваете, что я хочу сдѣлать вамъ зло, что у меня какія-то дурныя намѣренія относительно васъ. Что бы вы сказали, если бы я залодозрѣлъ васъ въ желаніи ограбить, или убить меня? А вѣдь вы дѣлаете именно это самое. Развѣ донось и предательство лучше? Развѣ лучше, если я явлюсь къ вамъ подъ видомъ друга, а самъ хочу причинить вамъ зло? И какія, какія у васъ основанія думать что-нибудь подобное!

О. Веніаминъ рѣшительно не ожидалъ такого дѣйствія своихъ словъ, да и самъ я не ожидалъ, что меня такъ сильно задѣнеть все это.

— И зачѣмъ вы прикрываетесь, что вы говорите не отъ своего имени, когда я чувствую, что и вы тоже подозрѣваете меня въ какихъ-то дурныхъ цѣляхъ. Если я пришелъ къ вамъ по своей душевной потребности, и, если, увидавъ хорошее, захочу разскказать другимъ, какъ живутъ и спасаются люди,—въ этомъ не будетъ ничего дурного. Очевидно, вы боитесь чего-то неопредѣленного, но злого отъ меня. Не даромъ о. Константинъ ушелъ изъ своей кельи, зная, что я иду сюда въ гости, а другой пустынникъ почти бѣгомъ пробѣжалъ мимо насъ! Послѣ вашей просьбы мнѣ остается одно—повернуться и итти домой...

— Меня просили сказать... Мнѣ очень тяжело было самому... о. Константинъ смущилъ меня. Вчера я душой повѣрилъ вамъ. А онъ сегодня встрѣтился и смущилъ меня... Я не хотѣлъ обидѣть... Простите... Грубый я, простите меня...

Я уже чувствовалъ, что наговорилъ много лишняго, что тутъ простое недоразумѣніе. Было стыдно смотрѣть въ жалкое, разстроенное лицо о. Веніамина. Я готовъ былъ самъ просить у него прощенія. Такъ все это вышло скверно и изъ-за такихъ пустяковъ.

— Пойдемте, пойдемте скорѣй,—сказалъ я.

И о. Иванъ и о. Веніаминъ быстро встали и мы молча пошли дальше. Только о. Иванъ спросилъ:

— Куда?

— Зайдемъ къ отцу Веніамину,—отвѣтилъ я.

Теперь я шелъ впереди. Сзади меня глухо стучали громадные сапоги о. Веніамина. И я, не оборачиваясь, чувствовалъ, какой онъ идетъ убитый, печальный и отъ того, что такой большой и неуклюжий,—еще болѣе жалкій.

Мнѣ хотѣлось сказать ему что-нибудь самое хорошее и ласковое и я ничего не могъ придумать. Я ждалъ, что онъ самъ скажетъ что-нибудь, но онъ молчалъ. Молчалъ и о. Иванъ. Дорога шла не очень круто, но тропа была узкая и итти приходилось другъ за дружкой. И почему-то казалось, что какъ только выйдемъ мы на широкое мѣсто, гдѣ можно стать рядомъ,—такъ сейчасъ же все окончательно объяснится и пройдетъ.

Широкаго мѣста не было. Лѣсь стоялъ и съ той и съ другой стороны высокій, недвижный, увѣшанный блѣдными странными нитями мха.

Но воть впереди мелькнула яркая зелень... Еще нѣсколько поворотовъ и сквозь бронзовые стволы пихты показалась поляна, а съ самаго края, на опушкѣ маленькая келья...

— Это ваша келья, о. Веніаминъ?—спрашиваю я.

О. Иванъ отвѣтчаетъ сзади:

— Нѣтъ, о. Веніамина дальше. Это о. Моисея,—его нѣтъ сейчасъ здѣсь.

Выходимъ на поляну. Я останавливаюсь и оборачиваюсь къ о. Веніамины. Хочу сказать ему хоть что-нибудь только, чтобы прервать молчаніе.

Но я не успѣлъ выговорить слова, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное.

О. Веніаминъ упалъ на колѣни и поклонился мнѣ до земли.

— Простите... Простите, ради Господа!..

Я бросился къ нему.

О. Веніаминъ стоялъ, опустивъ безпомощно руки, съ сѣрымъ горбомъ на спинѣ, заплаканный и растроганный...

И сейчасъ, вспоминая эту сцену, я не могу освободиться отъ чувства мучительного стыда за дурацкую нотацію, которую я прочелъ о. Веніамины, вызвавшую теперь этотъ земной поклонъ.

Не помня себя, сталъ я поднимать о. Веніамина.

Мы цѣловались съ нимъ. И онъ говорилъ:

— Слава Тебѣ Господи... Слава Тебѣ Господи!—.

Пошли дальше. Опять молча. Но теперь было такъ легко, такъ радостно—и кругомъ точно измѣнилось все.

Незамѣтно дошли мы до кельи о. Веніамина.

Келья такая же, какъ и у другихъ пустынниковъ: небольшая избушка съ террасой и огородомъ на открытой полянѣ. О. Веніаминъ торопливо сбрасываетъ мѣшокъ, мы съ о. Иваномъ входимъ на крыльцо и, прежде чѣмъ войти въ келью, читаемъ молитву.

Внутри кельи все такъ же, какъ и у о. Никифора. Въ передней «комнаткѣ» койка, въ задней аналой и иконы.

О. Веніаминъ растроганный, ласковый, но все такой же неуклюжій, кланяется и рукой показываетъ, чтобы я прошелъ во вторую «комнатку», гдѣ аналой.

Вхожу.

Крестъ о. Веніамина.

— Въ память вашего посѣщенія,—говорить онъ:—возьмите на память вотъ этотъ крестъ. Собственной работы. Я для себя его сдѣлалъ.

Онъ береть съ аналоя крестъ и подаетъ мнѣ.

Крестъ изъ пальмового дерева. На немъ вырѣзано изображеніе распятія, а на концахъ Божія Матерь и апостолы. Работа необыкновенно тонкая и въ корявыхъ, загорѣлыхъ громадныхъ рукахъ о. Веніамина бѣлый крестъ кажется еще тоньше, точно выточенній изъ слоновой кости.

— Это мое рукодѣлье, возьмите на память,—снова кланяется о. Веніаминъ.

Въ поклонахъ его есть что-то особенное: застѣнчивое и трогательное. Онъ такъ сгибаєтъ, точно хочетъ казаться меныше, точно ему неловко за свою величину и силу.

Я беру крестъ.

— Спасибо, о. Веніаминъ. Большое вамъ спасибо.

— А вотъ еще мое рукодѣлье. Отдайте кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ.

И онъ достаетъ изъ-подъ аналоя прекрасно выточенныя вилки и столовыя ложки.

— Очень много, о. Веніаминъ. Зачѣмъ же столько... Но онъ не слушаетъ и торопливо завертываетъ ихъ въ бумагу, точно боясь, что я могу отказаться.

О. Веніаминъ собирается угощать насъ чаемъ. Но о. Иванъ рѣшительно протестуетъ.

— И ты усталъ, о. Веніаминъ,—говорить онъ:—и намъ отдохнуть надо,—нѣть, теперь ужъ пойдемъ до мѣста.

О. Веніаминъ огорчается немножко, но потомъ рѣшаетъ, что дѣйствительно такъ будетъ лучше. И мы прощаемся.

— Относительно сниманія и вообще всего,—говорить онъ на прощаніе:—дѣлайте такъ, какъ вамъ нужно... Какъ хочется, такъ и дѣлайте.

— Васъ ужъ я не буду снимать, о. Веніаминъ, чтобы не вводить во искушеніе. А другихъ сниму.

— Какъ хотите, такъ и дѣлайте,—повторяетъ онъ:—все, что я говорилъ, надо забыть.

XIII.

О. Сергій.

О. Сергій живетъ не одинъ. Онъ ученикъ старца о. Ісаакія. Келья у нихъ просторная «на двоихъ». И огородъ больше, чѣмъ у другихъ пустынниковъ. Поляна открытая, съ трехъ сторонъ окружена вѣковымъ пихтовымъ боромъ, а съ одной стороны, прямо противъ кельи, открывается видъ на снѣжныя вершины.

Подходимъ. Никого нѣть. Обошли келью кругомъ.

— Должно быть, молятся,—сказалъ о. Иванъ, и громко произнесъ:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ...

— Аминь!—послышалось изъ кельи.

Дверь отворилась и въ дверяхъ, не выходя къ намъ, показался монахъ. Невысокаго роста, смуглый брюнетъ, съ просьдью. Очень худой. На босу ногу. Въ рукахъ четки. Лицо спокойное, серьезное.

Это былъ о. Ісаакій.

— Мы молимся,—сказалъ онъ:—проводи ихъ, о. Иванъ, въ ту келью.

И снова затворилъ дверь.

О. Иванъ ввелъ меня въ сѣни. Одна дверь изъ сѣней направо, за ней слышно равномѣрное церковное чтеніе. Другая налево, въ пустую келью. О. Иванъ отворилъ дверь и мы вошли въ очень маленькую комнатку съ одной койкой.

— Я пойду къ нимъ,—сказалъ о. Иванъ:—отдохните пока... Ушелъ.

Я сѣлъ на койку «отдыхать». Это единственная «мебель» кельи. Нѣть ни стульевъ, ни стола. Въ углу иконы. На стѣнахъ написано карандашемъ нѣсколько изреченій Ісаака Сиріна.

Надъ койкой символическая картина, изображающая монашескія добродѣтели. Старецъ съ большой сѣдой бородой. Вокругъ него добродѣтели: смиреніе, посты, молитва. Въ углу на конѣ мірская страсть, въ видѣ толстой женщины, съ распущенными волосами. Женщина стрѣляеть въ старца изъ лука. Но старикъ неуязвимъ и стрѣлы до него не долетаютъ...

Въ кельѣ пахнетъ, какъ въ церкви—ладаномъ, восковыми свѣчами, и сразу почему-то чувствуется, что здѣсь живутъ люди, которые молятся долго, истово, по-церковному.

Я жду съ полчаса. Наконецъ, въ сѣняхъ слышится движение, топотъ босыхъ ногъ. Входитъ о. Сергій.

Онъ совершенно такой же, какимъ я видѣлъ его на Новомъ Аeonѣ. Только босыя ноги придаютъ еще болѣе трогательно-убогій видъ. Онъ очень худой. Маленькая мочальная цвѣта бородка. Волосы длинные, прямые, тоже мочального цвѣта. Подрясникъ совсѣмъ, совсѣмъ ветхій, весь пропитанъ масляными пятнами. На головѣ выцвѣтшая и такая же ветхая скучейка. Опоясанъ широкимъ кожанымъ поясомъ.

О. Сергій—тиль послушника въ высшемъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Нести послушаніе,—дѣлать что-нибудь для другихъ,—въ этомъ для него все.

О. Сергій послушникъ о. Исаакія, который руководить его духовной жизнью. Но онъ «послушникъ» каждого и это выражается во всѣхъ чертахъ его, въ движеніяхъ, въ лицѣ, рѣшительно во всемъ...

О. Исаакій долгое время жилъ монахомъ на Новомъ Aeонѣ. О. Сергій десять лѣтъ прожилъ тамъ же послушникомъ и на нихъ особенно ярко легла печать монашества. Они свободны и духовно-смѣлы, какъ и всѣ пустынники, но въ тоже время «уставщики», свято хранящіе монастырскій укладъ жизни, молитвенники не только въ «мистическомъ» смыслѣ, какъ о. Никифоръ, но и въ церковномъ. Четки, ладанъ, громадныя книги въ кожаныхъ переплетахъ,—здѣсь не случайные предметы, не «обстановка», которой могло бы и не быть,—а органическія части живого цѣлага. Здѣсь на первомъ мѣстѣ правила, послушаніе и церковная молитва, а потомъ уже лѣсь и безмолвіе. Но въ самой церковности этой,—выражаясь словами о. Никифора,—«все живое»,—она часть души тѣхъ, кто живеть здѣсь, ее любятъ, она служить выраженіемъ своеобразнаго душевнаго склада...

Пустынникъ о. Сергій.

О. Сергій поклонился мнѣ, касаясь рукой пола. Потомъ быстро поправилъ свои длинные прямые волосы и поцѣловался со мной трижды крестъ-на-крестъ.

Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые, старые друзья,—хотя я видѣлъ его одинъ разъ на Новомъ Аeonѣ и то не болѣе полу-часа.

— Вы не сердитесь, что не пришелъ я въ Драндскій монастырь?—сказалъ о. Сергій.

— Что вы... Я же знаю, что вамъ нельзя было...

— Огородъ не могъ бросить. О. Исаакій больной. Тяжелую работу работать не можетъ, мнѣ и за него и за себя пришлось,—никакъ нельзя было оставить...

— Спасибо, что прислали о. Ивана. Мы съ нимъ подружились дорогой.

О. Сергій улыбнулся и засіяль весь.

— Я зналъ, что онъ понравится вамъ! Какъ пришло время ити за вами... думаль, думаль... огородъ никакъ оставить нельзя... А такъ какъ между нами съ о. Иваномъ большая любовь братская, я и рѣшилъ—лучше всего ему пойти... Потрудились на гору-то? Устали? Я боялся за васъ... А о. Иванъ говорить хорошо шли.

— Да, ничего... конечно, усталъ немного, но гораздо меньше, чѣмъ думалъ. Я самъ на себя удивлялся всю дорогу!.. Я очень, очень радъ видѣть васъ, о. Сергій.

— И я радъ. Я вѣдь тогда на Новомъ Аeonѣ полюбилъ...

О. Сергій говорить отрывисто, тихо, часто покашливаетъ. Онъ не произноситъ буквы «л». Вместо «ла» говорить «уа»—это придаетъ его произношенію особенную мягкость...

— Теперь пойдемте, о. Сергій, покажите ваше хозяйство и познакомьте меня съ о. Исаакіемъ.

— Пойдемте, пойдемте...

XIV.

О. Исаакій.

Выходимъ на терраску. Тамъ ждутъ насъ—о. Иванъ и о. Исаакій.

О. Исаакій еще разъ здоровается со мной. У него красивое, хорошее лицо. Правильный, съ горбинкой носъ, темная борода, глаза большие, серьезные. Движенія спокойныя, увѣренныя. Въ маленькихъ рукахъ четки. На всей его фигурѣ печать очень большой интеллигентности.

Очевидно о. Иванъ уже рассказалъ ему о томъ, что произошло у насъ съ о. Веніаминомъ, потому что онъ сразу начинаетъ со мной разговоръ объ этомъ.

— Вамъ не надо обижаться на нихъ,—говорить онъ съ мягкимъ укоромъ: надо понять такихъ вотъ, какъ о. Константинъ. Онъ простой, сѣрый крестьянинъ, ничего не знаетъ, ни о чёмъ не слыхалъ,—и страшно теперь запуганъ,—боится и лѣсничаго, боится и объездчика, боится и духовной власти и свѣтской,—а тутъ говорять ему: пріѣхалъ изъ Москвы... членъ Государственной Думы... фотографируетъ кельи... и т. д. и т. д... Онъ бѣдный совсѣмъ перепугался навѣрное и Богъ знаетъ, что ему представилось.

— Да мнѣ и самому совѣтно,—сказалъ я:—что сдѣлать изъ этого исторію...

— Теперь, слава Богу, все кончилось хорошо,—успокаиваетъ о. Иванъ.

— Кончилось, такъ не надо и вспоминать,—говорить о. Сергій:—пойдемте, огородъ нашъ посмотрите.

Прямо передъ кельей посажена кукуруза.

— Развѣ у васъ медвѣди не трогаютъ кукурузу?—спрашиваю я.

— Пока не попробовалъ,—ничего. А вотъ, если хоть разъ попробуетъ, ну тогда не успокоится, пока всю не поломаетъ,— улыбается о. Сергій.

И сколько разъ потомъ ни заходила рѣчъ о медвѣдяхъ, о. Сергій всегда говорилъ обѣхъ съ улыбкой, точно о симпатичныхъ, но немногіо смѣшныхъ людяхъ. И называлъ: «Мишкой» и даже «Мишенкой».

За кукурузой большое «поле» картофеля, нѣсколько грядъ луку, чесноку, фасоли, и небольшая грядка густого необыкновенно высокаго гороха.

— Это мнѣ человѣкъ одинъ изъ Сибири сѣмянъ привезъ,— сказалъ о. Сергій, видимо, любуясь своимъ дѣтищемъ.

У о. Сергія огородъ не поражаетъ образцовымъ порядкомъ, какъ у о. Трифиллія, но видно, что много въ него положено труда и заботы.

— Я плохой помощникъ,—говорить о. Исаакій:—все о. Сергій трудился одинъ.

— Вы, кажется, болѣете?—спросилъ я.

— Да, лихорадка... а можетъ быть и чахотка.

— Почему вы думаете, что чахотка? Развѣ у васъ кашель?

— Нѣтъ, кашля нѣтъ... Но слабость, потъ. Лихорадить постоянно... Въ молодости я жиль въ Петербургѣ, служилъ въ бронзовой и золотильной мастерской—можетъ быть оттуда еще захватилъ болѣзнъ...

О. Иванъ и о. Сергій отстали отъ насъ.

О. Сергій крикнулъ:

— Вы погуляйте, а мы пойдемъ обѣдъ готовить!

О. Исаакій повелъ меня по широкой тропѣ въ лѣсъ.

— Вотъ эту аллейку о. Сергій расчистилъ,—сказалъ онъ:— очень хорошо гулять здѣсь.

Мы шли среди старыхъ, старыхъ пихъ, совершенно безшумно ступая по мягкой, покрытой хвойей дорогѣ.

— Какой красивый лѣсъ у васъ. Особенно нравится мнѣ вицячій мохъ. У насъ нѣтъ такого.

— Вотъ вы какія мелочи замѣчаете,—улыбнулся о. Исаакій,— а мы живемъ и совершенно не обращаемъ на это вниманіе... Да, у насъ хорошо, очень хорошо жить. Если бы своя церковь,— ничего больше и не надо.

— А къ о. Иларіону въ монастырь не пойдетѣ?

Пустынникъ о. Исаакій.

— Что жъ о. Иларіонъ!.. Я ему прямо сказалъ: вся эта затѣя съ монастыремъ дѣло бѣсовское... Вотъ о. Иванъ говорилъ о проектѣ просить у архіерея разѣзднаго монаха и антиминсъ. Это дѣло другое и то при одномъ условіи, чтобы іеромонахъ обязательно назначенъ былъ изъ нашихъ пустынниковъ.

— Ну, обѣ этомъ и просить нечего,—сказалъ я:—къ вамъ изъ монастыря ни одинъ іеромонахъ не пойдетъ.

— Пожалуй и такъ,—согласился о. Исаакій.

Чѣмъ больше вглядывался я въ о. Исаакія и вслушивался въ его рѣчъ, тѣмъ больше онъ нравился мнѣ. Въ немъ было какое-то особенное благородство. А въ красивыхъ увѣренныхъ движеніяхъ и спокойномъ тихомъ голосѣ,—чувствовалась большая внутренняя сила.

— Вы долго были на Новомъ Аeonѣ?—спросилъ я его.

— Да порядочно... лѣть десять. Сначала торговалъ въ монастырской лавочкѣ. Потомъ былъ при часовнѣ на Иверской горѣ... Я и сейчасъ приписанъ къ монастырю...

— Какъ же васъ отпустили въ пустыню?

— Покойный Іеронъ отпустилъ. Онъ вообще противъ пустыножительства былъ и не любилъ, когда отъ него уходили монахи. Первый разъ пришелъ я просить благословенія уйти въ пустынъ,—онъ разсердился. Я черезъ нѣкоторое время опять пришелъ. Разсказалъ ему все, что чувствовалъ. Онъ и говоритъ мнѣ: ты все равно уйдешь,—иди лучше съ разрѣшеніемъ.

— Вы прямо сюда въ пустынъ пришли?

— Ходилъ еще въ Грузію,—посмотрѣть, какъ тамъ спасаются... А потомъ поселился здѣсь... Я больной, работать не могу. Живу съ о. Сергиемъ. Занимаюсь рукодѣліемъ: четочки дѣлаю... Слава Богу... жить здѣсь очень, очень хорошо...

Тихій голосъ о. Исаакія, босыя ноги его, серьезное благообразное лицо,—все такъ удивительно подходило къ задумчивой тишинѣ лѣса.

— Да, хорошо у васъ,—сказалъ я.

— Вотъ и оставайтесь у насъ,—неожиданно предложилъ о. Исаакій.

— Нѣтъ о. Исаакій,—для меня это совершенно невозможно. Мы остановились.

— Почему?—спросилъ о. Исаакій и посмотрѣль на меня въ упоръ.

— Почемъ? Да прежде всего потому, что я хочу жить въ миру. А развѣ по-вашему это плохо?

— Нѣтъ, не плохо... Но здѣсь лучше...

И снова мы пошли, не торопясь, по аллеѣ теперь уже прямо на поляну, къ кельѣ.

— Вамъ надо закусить,—сказалъ о. Исаакій:—потомъ отдохнете немного и прочитаемъ вечерю.

Мы вернулись какъ разъ во время. Недалеко отъ кельи о. Сергій устроилъ «лѣтнюю кухню». И когда мы подходили, о. Иванъ несъ изъ этой «кухни» вареный картофель, а о. Сергій «соусъ»—лукъ, поджаренный въ постномъ маслѣ.

— Пожалуйте кушать,—сказалъ о. Иванъ:—картофель сварили, да еще съ соусомъ.

— Это я въ монастырѣ научился,—отозвался о. Сергій.

— А завтра знаете, чѣмъ онъ угостить васъ хочетъ?

— Навѣрное, пышками?—засмѣялся о. Исаакій.

— Что же!—опять весело отозвался о. Сергій:—и испеку.

Я пышки хорошия дѣлаю... Покушаете моего рукодѣлья...

— Что и говорить, настоящій поваръ,—смѣется о. Иванъ.

Мы входимъ на террасу. Тамъ уже накрытъ маленький столикъ. О. Исаакій говоритъ:

— Давайте, помолимся...

И всѣ мы поворачиваемся на Востокъ, къ темной тѣнистой опушкѣ лѣса, за которой яркими зубцами блестятъ освѣщенные горы...

XV.

Пустынники и монахи.

Часа въ четыре началась вечерня.

Я стоялъ, слушалъ и невольно сравнивалъ эту службу со службой въ кельи у о. Никифора.

Тамъ все время чувствовалась «мистика службы», что-то сложное, напряженное... Здѣсь, напротивъ, просто, спокойно, «трезво».

За аналоемъ стоялъ о. Сергій. Читалъ истово. «Возгласы» внушительно и спокойно произносилъ о. Ісаакій. Во всей службѣ было что-то значительное, чинное. Вслушиваясь въ эту службу, не могло прийти въ голову, что вотъ за окномъ стоять бѣсы, которые «не смытъ» войти въ келью. На душѣ было хорошо, спокойно, увѣренno,—но не было того восторга и умиленія, которые неожиданно охватывали душу на вечерни у о. Никифора. И нельзя сказать, что то было лучше, или это хуже. Просто совсѣмъ разное. Два различныхъ склада. Два несходныхъ другъ съ другомъ религіозныхъ типа.

Послѣ вечерни мы сидѣли на «заваленкѣ» кельи, и разговаривали до поздней ночи.

Вечеръ былъ чудесный. Облака прошли и передъ нами открылись самыя дальняя вершины горъ.

Какъ только зашло солнце за горы,—лѣсъ потемнѣлъ и какъ рамой обвелъ черными зубцами блѣдно-розовое, яркое небо. А поляна угасала медленно, точно нехотя. Долго въ вечернихъ сумеркахъ играли на ней послѣдніе отблески зари.

— Насъ, пустынниковъ, осуждаютъ за самочинное спасаніе,—говорилъ о. Ісаакій:—а не знаютъ того, что и въ монастыряхъ спасаніе тоже самочинное.

— То-есть, какъ?—спросилъ я.

Видъ изъ кельи о. Сергія.

— Безъ руководства... Теперь вся монастырская жизнь превращена въ послушаніе, или, другими словами, въ хозяйственныя заботы, въ мірскія дѣла. «Послушаніе», какъ необходимый путь духовнаго развитія, мы не отрицаємъ. Но въ монастырѣ послушаніе совсѣмъ не то: это просто та или иная *должность*, которую необходимо исполнять въ сложномъ монастырскомъ хозяйствѣ. «Послушаніе» дается не сообразно съ душевнымъ состояніемъ послушника, а сообразно съ хозяйственной надобностью монастыря... Конечно, живутъ въ монастырѣ и духовной жизнью, но больше тайно, келейно. Стараясь, чтобы не замѣтили окружающіе,—а то помѣщаются. Вотъ и выходитъ «самочинное спасаніе»...

— Почему же могутъ помѣшать?—удивился я.

— Даже обязательно, нарочно помѣшаютъ,—горячо вступился о. Сергій; очевидно, это было его больное мѣсто,—въ монастырѣ, какъ только замѣтятъ въ послушникѣ ревность къ молитвѣ, къ духовной жизни,—сейчасъ «послушаніе!» Что, моль, это за святой выискался, а ну-ка его куда-нибудь на огородъ, или на плантаціи, пусть свою «святость» разгонитъ... Въ мою бытность на Новомъ Аeonѣ сколько молодыхъ послушниковъ передъ глазами прошло. Въ монастырѣ заходили, какъ ангелы, а пройдетъ три, четыре года—все послушаніе, да послушаніе, никакого руководства въ духовной жизни, никакой заботы объ этомъ, никакого поощренія; гоняютъ съ виноградниковъ на скотный, со скотного въ пекарню,—и вотъ дѣлается человѣкъ, совсѣмъ мірской,—съ горечью сказалъ о. Сергій:—надо бы на первомъ мѣстѣ церковь, а на второмъ послушаніе, а имъ лишь бы хозяйство хорошо шло, да работникъ хороший былъ, а церковное больше даже мѣшаетъ имъ...

— Да, это такъ,—снова подтвердилъ о. Исаакій:—словъ нѣть, и въ монастыряхъ есть люди духовной жизни, но жизнь ихъ сама по себѣ идетъ, чаще всего монастырь обѣ ней и не знаетъ. За то и случается такъ: выбываетъ человѣкъ изъ своей колеи и некому его поддержать. У насъ на Новомъ Аeonѣ такой случай былъ:

Лѣтъ двадцать пять жилъ тамъ одинъ монахъ. Къ молитвѣ очень былъ ревностный. Я близокъ съ нимъ былъ и зналъ, что жизнь онъ ведетъ духовную, правиль держится хорошихъ,—ну, словомъ, настоящій монахъ. Послали его по дѣламъ въ Петер-

бургъ. Разъ, два,—пришлось пожить тамъ сначала немного, потомъ побольше. И, вотъ, разсѣялся человѣкъ. Никакъ не собираеть себя. Дальше больше, дальше еще... Черезъ нѣсколько лѣтъ снова пришлось жить на Новомъ Аeonѣ беззыѣздно. Но прежняго вернуть не можетъ. И впалъ въ отчаяніе. Разъ прихожу я къ нему,—онъ мнѣ все это и разсказываетъ. Двадцать пять лѣтъ, говорить, работалъ надъ собой и что же теперь, опять все сначала? Ничего не осталось! Неужели же эти годы прошли зря? И что теперь дѣлать мнѣ? И силь ужъ нѣть прежнихъ, и ревности нѣть прежней... Вся жизнь прошла. Скоро умирать надо. Когда же я теперь снова пройду весь путь.—Ничего не подѣлаешь,—говорю ему:—коли ужъ такое несчастье случалось: надо начинать снова. А ужъ остальное, какъ Господь... Можетъ силы дастъ, можетъ жизнь продлить... И вотъ послушался онъ. Сталъ помаленьку, помаленьку налаживаться... А тутъ вскорѣ и умеръ. Умеръ ничего, покойно, хорошо...

— Въ монастыряхъ много людей страдаетъ, да никто этого не видитъ,—тихо сказалъ о. Иванъ.

— Трудно, а для иныхъ и гибельно въ монастырѣ жить,—снова съ горечью проговорилъ о. Сергій.

— А у васъ никогда не было желанья пойти въ монастырь?—спросилъ меня о. Исаакій.

— Было... Лѣто семь тому назадъ...

— Если можете, разскажите...

— Да... то, что случилось со мной, довольно характерно для монастырской жизни... Это было семь лѣтъ тому назадъ. Со мной случилось большое несчастье. Я, какъ говорится, запутался. Запутался и нравственно и житейски... Внутренняя жизнь моя свелась къ полному и, какъ я думалъ, окончательному сомнѣнію въ самомъ себѣ. Мнѣ казалось, что все ложь и вокругъ меня, и во мнѣ самомъ. Я слишкомъ боялся смерти, чтобы решиться на самоубійство. И вотъ въ полномъ отчаяніи бросился въ монастырь. Помню, зимой приѣхалъ я въ одинъ изъ лучшихъ монастырей. Видѣ у меня былъ довольно подозрительный. Я ушелъ изъ своего дома осенью, какъ бѣглецъ,—въ чёмъ былъ. Безмысленно метался изъ одного мѣста въ другое,—изъ Москвы въ Рязанскую губернію, изъ Рязанской въ Калужскую. И теперь, зимой, явился въ монастырь въ осеннемъ пальто и лѣтней шляпѣ. Меня, вѣроятно, приняли или за помѣщанного,

или за пропойцу, спустившаго все свое достояніе. Не хотѣли пускать въ гостиницу. И, наконецъ, послѣ долгаго совѣщенія пустили въ какую-то полутемную комнату подъ лѣстницей. Не знаю, барская ли спѣсь во мнѣ заговорила, или другое что, но не смотря на то, что я до такой степени поглощенъ былъ своимъ душевнымъ горемъ, что не замѣчалъ ни холода, ни легкаго пальто, ни лѣтней шляпы,—здѣсь все замѣтилъ и былъ страшно оскорбленъ. И вотъ точно подтолкнулъ меня кто. У меня были съ собой довольно большія деньги. И какъ только монахъ ввелъ меня въ каморку подъ лѣстницу, я вынуль и далъ ему пачку денегъ. Монахъ на мгновеніе какъ бы осталбенѣлъ. Потомъ быстро распахнулъ дверь. Кого-то крикнулъ. И буквально извѣяваясь отъ поклоновъ сталъ звать меня во второй этажъ. Это было страшно и отвратительно. Но случись что-нибудь подобное теперь—я отнесся бы иначе. Я понялъ бы, что одинъ скверный монахъ ничего не доказываетъ. Но тогда—это подействовало на меня, какъ ударъ палкой по больному мѣсту. Я буквально, какъ сумасшедший, выбѣжалъ изъ монастырской гостиницы и опомнился только на железнодорожной станціи за нѣсколько верстъ отъ монастыря... Конечно, я былъ не правъ. Нельзя придавать значеніе такой мелочи. Но когда въ душѣ нѣть ни одного живого мѣста—не разсуждаешь... Оглядываясь назадъ, я вижу, что Богъ спасъ меня. И злой монахъ оказался для меня добрымъ геніемъ: какой же я монахъ въ самомъ дѣлѣ. Ну, а тогда очень тяжело было...

— Да,—проговорилъ о. Исаакій въ раздумыи:—много большихъ соблазновъ въ монастырѣ...

И повернувшись ко мнѣ, онъ долгимъ и внимательнымъ взглѣдомъ посмотрѣлъ на меня, точно стараясь разсмотреть что-то въ темнотѣ.

— Оставайтесь у насъ,—сказалъ онъ:—здѣсь вамъ будетъ очень хорошо.

— Mnѣ и въ міру хорошо,—отвѣтилъ я,—уходить изъ міра по-моему можно только при одномъ условіи: когда человѣкъ чувствуетъ, что міръ для него гибель, а монастырь спасеніе.

— Каждый на свое мѣсто долженъ быть,—рѣшительно произнесъ, все время молчавшій, о. Иванъ.

— Ну, зачѣмъ монастырь,—отозвался и о. Сергій:—всюду жить можно...

— Конечно... это такъ,—снова задумчиво сказалъ о. Исаакій,—и въ міру можно спастись и въ монастырѣ погибнуть. Вообще между монастыремъ и міромъ связь гораздо болѣе тѣсная, чѣмъ принято думать. Вотъ часто осуждаютъ монаховъ: какіе, молъ, это монахи,—молятся плохо, грѣшатъ, какъ мірскіе люди, такіе да сякіе... Конечно правда: монахи плохи. Да откуда имъ быть хорошими? Каковъ міръ—таковъ и монастырь. Въ міру все ослабло, все въ разстройствѣ, всѣ души въ упадкѣ, ни вѣры, ни подвига—и монастырь въ упадкѣ. Духовная слабость въ міру—духовная слабость и въ монастыряхъ. Монастырь надо судить не той мѣркой, какимъ бы онъ долженъ быть, а той, какъ люди въ міру живутъ. И тогда мы не будемъ судить его такъ строго. Можетъ быть, даже увидимъ тогда, что какъ ни плохо живутъ въ монастыряхъ—все лучше, чѣмъ въ міру. Надѣ міромъ можно подняться только на извѣстную высоту. Если міръ низокъ и подняться надъ нимъ люди высоко не могутъ. Монахи дѣти этого же міра, со всѣми его слабостями и грѣхами... Я долго, очень долго думалъ, почему это нѣть у насъ такихъ подвижниковъ, какъ прежде, почему мы, напримѣръ, не способны на такіе подвиги, какъ древніе пустынники? Нѣсколько разъ хотѣлъ я примѣнить къ своей жизни ихъ уставъ: такъ же поститься, какъ они, такъ же молиться... Нѣть! Вижу, что для насъ это совершенно невозможно. Вотъ въ Грузіи, напримѣръ, я видѣлъ пещеры, гдѣ спасались древніе пустынники. Воды поблизости нѣть. Надо спуститься съ горы, пройти дальше, чѣмъ отсюда до Брамбы—и ходили, трудились! А пища? У насъ огородъ, картофель, кукуруза—они ничего не съяли, питались сухими кореньями... Чувствую, что и ревность къ подвигамъ не та... слабость какая-то... немощность духа... И не знаю, отъ чего это такъ?.. Думаю, что все это отъ міра, изъ котораго вышли, и отъ котораго не можемъ оторваться. Примириешься, конечно, съ этимъ. Потому все не силами человѣческими,—а по благодати Божіей, но всегда сокрушаешься, когда читаешь о прошломъ, сокрушаешься о немощности своей, о томъ, что нѣть настоящей ревности подвизаться въ молитвѣ и постѣ...

О. Исаакій говорилъ все это, не спѣша, не волнуясь, очень спокойно, но отъ этого еще тверже звучало каждое его слово..Слышалась въ тонѣ его большая тоска настоящаго подвижника о жизни болѣе совершенной, болѣе соответствующей запросамъ духа.

Давно уже послѣдній вечерній свѣтъ погасъ на полянѣ, и загорѣлись близкія, яркія звѣзды. И здѣсь, какъ у о. Никифора, кричалъ въ лѣсу филинъ:

— У-гу... у-гу-гу-гу!..

Но этотъ крикъ былъ гораздо ближе. Не такъ походилъ на дальний человѣческій зовъ,—и производилъ совершенно другое впечатлѣніе.

— Ишь, какъ кричить надрываетъ, охрипъ даже,—посмѣялся надъ нимъ о. Сергій,—это онъ свою подружку кричитъ,—а та что-то помалкиваетъ. А то начнутъ перекликаться: онъ кричитъ громко, а она отзовется тихонечко. Всю ночь перекликаются.

Я рассказалъ, какъ мнѣ было страшно отъ этого крика у о. Никифора.

— А мы любимъ этотъ крикъ,—сказалъ о. Исаакій,—что-то дальнее напоминаетъ...

Становилось свѣжо. Потянулся вѣтеръ съ горъ.

— Зачѣмъ вы босымы ходите? — спросилъ я,—вѣдь вредно: у васъ о. Исаакій лихорадка, о. Сергій кашляетъ.

— Ничего,—быстро проговорилъ о. Сергій,—это мы хотимъ пріучиться... что бы всегда такъ...

Я слышалъ, какъ о. Иванъ въ темнотѣ усмѣхнулся.

— Вы что, о. Иванъ?

— Вспомнилъ. Въ Драндскомъ монастырѣ юродивый былъ. Всегда ходилъ босой. Одинъ іеромонахъ какъ-то его спрашивается: давно это ты босикомъ ходишь? А тотъ, аки древній юродивый отвѣчаетъ: «давно!.. Я и родился босой»...

— Теперь пойдемте, помолимся и пора спать,—сказалъ о. Исаакій и всталъ.

Встали и мы всѣ.

— А завтра пойдемъ гулять на хребетъ нашей горы,—предложилъ о. Сергій,—если погода хорошая будетъ, видѣ оттуда замѣчательный и на долину и на снѣжныя горы...

— Пока вы гулять будете,—я въ келью къ себѣ скажу, все ли у меня благополучно,—сказалъ о. Иванъ.

— Развѣ намъ не по-пути?

— Сначала по-пути, а потомъ мнѣ направо, а вамъ прямо въ гору.

— Вотъ, гдѣ поснимать можно,—говорилъ о. Сергій, ведя меня въ темнотѣ къ кельѣ,—только бы погода хорошая была...

Онъ говорилъ это такъ, точно самъ былъ заядлый фотографъ и поснимать горы считалъ чуть ли не самымъ важнымъ дѣломъ жизни.

Опять мы вошли въ маленькую келью. О. Сергій зажегъ свѣчу и всталъ къ аналою. Послѣ вечерней свѣжести въ кельѣ было тепло и еще сильнѣй пахло церковью.

Опять служба была долгая, истовая,—но безъ всякой нервности, спокойная и трезвая. О. Сергій кашлялъ все чаще и подъ конецъ совсѣмъ не могъ читать. За него всталъ о. Иванъ. Читаль онъ такъ же, какъ и у о. Никифора, но здѣсь и въ его тонѣ звучало что-то другое. И чѣмъ дальше шла служба, тѣмъ спокойнѣе и какъ-то тверже становилось на душѣ. Это настроеніе въ концѣ концовъ вылилось въ увѣренность:

— Все будеть хорошо... Ничего не случится...

И, когда я шелъ спать, мнѣ кажется, явись предо мной не только сумасшедшій монахъ, но и самъ дьяволъ—я не испугался бы его нисколько!

какъ блины, но гораздо толще; въ величину большой сковороды, пухлыя, горячія, пропитанныя масломъ... Обжигаешься, и губы, и скорѣй запиваешь чаемъ, чтобы не такъ жгло ротъ.

— Никогда не ъѣлъ такихъ удивительныхъ пышекъ!—говорю я.

— Ничего нѣтъ удивительного,—говорить о. Иванъ:—никогда не ъѣли ихъ на такихъ горахъ.

О. Сергій самъ не садится. Онъ только прислуживаетъ. Не даетъ намъ опомниться: кончимъ одну пышку—на столѣ другая! Въ воздухѣ тянеть теплымъ запахомъ кухни. Солнце еще не поднялось изъ-за горъ, но разлилось уже нѣжно-розовымъ свѣтомъ на снѣжномъ хребтѣ.

О. Сергій буквально свѣтится отъ счастья. На минуточку онъ даже задерживается у стола только для того, чтобы полюбоваться на насъ и на нашъ аппетитъ.

Мы всѣ ъѣдимъ съ наслажденiemъ, и всѣ улыбаемся, глядя другъ на друга и на о. Сергія.

Но пышки на тарелкѣ начинаютъ исчезать все медленнѣе. Прежде чѣмъ положить кусокъ въ ротъ, мы долго дуемъ на него: боимся обжечься. И, наконецъ, не доѣдаемъ большую половину. О. Сергій замѣчаетъ эту перемѣну. Огорчается. Но о. Иванъ утѣшаетъ его:

— Мы доѣдимъ ихъ холодными.

О. Сергій неохотно, но примиряется съ этимъ компромисомъ и говоритъ:

— Такъ вы собираетесь, а я пока допеку.

— Да, самъ-то ты ъешь,—вдогонку кричитъ ему о. Иванъ.

— Я послѣ!—уже изъ «кухни» отзывается о. Сергій.

— Всегда онъ такъ: поглядить на другихъ и съѣть!

До хребта горы—итти около часа.

Крутыхъ подъемовъ нѣтъ, скаль и обрывовъ тоже. Все время приходится итти лѣсомъ, иногда косогорами, густо покрытыми низкимъ цвѣтующимъ кустарникомъ, напоминающимъ алеандры; колючей ажиной, съ красными незрѣлыми ягодами; и еще какой-то выщущейся, колючей травой.

Лѣсь мѣстами такой же тѣнистый, столѣтній пихтовый боръ,

XVI.

Утромъ.—Подъемъ на гору.

Желаніе о. Сергія исполнилось: утро было прекрасное. Ни облачка на небѣ. Утренний воздухъ свѣжъ, пріятно вздрагиваешь отъ него, и чувствуешь во всемъ тѣлѣ молодость и бодрость. И кругомъ все кажется молодымъ, яркимъ, радостнымъ...

Съ улыбкой встрѣчаетъ меня о. Иванъ. И я вижу въ глазахъ его то же утреннее настроеніе. О. Исаакій положительно помолодѣлъ за ночь! Меньше морщинъ на лицѣ, а въ глазахъ переливается что-то молодое, немного лукавое—такимъ онъ былъ на вѣрное, когда не было у него темной бороды съ бѣлой, какъ серебро, просѣдью...

А о. Сергій точно по воздуху носится! Оказывается, онъ и въ самомъ дѣлѣ предъ отходомъ на гору рѣшилъ угостить насъ «пышками»...

— Пожалуйте... сейчасъ будетъ готово,—на ходу говорить онъ мнѣ и, показывая на небо, весело прибавляетъ: погодку Господь далъ... Вотъ теперь поснимаемъ!..

— Когда это вы успѣли и пышки ужъ приготовить,—удивляюсь я.

— Это не долго... Въ монастырѣ въ пекарнѣ былъ—научился.

О. Сергій исчезаетъ,—а черезъ минуту я снова вижу его въ лѣтней кухнѣ, за кухоннымъ столомъ.

— Онъ рано встаетъ,—говорить о. Иванъ,—въ два часа ночи правила читаетъ. А сегодня послѣ правиль прямо за пышки принялъся.

Пышки о. Сергія удались на славу!

Въ нашихъ мѣстахъ онъ называются лепешками. Круглые,

жакъ около кельи,—мѣстами молодой частый полухвойный, полулиственный.

Въ воздухѣ постоянно смѣняется то одинъ, то другой запахъ. То запахнетъ чѣмъ-то пряяннымъ, напоминающимъ мяту, то смолой, то душистыми сладкими цвѣтами, похожими на теплый

Дорога на горный хребеть.

медъ; то грибами, то влажной, прошлогодней листвой. Но, иногда врѣзается острый, отвратительный запахъ спирта, смѣшанного съ какой-то одуряющей вонью.

— Это черви такие есть,—объясняютъ мнѣ: сейчасъ еще мало ихъ, а осеню бываетъ вздохнуть нельзя. Особенно, если по нечаянности наступить на него. Такъ одуряеть, что голова кружится.

Келья пустынника о. Семена.

Мы нашли нѣсколько такихъ червей: довольно большие, бѣлые—вершка два. Сидѣть на землѣ, неподвижно. Когда до нихъ дотронешься—свертываются.

О. Сергій показываетъ мнѣ громадный, обросшій мохомъ камень, круглый, какъ шаръ.

— Этотъ камень сорвался откуда-то съ вершины, налетѣлъ на пихту, пихта упала и свалила собой другую.

И дѣйствительно тутъ же недалеко лежать двѣ полусгнившихъ пихты.

— Я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ деревья отъ молніи загораются,—говорить о. Сергій,—у насъ на полянѣ обожженная пихта стоитъ—это примнѣ случилось. Гроза была сильная. Громъ не переставая, гремѣлъ... Да вдругъ, какъ ударить,—точно тутъ на полянѣ разорвалось что. И разомъ ослѣпило меня. Смотрю, громадное пламя вспыхнуло—все дерево въ огнѣ. Красиво было смотрѣть.

— Сейчасъ наши дороги разойдутся,—сказалъ о. Иванъ,—это поляна о. Семена. Вы въ гору свернете, а мнѣ надо немного внизъ спуститься, всю гору кругомъ обойти и вонъ на ту вершину подняться: тамъ и живу.

— О. Семенъ дома?—спросилъ я.

— Нѣтъ, онъ съ мѣсяцъ какъ ушелъ—что-то на счетъ воинской повинности надо ему: все-таки огородъ успѣлъ справить—ничего...

Дѣйствительно, огородъ оказался въ полномъ порядкѣ.

— Смотри-ка, о. Сергій,—сказалъ о. Исаакій,—лукъ-то у него лучше нашего. У насъ градомъ побило, а у него ничего.

Нашли нѣсколько спѣлыхъ ягодъ клубники и смородины. Келья была отперта. На террасѣ висѣлъ старый изорванный подрясникъ.

— Ну, вы отдыхайте здѣсь,—проговорилъ о. Иванъ,—а я поскорѣй пойду.

Но и мы долго отдыхать не стали. Надъ горами потянулись рѣдкія, точно синеватый дымъ, облака. О. Сергій уже нѣсколько разъ съ тревогой посматривалъ на небо и теперь торопилъ: какъ бы погода не испортилась, а то и поснимать не удастся.

Ближе къ вершинѣ лѣсь почти исключительно хвойный. Каждый поворотъ открываетъ неожиданный видъ, то на одну, то на другую сторону хребта. Слѣва горы сравнительно не высокія,

возвышаются мягкими холмами, сплошь покрытыми лѣсомъ. Справа видна дальняя снѣжная цѣпь.

Мы всходимъ на небольшую, совершенно ровную площадку, заросшую невысокимъ ельникомъ. Здѣсь устроена скамеечка. О. Сергій и о. Исаакій видѣть ее въ первый разъ.

— Должно быть, о. Семенъ сдѣлалъ,—улыбается о. Сергій:—онъ все тутъ за грибами ходить.

До вершины теперь недалеко. Мы дѣлаемъ послѣднее усилие и безъ передышки входимъ на самую вершину.

шенно одинокой въ этомъ мѣстѣ, пихты. Я не могъ удержаться: перевелъ аппаратъ и снялъ его.

О. Исаакій замѣтилъ все это и засмѣялся.

— Сняли тебя, о. Сергій! — сказалъ онъ.

О. Сергій только руками всплеснулъ.

XVII.

На горномъ хребтѣ.

Холодный вѣтеръ рѣзко ударяетъ въ лицо. Бѣлая цѣпь горъ, освѣщенная солнцемъ, слѣпить глаза. Внизу, на страшной глубинѣ, открывается вся долина по р. Кодоръ, съ едва видными домиками поселенцевъ и сѣрѣющей нитью шоссе. Духъ захватываетъ смотрѣть туда, внизъ. И кажется, что вѣтеръ, вырвавшись изъ-за горъ, подхватить и унесеть съ собой...

Нѣсколько мгновеній мы стоимъ молча. Я чувствую, что на глазахъ выступаютъ слезы—можетъ быть отъ вѣтра, можетъ быть отъ яркаго солнечнаго свѣта, а можетъ быть отъ непередаваемаго лучезарнаго чувства, расширяющаго душу...

— Господи,—говорить о. Сергій,—хорошо-то какъ!

Но его огорчаетъ, что облака все больше застилаютъ вершины горъ—и помѣшаютъ снимать.

Стоять холодно. Мы идемъ по тропѣ вдоль хребта. Часто останавливаемся, и, несмотря на облака, снимаемъ горы.

— Вотъ эта вершина называется гора Хутыа,—показываетъ мнѣ рукой о. Сергій,—снимите ее, очень красиво выйдетъ.

— Нѣтъ, о. Сергій, выйдетъ не очень хорошо,—облака мѣшаютъ.

— Все-таки снимите...

По обрыву ростутъ ели и пихта. Намъ видны только вершины ихъ. Выбираемъ прогалины между деревьевъ. Останавливаемся и смотримъ, какъ въ раму на долину и горы.

На одной изъ такихъ остановокъ я долго ждалъ, что бы пришли облака—хотѣлось снять горы. О. Сергій, опервшись на палку, задумался. Онъ стоялъ на упавшемъ пнѣ, около большой, совер-

Гора Хутыа.

— А я думалъ, горы снимаете... жду облака пройдутъ... Какъ же вы это успѣли-то?.. Ахъ искушеніе!..

— И онъ долго потомъ подсмѣивался надъ собой.

О. Исаакій рассказалъ мнѣ, какъ ходили, на одну изъ самыхъ дальнихъ горныхъ цѣпей, пустынники искать удобныхъ для келий мѣстъ.

— О. Трифиллій, да еще два брата ходили туда...

— Это какой о. Трифиллій,—спросилъ я: который не далеко отъ о. Никифора живеть?

— Да—этотъ самый. Вѣдь онъ всѣ горы исходилъ и излазилъ. Вонъ видите выступъ чернѣется, а около него снѣгъ. Такъ вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ стали они подыматься. Снѣгу много было—не разберешь гдѣ гора, гдѣ просто такъ, снѣгъ нависъ. И оборвись они. Покатились прямо въ пропасть. Одинъ ногу сломалъ. Ну, какъ оттуда нести? Невозможно! Пришлось оставить лежать въ снѣгу. Одинъ дежурилъ около него, другой за пищей сюда ходилъ... Долго болѣлъ, ничего, слава Богу поправился.

Около самой тропы растетъ пихта. Ихъ немного здѣсь на вершинѣ. Въ глаза бросается, вырѣзанный на гладкомъ стволѣ крестъ.

— Это о. Трифиллій вырѣзаль,—говорить о. Исаакій.

— Вы слышали, о. Исаакій,—онъ хочетъ уходить изъ своей кельи,—сказалъ я.

— Да, слышалъ. Мѣшаютъ! Онъ давно безмолвія ищетъ. Хорошей жизни человѣкъ. И простой. Не знаю, найдеть ли удобное мѣсто.

Тропа чѣмъ дальше,—тѣмъ гуще заросла цѣпкой травой. О. Сергій идетъ впереди насъ и палкой бѣть по травѣ, то направо, то налево.

Я долго не могу понять—зачѣмъ онъ это дѣлаетъ: шалить, точно маленькой! Но шалость совершенно не идетъ къ о. Сергію.

Оказывается, это онъ расчищаетъ дорогу мнѣ и о. Исаакію!

О. Исаакій окликаетъ его:

— Не пора ли спускаться, о. Сергій?

— Да, пожалуй. Теперь тропа пойдетъ густымъ лѣсомъ. Горъ все равно видно не будетъ.

— Значитъ, той же дорогой назадъ итти?—спрашиваю я.

— Нѣть, зачѣмъ же—говорить о. Сергій,—этакъ не интересно. Будемъ спускаться по новой дорогѣ, прямо здѣсь и пройдемъ косогоромъ. Земля мягкая, камней нѣть. Хоть оно и покруче немножко, а итти легче.

Послѣдній разъ смотримъ мы на снѣжныя горы въ узкій про свѣтъ между двухъ пихтъ и начинаемъ спускаться внизъ.

Косогоръ, дѣйствительно, совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, по которому мы подымались на гору: тамъ были мѣстами мелкіе камни, мѣстами заросли ожини и цѣпкой травы. Здѣсь земля мягкая,

какъ пухъ, трава высокая, но тоже какая-то мягкая, съ широкими бархатистыми листьями. Довольно круто, но нога тонетъ въ мягкой землѣ, не скользить и итти совсѣмъ не трудно.

О. Сергій показываетъ мнѣ на глубокую яму у корня пихты:

— Это Мишкина келья.

— Много здѣсь медвѣдей?

Сиѣговой хребетъ.

— Очень много. Мы ихъ постоянно видимъ.

— Не боитесь?

— Ну, конечно, нѣть! Мишка добрый: только поѣсть любить. Особенно лакомъ до кукурузы.

— Я разъ очень близко съ медвѣдемъ встрѣтился,—говорить о. Исаакій,—иду какъ-то и вотъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ, помните, гдѣ круты подъемъ, пониже о. Веніамина, слышу в. свинцікій.

кто-то идетъ на встрѣчу. Я снизу шелъ. Всматриваюсь вверхъ, въ гору—мѣдвѣдь! Увидалъ меня—остановился. Я тоже остановился и кричу:

— Мишка, куда идешь, давай дорогу!

Послушался: постояль, постояль и побѣжалъ въ лѣсъ.

Жить имъ привольно здѣсь—ягодъ много. Никто не пугаетъ.

О. Сергій нашелъ нѣсколько бѣлыхъ грибовъ. Срываю ихъ, все приговаривалъ:

— Соусъ какой сдѣлаю! Съ картофелемъ... вкусно будетъ. Попробуете нашего рукодѣлья!

— А мало ихъ что-то у васъ.

— Да, мало почему-то. Вотъ около о. Трифиллія больше. Онъ собираетъ, сушить,—любитель!

Спускаться дѣлается довольно трудно: опять начались камни и колючая трава. О. Сергій то быстро идетъ впередъ и опять, какъ на вершинѣ, расчищаетъ дорогу, то подходитъ сбоку и въ самую критическую минуту удивительно ловко задерживаетъ мою ногу, сѣзжающую внизъ, своею ногой...

Но вотъ и знакомая поляна. Мы опять вышли къ кельѣ о. Семена, хотя и другой дорогой. Отдыхаемъ немного. О. Сергій и о. Исаакій любуются на огородъ, который почему-то меньше пострадалъ отъ града, чѣмъ у нихъ.

Отъ кельи о. Семена мы опять идемъ новой дорогой. Я все время чувствую себя, какъ будто бы возвращаюсь въ свой постоянный домъ. И, когда вспоминаю, что завтра утромъ мнѣ предстоитъ уйти отсюда, чтобы никогда не вернуться въ эти мѣста, дѣлается какъ-то странно, точно не можешь опредѣлить,—что же на самомъ дѣлѣ: то ли, что здѣсь мой домъ, или то, что я завтра уйду?

— Скоро будемъ дома,—говорить о. Сергій.

— Мнѣ хочется поскорѣй домой.

— Устали?—спрашиваетъ о. Исаакій, пріостанавливаясь.

— Нѣть, не усталъ. Просто такъ. Хочется посидѣть дома...

Мы выходимъ на нашу поляну съ другой стороны, и я до самого послѣдняго момента не узнаю дороги. Лѣсъ обрывается, и прямо передъ глазами знакомая келья, маленькая терраска, маленькая «лѣтняя кухня» въ сторонкѣ, а за кельей высокія, высокія, издали еще болѣе величественные пихты.

Я обрадовался до смѣшного. Точно долгіе годы не былъ въ родномъ домѣ и теперь вернулся...

О. Сергій сразу становится хлопотливымъ хозяиномъ. Онъ уже поглощенъ, видимо, вопросомъ, какъ лучше приготовить намъ то-то и то-то... Торопится. На много опережаетъ насъ. И когда мы съ о. Исаакіемъ подходимъ къ кельѣ—онъ уже съ ведромъ въ рукахъ идетъ къ колодцу.

Спѣговая гора.

Почти въ одно время съ нами возвратился и о. Иванъ.

— Ну, что, какъ у тебя?—спрашиваетъ его о. Исаакій.

— Ничего, все благополучно—слава Богу.

— А почему такъ долго ходилъ?

— Мука подмокла. Просѣялъ ее, просушилъ. Жирана видѣлъ,—обратился онъ ко мнѣ: только !далеко—стрѣлой про-

мчался. А то однажды удивительно было: на полянѣ у меня жиранъ пасся, близко—воть, какъ до кельи. Животное пугливое—прямо таки удивился я тогда. Выхожу какъ-то на терраску: смотрю на полянѣ жиранъ. Я стою не двигаюсь. Онъ ничего: подходитъ все ближе, ближе... Посмотритъ на меня, прислушается—я стою, не шевелясь. Опять ничего—ѣсть себѣ траву... Долго я на него любовался. Ну, а какъ шевельнулся я—онъ въ лѣсъ, какъ вѣтеръ, и глазомъ моргнуть не успѣлъ.

Вышелъ изъ кельи о. Сергій.

— А, о. Иванъ! Вернулся. Ничего, благополучно? Пойдемъ стряпать!

— Пойдемъ, теперь послѣ путешествія хорошо подкрѣпить
— Соусъ изъ бѣлыхъ грибовъ сдѣлаемъ.
— Да ну! Неушто нашли?
— Нашли! Вотъ посмотрите, какой соусъ выйдетъ!
— А вы пока отдохните,—сказалъ мнѣ о. Ісаакій.

Я пошелъ къ себѣ.

И снова, входя въ маленькую комнатку, безъ стола и стульевъ, съ узенькой койкой, на которой лежалъ изорванный «кусокъ» одѣяла, а на стѣнѣ висѣла картина, изображающая старика и женщину съ распущенными волосами, стрѣляющую въ него изъ лука,—я опять почувствовалъ странное ощущеніе, точно я вхожу въ «свою» комнату, въ которой всегда жиль и всегда буду жить...

Келья о. Ісаакія и о. Сергія.

XVIII.

Разбойники.

Вечеромъ мы опять сидѣли около кельи и опять разговаривали до поздней ночи.

Но теперь разговоръ нашъ былъ о другомъ: мнѣ рассказывали о разбойникахъ.

Разбойники нападали нѣсколько разъ и на о. Сергія и на о. Ісаакія. Рассказывали они объ этомъ опять таки совсѣмъ не такъ, какъ о. Никифоръ.

Тамъ «разбойники» окружены были тѣмъ же мистическимъ свѣтомъ, что и вся личность о. Никифора. Онъ чувствовалъ ихъ приближеніе. Они являлись, какъ бы орудіемъ бѣсовъ, искушавшихъ его. Они были нестолько «разбойниками»—сколько «искушеніемъ»—однимъ изъ внутреннихъ препятствій на пути его спасенія.

Здѣсь подвижники были другіе—другіе были и разбойники. И о. Ісаакій и о. Сергій говорили объ нихъ безъ тѣни злобы, съ удивительно милымъ добродушіемъ. Почти съ юморомъ. Въ рассказахъ этихъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражалось много смиренія и истинно-христіанского отношенія къ злу,—но разбойники ихъ были простые «опредѣленные» люди, внушающіе страхъ тоже не «мистической», а самый простой «общечеловѣческой» страхъ.

У о. Никифора—это бѣсы въ костюмѣ разбойниковъ. Здѣсь самые настоящіе мингрѣлы съ револьверами, кинжалами и винтовками.

— Одинъ разъ онъ такъ напугалъ, что убѣжалъ отъ нихъ,—подсмѣивается о. Ісаакій надъ о. Сергіемъ.

— Я не испугался,—говорить о. Сергій,—я думалъ такъ лучше будетъ... О. Ісаакій въ кельѣ былъ, а я вонъ на томъ концѣ

поляны. Вижу, схватили они его. Какъ думаю быть? спрячусь думаю: одного-то скорѣй отпустятъ. Вотъ, когда первый разъ пришли, вѣрно—испугался... Безъ привычки! Какъ схватили они меня, приставили револьверъ къ груди: «деньги!»—кричатъ. Я весь дрожу: и руки трясутся, и ноги трясутся—зубъ на зубъ не попадаетъ—право! И главное сдѣлать-то съ собой ничего не могу. Трясуся и трясусь... Денегъ, конечно, не было. Перерыли всю келью: даже на подлавку слазили! Сапоги, чашки, ложки,—все на чисто взяли... Ушли они—а я все въ себя притти не могу, точно въ лихорадкѣ ознообъ сдѣлался...

— А у васъ, о. Иванъ, бывали разбойники?

— Какъ же! Одинъ разъ пять рублей взяли—да еще чужихъ! Дали мнѣ эти деньги въ монастырѣ, передать одному брату пустыннику. Передать-то я еще не успѣлъ, а они, какъ разъ и пожаловали. Первымъ дѣломъ, конечно, деньги! Это у нихъ всегда первое слово. Деньги спрятаны хорошо были. Можетъ быть и не нашли бы ихъ. Только подумалъ, подумаль я—нѣтъ, все-равно отдамъ! Пошелъ въ келью—досталъ пять рублей и отдалъ.

— А ты расскажи, о. Сергій, какъ разбойникъ тебѣ сапоги вернулъ,—сказалъ о. Ісаакій.

О. Сергій засмѣялся.

— Да, да—вотъ какой разбойникъ хорошій попался! Дѣло такъ было. Пришли какъ-то разбойники. Всѣ вооруженные: винтовки, револьверы, кинжалы. Я на молитвѣ стоялъ. Вывели меня изъ кельи, а сами начали шарить. Все обыскали. До послѣдней тряпки въ мѣшокъ къ себѣ поклали. Были у меня сапоги—и тѣ взяли. Осталось только то, что на себѣ: подрясникъ, да скучейка. А нога у меня тогда болѣла. Я и говорю одному изъ нихъ:

— Отдай мнѣ сапоги назадъ.

Взялъ завернуль вотъ такъ и показываю ему ногу:

— Видишь, говорю, нога у меня болитъ, мнѣ никакъ безъ сапогъ нельзя.

— Хорошо, хорошо,—говорить.

Пошелъ къ мѣшку, досталъ сапоги—принесъ:

— На, говорить, носи!

Ужъ не знаю, что это съ нимъ сдѣлалось...

— Помните, въ Драндскомъ монастырѣ монахъ къ вамъ приходилъ?—обратился ко мнѣ о. Иванъ.

— Какъ же, конечно помню, о. Нафанаиль?

— Да, да! Вѣдь онъ немнога жилъ у нась: и какъ разъ на разбойниковъ попалъ.

И почему-то всѣ при этомъ воспоминаніи улыбнулись.

О. Исаакій сталъ рассказывать:

— Были у нась разбойники. Все, что только можно было, забрали и ушли. Мы думаемъ, надо о. Веніамина предупредить. Поскорѣй собрались—и чуть ни бѣгомъ къ нему! Приходимъ, а они ужъ тамъ! Раньше нашего пришли: въ гостяхъ у о. Веніамина сидятъ. Крикъ такой, бѣда! Деньги давай... Грозятся. И о. Нафанаилъ тутъ. На немъ золотыя очки были. Схватилъ онъ эти очки подаетъ разбойнику:

— Возьми,—говорить,—это самое цѣнное, что у нась есть.

Не взяли! «Намъ, говорять, очковъ не надо. Намъ деньги надо». Чудаки!

— А то еще вотъ искушеніе-то,—покачаль головой о. Сергій— это въ первый же разъ было, когда я сильно напугался-то. Мучили они меня, мучили угрозами своими. И кинжалъ къ горлу приставляли и револьверомъ грозили, все деньги требовали. Я бы и радъ дать, чтобы отпустили поскорѣй—да денегъ никакихъ нѣть. И вотъ одинъ присталъ:

— Покажи, гдѣ товарищи живутъ!

— Ну, нѣть,—говорю,—никакихъ товарищей показывать я вамъ не стану,—если надо вамъ, сами ищите!

И вѣдь вотъ: не то плохо, что вещи всѣ забираютъ, а самое это устрашеніе. Не бывать ничего,—а страхомъ истерзаютъ всего. Такъ живешь, думаешь смерти не боишься. А тутъ видишь: не хочется еще умирать, страшно... Бѣда съ этими разбойниками. Боже сохрани!

О. Исаакій сказалъ:

— Я недавно объѣздчика видѣлъ: теперь, говорить, разбойники не будуть васъ трогать—можете не беспокоиться. Не знаю, почему такъ сказалъ.

— А потому—увѣренно проговорилъ о. Иванъ,—что въ Сочинскомъ округѣ недавно разбойниковъ у пастуховъ нашли и воспретили имъ за это на горахъ пасти скотъ. Жилъ тамъ горный инженеръ, или землемѣръ—не знаю кто. Только что жилъ въ горахъ и лѣсь измѣрялъ. Разбойники ограбили его и убили. Черезъ нѣкоторое время этихъ разбойниковъ нашли въ горахъ у пастуховъ. Теперь казна и не даетъ пастбища и негдѣ

имъ скотъ пасти. Вотъ они и боятся... Вѣдь всѣ эти разбойники или сами пастухи, или живутъ съ пастухами.

— Можетъ быть и такъ,—согласился о. Исаакій.

— А все-таки,—сказалъ о. Иванъ:—хорошо и то, что разбойники къ намъ приходятъ. Пустыня больше всего тѣмъ и хороша, что нигдѣ такъ не чувствуешь промыселъ Божій, какъ здѣсь. Въ міру на то надѣешься, на другое надѣешься—на себя, на знакомыхъ, на деньги, на поліцію, на сторожей—рѣшительно на все... А здѣсь одинъ. И прямо передъ Богомъ. И ни на кого, какъ на Бога, надѣяться не приходится.

— Въ пустынѣ жить и трудно, и хорошо,—своимъ задумчивымъ тономъ сказалъ о. Исаакій:—сначала кажется, что никакого смысла нѣть одному жить, на горѣ, съ дикими звѣрями... а какъ поживешь подольше, такъ и видишь, что только тутъ и открывается настоящій смыслъ жизни... потому что въ Богѣ онъ, а не въ мірскихъ заботахъ... Я вотъ радъ, что Господь болѣзнь посыпаетъ... Ближе къ концу. Слава тебѣ Господи.

Стало совсѣмъ темно. И опять, какъ наканунѣ, всталъ о. Исаакій и сказалъ:

— Пойдемте—помолимся. А потомъ отдыхайте. Завтра вамъ дорога дальняя, надо, какъ слѣдуетъ отдохнуть. А то можетъ быть погостите?—съ полуулыбкой спросилъ онъ.

— Нѣть, не могу.

— Пойдемте—помолимся,—повторилъ о. Исаакій.

Это былъ послѣдній мой вечеръ на Брамбскихъ горахъ.

XIX.

Послѣдній день.

Утромъ, передъ отходомъ, я пошелъ погулять по расчищенной о. Сергиемъ дорогѣ. За два дня, проведенныхъ здѣсь—я полюбиль это мѣсто. Хотѣлось попрощаться съ нимъ. Прошелъ нѣсколько разъ. Мягкая тѣнь ложилась отъ стволовъ на дорогу. Душистый, теплый воздухъ переливался на солнцѣ. И откуда то издали, точно съ неба, звучалъ дальний говоръ вершинъ пихтоваго бора.

На встрѣчу мнѣ шелъ о. Исаакій. Босой, неторопливой походкой, какъ всегда спокойный, серьезный...

Онъ подошелъ ко мнѣ и сразу началъ съ вопроса, о которомъ, очевидно, только что думаль.

— Бывали ли у васъ въ жизни минуты исключительной, необыкновенной радости?

Вопросъ былъ для меня нѣсколько неожиданный, но я сейчасъ же вспомнилъ одинъ случай изъ своей жизни и рассказалъ его.

— Такими воспоминаніями надо особенно дорожить,—сказалъ о. Исаакій:—бываетъ въ жизни очень тяжело, унываешь, все кажется сѣрымъ, ненужнымъ. Въ отчаяніе готовъ впасть, наконецъ. Но въ самую трудную минуту, посыпаетъ Господь такую радость, что разомъ все она озарить въ душѣ! И цѣлая полоса жизни—и прошлая, и будущая—надолго впередъ наполняется духомъ живымъ. Такая радость не отъ житейскихъ удачъ бываетъ—ее Господь посыпаетъ по благодати.

Немного прошли молча.

— А я опять хочу уговаривать васъ остаться,—сказалъ о. Исаакій, улыбаясь одними морщинками около глазъ.

— Нѣть, не могу, я и такъ запоздалъ...

— Вы думаете погостить оставаться? Нѣть! Совсѣмъ оставайтесь.

— То есть, какъ это? Совсѣмъ оставаться здѣсь жить?

— Ну, да, оставаться жить съ нами,—серьезно сказалъ о. Исаакій. |

— Что вы, о. Исаакій!

— А почему бы вамъ не остаться?

— Да, во-первыхъ, я не могу этого сдѣлать... по многимъ причинамъ... А главное—не хочу.

— Почему не можете, и почему не хотите?—продолжалъ настойчиво спрашивать о. Исаакій.

— Не могу и по внѣшнимъ причинамъ, которыя для васъ не интересны, и по внутреннимъ: у меня нѣть ни достаточной вѣры, ни силъ, ни подготовки для такой жизни. А почему не хочу? Отчасти я уже говорилъ вамъ объ этомъ—я не чувствую въ «мірской жизни» ничего гибельного. Если я дѣлаю что-либо дурное—всегда виноватъ самъ, а вовсе не «мірская жизнь». И пока, по крайней мѣрѣ, я вижу опредѣленную возможность жить въ міру полной, осмысленной, хорошей жизнью. Зачѣмъ же мнѣ бѣжать отъ міра, отъ тѣхъ людей, которыхъ я люблю, отъ той дѣятельности, къ которой чувствую призваніе? И куда бѣжать? Бѣжать туда, гдѣ жизнь сама по себѣ, несомнѣнно, въ своемъ родѣ прекрасна, но мнѣ совершенно недоступна.

Все, что я говорилъ о. Исаакію, было моимъ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ. Но къ удивленію моему, мои слова не произвели на него рѣшительно никакого дѣйствія.

Такъ же спокойно и увѣренно онъ повторилъ:

— А все-таки оставайтесь жить съ нами. Здѣсь есть удобные поляны, лѣсу сколько угодно. Келью построить недолго. У насъ хорошо, тихо... Никого нѣть. Птицы да звѣри. Не спѣша, понемножку, съ Божьей помощью, все у васъ наладится. Повѣрьте мнѣ—оставайтесь.

И теперь слова его уже не казались мнѣ такими несообразными. Я сказалъ:

— Сейчасъ это во всякомъ случаѣ невозможно. А за будущее, конечно, никто поручиться не можетъ.

О. Иванъ вышелъ изъ кельи, посмотрѣть гдѣ мы. Пора было итти.

— Пріѣзжайте къ намъ на будущій годъ, поживите подольше. Войдите въ нашу жизнь. многое тогда рѣшите по иному.

— Чай готовъ, пожалуйте!—крикнулъ о. Иванъ, увидавъ насъ.

— Сейчасъ идемъ,—отозвался о. Исаакій.

И вотъ опять мы на маленькой знакомой терраскѣ, за маленькимъ столикомъ, и мой край—въ знакъ трогательного вниманія къ гостю—покрытъ старенькимъ-старенькимъ полотенцемъ. На тарелкѣ горкой наложены вчерашнія пышки, разставлены стаканы, а чайникъ, чтобы не занимать мѣста на столѣ, стоитъ на перилахъ.

Читаемъ молитву.

О. Исаакій дѣлаетъ заключительный взглазъ:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусъ Христъ, Боже нашъ, помилуй насъ.

И мы садимся.

Я уже чувствую приступъ той особенной грусти, которая бываетъ передъ отѣзdomъ въ дальнюю дорогу, особенно, когда почти навѣрное знаешь, что назадъ не вернешься никогда.

О. Сергій такъ нѣжно, заботливо угощаетъ, что нѣтъ силъ отказаться и не взять холодной «пышки», хотя совсѣмъ не до Ѣды. О. Иванъ дѣлаетъ надъ собой усилие и хочетъ, по обыкновенію, подбодрить всѣхъ:

— Что же это мы какіе печальные,—говорить онъ: не на вѣки-вѣчные прощаемся. На будущее лѣто, какъ захочется вамъ на дачу Ѣхать, вспомните о насъ и пріѣзжайте, все равно, какъ на дачу. Лѣсь у насъ хороший. Воздухъ здоровый. Стряпать о. Сергій будетъ соуса, да пышки...

Онъ хочетъ улыбнуться, но я вижу, что и ему грустно.

О. Исаакій молчитъ. Смотритъ куда-то далеко, въ лѣсь и о чёмъ-то думаетъ.

О. Сергій по своему тоже старается вывести всѣхъ изъ грустнаго настроенія. Онъ начинаетъ говорить о хозяйственной сторонѣ нашего путешествія.

— Ты, о. Иванъ, пойдешь провожать до дилижанса?—спрашиваетъ онъ.

— Да, да, обязательно. Провожу до Цебельды. Посажу на дилижансъ, тогда ужъ буду спокоенъ, что все благополучно.

— Пышекъ съ собой возьмите, а то хорошаго хлѣба во всю

дорогу не достанете. Потомъ надо бы палку взять съ желѣзнымъ наконечникомъ—легче спускаться будетъ.

— Ничего, сойдемъ хорошо. Ты вѣдь съ горы тоже проводишь?

— Конечно провожу.

— Ну, вотъ вдвоемъ и спустимъ ихъ.

— Намъ надо еще къ о. Веніамину зайти,—говорю я:—во-первыхъ, попрощаться, а потомъ я крестъ да ложечки у него оставилъ.

— Это по пути,—прервалъ свое молчаніе о. Исаакій:—мы захватимъ его съ собой—проводимъ васъ до крутого спуска. А о. Сергій пойдетъ дальше.

Торопимся кончить чай, чтобъ поскрѣй итти. Вещи почти всѣ уложены, осталось только нужное для чая—наша посуда, чайникъ, ложки, ножи...

Пока о. Исаакій и о. Сергій надѣваютъ сапоги «въ дорогу», о. Иванъ аккуратно укладываетъ все въ свою сумку, прилагиваетъ ее на спину, приносить мнѣ палку съ острымъ концомъ. И, наконецъ, всѣ мы готовы и движемся въ путь.

Послѣдній разъ смотрю я на поляну и сейчасъ она стоять передъ моими глазами именно такой, какъ запомнилъ я ее въ ту минуту, передъ нашимъ уходомъ: и келья съ низкой крышей, и грядка высокаго гороха, и смѣшная, маленькая лѣтняя кухня, и кривое окошечко изъ той комнаты, где я спалъ, и высокая трава въ концѣ не раздѣланной части поляны, и темная, почти черная опушка лѣса, и корявое, обожженое молніей дерево, и прозрачная даль снѣжныхъ горъ...

Входимъ въ лѣсъ. Поляны больше не видно. Но шумъ пихть все тотъ же, и влажныя нити мха висятъ все такъ же, какъ и на опушкѣ. Эта лѣсь неразрывная часть какой-то невидимой большой кельи и какъ бы далеко мы ни ушли, все время будетъ казаться, что вотъ сейчасъ, за этими деревьями, откроется поляна съ грядкой высокаго гороха и кельей о. Сергія.

О. Сергій идетъ впереди меня, худенький, съ мочальными волосами. Спина его согнута. Ноги тяжело переступаютъ въ не-помѣрно большихъ сапогахъ. Сзади меня о. Исаакій. А всѣхъ впереди сильный, широкоплечій о. Иванъ.

Мы идемъ по узкой тропѣ. Травы почти нѣтъ. Но роса такая сильная, что ноги все-таки чувствуютъ сырость и по тѣлу нѣтъ—нѣтъ пробѣгаєтъ холодная дрожь.

Понемногу тяжелое настроение разсасывается. Мы вспоминаемъ, какъ шли по этой дорогѣ отъ о. Веніамина. Смѣемся надъ Иларіоновскимъ «членомъ Государственной Думы», надъ переполохомъ отъ фотографического аппарата, и надъ о. Константиномъ, испугавшимся за свои «драники».

Совсѣмъ не похоже, что меня «проводятъ»,—просто «гуляемъ» по лѣсу. Утро свѣжее, но ясное, веселое. Почему не пройтись до о. Веніамина, а потомъ вернуться назадъ «домой», въ келью съ узенькой койкой, и старикомъ-подвижникомъ на стѣнѣ.

Утрення тѣни въ лѣсу становятся отчетливѣе, темнѣе:—это солнце ударило изъ-за горъ по вершинамъ деревьевъ. И когда мы выходимъ къ кельѣ о. Веніамина—весь лѣсъ сверху обведенъ огненной лентой.

Дверь въ келью о. Веніамина закрыта.

— Неужели спить?—удивляется о. Иванъ.

Входить на террасу, снимаетъ съ плечь сумку и громко произносить:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусъ Христѣ, Боже нашъ, помилуй насть.

Не сразу изъ кельи раздается:

— Аминъ.

И низко нагнувшись, чтобы не задѣть косякъ головой, показывается фигура о. Веніамина.

Лицо заспанное, самъ большой, мохнатый. Видимо, мы разбудили его.

— Неужто спалъ?—удивляется и о. Сергій.

— Да я всталъ-то давно, правила прочель. Усталъ. Прилегъ да и заснулъ.

Онъ щурится отъ яркаго свѣта, и смущенно улыбается.

— Здравствуйте, о Веніаминъ,—говорю я.

О. Веніаминъ не слышитъ и вскоре приглаживаетъ бороду и волосы.

— О. Веніаминъ, съ тобой здороваются!

О. Веніаминъ быстро протягиваетъ мнѣ руку. И все также смущенно улыбаясь и щурясь заспанными глазами, говоритъ:

— Я думалъ сначала помолимся.

Мы идемъ въ келью. О. Веніаминъ встаетъ за аналой и начинаетъ читать.

Послѣ молитвы еще разъ здоровается со мной. Неумѣло и неуклюже трясеть за руку. Здороваются и со всѣми остальными.

— Я къ вамъ попрощаться, о. Веніаминъ,—говорю я:—и подарки ваши захватить.

— Они готовы ужъ, завернуты, я ждалъ васъ.

Онъ достаетъ ихъ изъ-подъ аналоя.

— А къ тебѣ у меня просьба,—обращается онъ къ о. Ивану:—неси, пожалуйста, на обратномъ пути о. Никифору липовый цвѣтъ.

— Вы что же лечитесь липовымъ цвѣтомъ?—спрашиваю я.

— А какъ же! Чуть простудишься, грудь заложить, сейчасъ липовый цвѣтъ. Это у насъ первое лекарство, очень хорошо помогаетъ.

О. Иванъ укладываетъ все въ свою сумку, снова надѣваетъ ее на плечи, и мы отправляемся дальше.

Солнце совсѣмъ вышло изъ-за горъ и вмѣстѣ съ высыхающей росой отъ земли подымается крѣпкій, опьяняющій запахъ...

Мы идемъ съ о. Веніаминомъ рядомъ. Я взглядываю на него и вспоминаю тонкій, бѣлый крестъ его работы.

— Гдѣ это вы такъ хорошо научились рѣзать по дереву?

— На Старомъ Аeonѣ.

— Вы долго жили тамъ?

— Лѣтъ десять.

— А почему же ушли? Вотъ ужъ гдѣ можно было жить въ безмолвії!

— Нѣть, на Старомъ Аeonѣ теперь безмолвія никакъ найти нельзя. Потому и ушелъ. Всюду народъ. А потомъ дорого—средства не позволяютъ.

— Какъ то—есть дорого?

— Надо купить себѣ келью, даже, скажемъ, не купить, а въ аренду снять. Теперь тамъ каждая пещера въ аренду сдается. Хозяева больше греки. За самую плохенькую пещеру заплатишь рублей двѣсти... По монастырскому тамъ жить ничего, хорошо. А кто хочетъ въ пустыню уйти—некуда!

— Какъ же вы сюда-то попали, о. Веніаминъ?

— Какъ попалъ! Пріѣзжали туда монахи съ Нового Аёна, рассказывали, что вотъ тутъ на кавказскихъ горахъ пустынники живутъ, а я ужъ давно въ мысляхъ имѣлъ, какъ бы уйти

въ безмолвіе. Подумалъ, подумалъ—взяль да и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ Россію—даже къ роднымъ не зашелъ: прямо сюда.

— Думаете и дальше здѣсь жить?

— Какъ Богу будетъ угодно. Жить хорошо. Если бы своя церковь—лучшаго не надо.

Мы дошли до того мѣста, гдѣ два дня назадъ о. Веніаминъ поклонился мнѣ земнымъ поклономъ. Даже трава все еще примиата была на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли съ нимъ. Спускаемся по узкой дорогѣ, по которой такъ тяжело было итти послѣ ссоры съ о. Веніаминомъ. А вотъ и то мѣсто, гдѣ отдыхали мы, послѣ крутого подъема, гдѣ о. Веніаминъ обратился ко мнѣ съ своей просьбой.

Останавливаемся. О. Веніаминъ и о. Ісаакій дальше провожать не пойдутъ.

О. Ісаакій говорить мнѣ:

— Если у васъ будетъ когда-нибудь душевное затрудненіе, напишите намъ: одному иногда трудно бываетъ разобраться. Мы общими силами, вмѣстѣ съ вами сдѣлаемъ это. А еще лучше пріѣзжайте сюда сами.

Онъ беретъ меня за обѣ руки и крѣпко жметъ ихъ своими маленькими холодными руками, въ одной изъ нихъ я чувствую четки.

О. Веніаминъ очень разстроенъ. Онъ молча обхватываетъ мои плечи, цѣлуетъ меня такъ же, какъ тогда, когда мы мирились съ нимъ, и повышеннымъ тономъ, почти съ паѳосомъ говорить:

— Пусть эти братскіе поцѣлуи будутъ... какъ бы залогомъ... потому что мы полюбили...

Паѳосъ его недѣланый, а торжественные фразы отъ того, что онъ много переживаетъ въ эту минуту и чувствуетъ, что слова должны быть какія-то особенные... Но у него ничего не выходитъ, и онъ беспомощно смотритъ на меня и молчаливъ тискаетъ руку...

— Я то же какъ-то сразу полюбиль васъ всѣхъ,—говорю я:— и никогда васъ не забуду. Спасибо вамъ за все.

— Мы убогіе люди, немощные,—с совсѣмъ растроганно говорить о. Веніаминъ:—простите нашу худобу. А если видѣли что хорошее, это не наше, это отъ Господа...

— Прощайте!

— Прощайте,—говорятъ въ разъ о. Ісаакій и о. Веніаминъ.

И въ послѣдній разъ кланяются намъ пояснымъ поклономъ.

Мы начинаемъ спускаться по самому крутому склону. Идемъ въ такомъ порядкѣ: о. Иванъ, потомъ я, сзади меня о. Сергій. Впрочемъ, нельзя сказать, что онъ идетъ сзади. Онъ все время мѣняетъ мѣсто—то заходить съ одного бока, то съ другого, то идти впереди, все это въ зависимости отъ того, съ какой стороны надо оказывать мнѣ помощь. Одинъ я рѣшительно не могъ бы сойти съ этой горы. Мѣстами меня очень осторожно спускаютъ на рукахъ: о. Иванъ подставляетъ спину, я держусь за нее обѣими руками, а о. Сергій одной рукой поддерживаетъ за поясъ, другой за локоть, и я едва касаюсь ногами отвесной скалы, по которой идетъ спускъ. Больше всего удивляетъ меня о. Сергій. Въ такихъ сапогахъ, которые хуже пудовыхъ веригъ и онъ на этихъ скалахъ, уступахъ, почти отвесныхъ обрывахъ, чувствуетъ себя точно на городской мостовой.

Первый разъ мы рѣшились отдохнуть въ томъ самомъ оврагѣ, гдѣ съ о. Иваномъ встрѣтили о. Веніамина съ о. Константиномъ.

— Ну, спасибо, о. Сергій, что проводилъ насъ,—говорить о. Иванъ:—теперь иди домой, трудную дорогу прошли.

Въ это время, гдѣ-то внизу, въ горахъ раздается выстрѣлъ.

— Нѣть, ужъ я провожу васъ до рѣки... Вонъ и стрѣляютъ... Все буду думать: не случилось ли что. Провожу до ровной дороги, тогда ужъ пойду спокойно...

Идемъ дальше. Послѣдній не высокій подъемъ въ гору. Поляна. И наконецъ не крутой спускъ, по которому трудно было всходить и такъ легко теперь итти подъ гору.

Меня пустили итти впередъ:

— Чтобы, какъ захотите такъ и итти, поскорѣй или потише,—объяснилъ мнѣ о. Иванъ.

Мы идемъ очень быстро. Ноги сами все ускоряютъ и ускоряютъ шагъ, такъ и хочется, какъ бывало въ дѣствѣ, разставить руки крыльями и бѣгомъ «полетѣть» съ горы.

Оглядываюсь назадъ: о. Иванъ идетъ попрежнему своимъ сильнымъ, широкимъ шагомъ, но отсталъ отъ меня довольно далеко. О. Сергій въ «скороходахъ» дѣлаетъ до смѣшного большие шаги, чтобы поспѣть за мной, и то же далеко.

— Лучше пустынниковъ идете!—весело кричитъ мнѣ о. Иванъ.

— Домой скорѣй хочется,—смѣется о. Сергій.

в. свѣтицкий.

Я не замѣтилъ, какъ тропа круто повернула направо, и спустилась прямо къ рѣкѣ.

Я остановился.

— Ну, вотъ и конецъ,—сказалъ о. Сергій, подходя ко мнѣ:— теперь пойдете прямо. Мнѣ, пожалуй, можно и вернуться.

— Конечно, иди, о. Сергій,—сказалъ и о. Иванъ:—теперь дойдемъ хорошо.

— Значить—попрощаемся.

Я протянулъ о. Сергію руку.

Онъ подалъ мнѣ свою мозолистую, съ несгибающимися пальцами. И нѣсколько разъ низко, низко поклонился.

— Прощайте, о. Сергій,—сказалъ я:— дай вамъ Богъ всего хорошаго. Давайте поцѣлуемся.

— Спаси васъ Господи,—сказалъ о. Сергій, очень тихо, почти надъ самимъ моимъ ухомъ.

— Можетъ быть навсегда прощаемся, о. Сергій, не забывайте меня.

О. Сергій еще разъ низко, низко поклонился мнѣ...

Долго шли мы съ о. Иваномъ молча. Всякое прощаніе дѣйствуетъ на душу, какъ-то особенно чувствуется въ немъ скрытое слово: «навсегда» и это заставляетъ сердце биться тревожно...

Но здѣсь было еще и другое.

За нѣсколько дней, проведенныхъ мною у о. Сергія и о. Исаакія, я не только полюбилъ ихъ, но какъ это ни странно—привыкъ къ нимъ.

Я прощался съ ними совершенно такъ же, какъ сталъ бы прощаться, проживши на этой горѣ не два дня, а долгіе годы...

Правда, передо мной не вставали воспоминанія долгихъ лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ, но я ясно чувствовалъ, что кончилась какая-то одна большая и сложная жизнь, и вотъ теперь начнется другая...

XX.

Обратная дорога.

Путешествіе собственно кончилось, и потому итти обратно хотѣлось какъ можно скорѣе.

Мы съ о. Иваномъ рѣшились на довольно смѣлое предпріятіе—дойти сразу до Латы. Тамъ переночевать. Выѣхать рано утромъ, попасть въ Цебельду къ вечернему дилижансу, т. е. чаймъ къ четыремъ дня, чтобы въ тотъ же день къ вечеру я могъ быть въ Сухумѣ.

Спускъ съ горы почти не утомилъ меня, и мнѣ казалось, что тридцать пять верстъ до Филиппа я пройду легко.

Въ духранѣ Чхалда, гдѣ недѣлю назадъ мы встрѣтили сумасшедшаго монаха, было пусто и тихо. Закупили провизіі: сахару, хлѣба и консервовъ. Изъ овощей консервовъ не оказалось—только рыбные.

— Не свѣжіе они у васъ навѣрное,—говорю я хозяину:— отравимся мы съ о. Иваномъ.

— Зачѣмъ травиться? Ручаться можемъ! Если отравишься, приходи, назадъ деньги дадимъ...

— Да, когда помрешь, тогда и разговаривай съ вами.

— Зачѣмъ помрешь? Самъ ъмъ, жена ъсть, дѣти кушаютъ—не помираемъ, а ты помрешь! Самые свѣжіе. Головой ручаться могу.

Пришлось согласиться!..

Мы съ о. Иваномъ рѣшили итти не торопясь, чаще отдыхать, чтобы непремѣнно хватило силъ дойти до Латы сегодня же.

Первый привалъ сдѣлали на берегу рѣки Зимы. И то больше «для порядка», усталости почти не было.

Верстахъ въ десяти отъ Аджарь встрѣтили туриста. Молодой человѣкъ, повидимому студентъ. Лицо красное, потное, измученное. За спиной громадный узелъ, нѣчто въ родѣ подушекъ и матраса!

— Далеко до Клухорскаго перевала?—спросилъ онъ, останавливаясь.

О. Иванъ подумалъ и сказалъ:

— Верстъ пятьдесятъ будетъ. А то и больше.

Измученное лицо экскурсанта вытянулось. Глаза стали круглые и испуганные.

— Какъ пятьдесятъ, что вы говорите!—набросился онъ на о. Ивана, точно тотъ виноватъ былъ, что до перевала такъ далеко: въ путеводителѣ сказано, что Клухорскій переваль на восьмидесятой верстѣ отъ Сухума, я прошелъ семьдесятъ, а вы говорите еще пятьдесятъ!—чуть не плача закончилъ онъ.

— Въ путеводителѣ много ошибокъ должно быть,—сказалъ о. Иванъ:—я ужъ нѣсколько разъ встрѣчу экскурсантовъ, которые вотъ такъ же на какой-то путеводитель ссылаются. Да вы сами разсчитайте: Аджары на восьмидесятой верстѣ отъ Сухума, а отъ Аджаръ до перевала больше дня ходу.

Экскурсантъ стоялъ совершенно ошеломленный. Видъ у него былъ и жалкій, и смѣшной. Видимо, онъ шелъ изъ послѣднихъ силъ, предвкушая близость отдыха и вдругъ почти половина пути впереди.

Чтобы хоть немного утѣшить его, я посовѣтовалъ:

— Дойдите до Аджаръ, а въ Аджарахъ очень удобно переночевать можно, у поселенцевъ: отдохнете, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ...

— Да, придется такъ сдѣлать,—немного успокоиваясь, согласился экскурсантъ, и поправивъ за плечами свои «подушки», поплелся дальше.

Я почувствовалъ усталость только верстъ за шесть до Лать.

И не такъ, какъ всегда. Обыкновенно устаетъ постепенно; сначала заболятъ ступни ногъ, потомъ колѣни, спина, плечи, версты растягиваются, кажутся длинными, длинными. Пересохнетъ во рту. Теряшь способность думать. Тупѣешь. Машинально смотришь на все кругомъ себя. А на этотъ разъ было совсѣмъ иначе. Я сразу почувствовалъ острую слабость во всемъ тѣлѣ и долженъ былъ признаться о. Ивану, что дальше итти не могу.

Онъ неудивился никакъ, спокойно предложилъ:

— Отдохнемте подольше, а тамъ рѣшимъ.

Отдыхали долго. И послѣ отдыха все-таки рѣшили итти!

Я и сейчасъ удивляюсь, какъ дотянулъ тогда оставшіяся шесть верстъ. Шли мы ихъ съ отдыхами около трехъ часовъ. Вошли въ Латы—уже смеркалось. О. Иванъ велъ меня, какъ разслабленнаго. Я почти потерялъ всякое ощущеніе въ ногахъ, онъ двигались сами по себѣ, не сгибаясь, какъ палки.

И вотъ, наконецъ, вошли къ Филиппу во дворъ. Никого нѣтъ. О. Иванъ пошелъ въ избу. Взялъ ключъ отъ «моей» хаты.

— Я васъ устрою поскорѣй,—сказалъ о. Иванъ:—а ужъ потомъ Филиппа найду, онъ вѣрно кукурузу матыжитъ.

Кое-какъ добрель я до знакомой хаты. Не раздѣваясь, какъ былъ, повалился на двухспальну кровать, заваленную подушками, скомкаными одѣялами и какимъ-то тряпьемъ.

Черезъ полчаса пришелъ Филиппъ.

Какъ работалъ въ неподпоясанной рубашкѣ, потный, усталый, но безъ малѣйшей тѣни неудовольствія, или раздраженія на лицѣ,—могло было подумать, что онъ только что занять былъ какимъ-то въ высшей степени пріятнымъ занятіемъ.

Поздоровались.

— Вотъ опять я къ вамъ въ гости.

— Мы очень рады. Слава Богу, благополучно дошли,—улыбнулся Филиппъ.

И сейчасъ же, молча, сталъ убирать комнату. Досталъ изъ сундука какія-то покрывала, спѣланныя изъ кусочковъ матеріи и положилъ ихъ вмѣстѣ простины на постель. Принесъ тазъ съ водой. Приготовилъ переодѣться мнѣ, опять знаменитыя штаны, необычайной конструкціи. Накрылъ на столъ. Досталъ изъ маленькаго столика вишневое варенье и опять принесъ бутылку своей ужасной наливки.

Нѣсколько разъ я заговоривалъ съ нимъ. Онъ отвѣчалъ охотно, привѣтливо, но самъ ни о чѣмъ не разспрашивалъ и вообще лишился не говорилъ.

— Вы кукурузу матыжите?

— Да.

— Я помѣшалъ вамъ; идите, пожалуйста, работать, мнѣ вѣдь не къ спѣху.

— Ничего. Насъ тамъ много.

— Развѣ вы нанимаете кого-нибудь?

— Нѣтъ... Это такъ... Сами пришли ко мнѣ помочь нѣсколько человѣкъ.

— Завтра надо мнѣ лошадь до Цебельды, дадите?

— Отвеземъ, конечно.

И Филиппъ не выдержалъ—подѣлился своей радостью:

— Теперь лошадь у меня съ жеребеночкомъ!

— Давно ли?

— Пока вы ходили на горы, лошадка ожеребилась.

— Хорошій жеребенокъ?

— Маленький!—засмѣялся Филиппъ:—седьмой день ему!...

Теперь я пойду, поработаю. Самоваръ ужъ о. Иванъ принесетъ.

Но я такъ усталъ, что едва стоялъ на ногахъ: не хотѣлось ни пить, ни ъсть.

О. Иванъ скоро принесъ самоваръ.

— Филиппъ спросить велѣль, не зарѣзать ли вамъ курочку?

— Нѣтъ, не надо. А много у Филиппа куръ? Вѣдь это онъ навѣрное послѣднее, что у него есть предлагаетъ.

— Не знаю—сколько куръ. Яицъ много: десятка два въ избѣ видѣлъ.

— А я совсѣмъ боленъ, о. Иванъ; кажется, ни одного мѣста живого нѣть.

— Ничего нѣть удивительнаго. Мы привычные люди и то такой переходъ съ трудомъ дѣлаемъ. Верстъ сорокъ да гора. Легко сказать. А все-таки поѣдемъ завтра?

— Поѣдемъ. Часовъ въ семь попросите Филиппа запречь лошадь.

— Отдохнули бы?

— Нѣтъ, теперь ужъ хочется поскорѣй...

— Ну, какъ лучше,—сказалъ о. Иванъ любимую фразу о. Никифора.

Въ семь часовъ выѣхали мы изъ Латъ.

Маленький, смѣшной жеребеночекъ, на тонкихъ высокихъ ножкахъ жался къ оглоблямъ и рѣшительно не хотѣлъ итти со двора. А мать не соглашалась разстаться съ нимъ и, заслушавъ сзади себя его тревожное ржанье, круто поворачивала телѣгу, почти опрокидывая ее въ самыхъ воротахъ.

Кое-какъ ребятишки Филиппа, подталкивая сзади, вывели

жеребенка на дорогу. Онъ смѣшно брыкалъ обѣими задними ногами. Ребятишки оглядывались на нась и хотели во весь голосъ. Лошадь, увидавъ своего маленькаго за воротами, бойко побѣжалъ по засохшимъ ухабамъ.

Охъ, ужъ этотъ жеребенокъ! Много онъ доставилъ намъ хлопотъ. Почти все время бѣжалъ, прижимаясь къ оглоблямъ,

Дорога около скалъ.

попадалъ подъ колеса. Чтобы сосать мать, подлѣзалъ подъ нее и его приходилось на рукахъ вытаскивать назадъ. Но нѣсколько разъ случалось и хуже. Оказывается, это было первое путешествие его, и онъ боялся рѣшительно всего: встрѣчныхъ людей, выоцененныхъ лошадей, коровъ, свиней, козъ и т. д. Тогда онъ пятился назадъ, жался къ скаламъ и

оглашаль воздухъ пронзительно-тоненъкимъ ржаньемъ. Мать сейчасъ же впадала въ крайнее беспокойство, останавливалась, тоже пятилась назадъ и пыталась повернуть телъгу. Все это происходило на дорогѣ въ два аршина шириной, и на краю совершенно отвѣсныхъ обрывовъ въ пропасть... Филиппъ вынужденъ былъ большую часть дороги итти рядомъ съ телъгой и «подбадривать» жеребенка: онъ дѣлалъ очень просто, браль и на руки и несъ, пока тотъ не «успокоивался»!

Почти всю дорогу ъхали шагомъ. Въ духанѣ около Багатской скалы отдыхали и пили чай. Я уже заранѣе рѣшилъ опасное мѣсто, мимо Багатской, скалы итти пѣшкомъ. О. Иванъ допимѣсто, послѣднія версты восемь до Драндскаго подворья были для меня совершенно новой дорогой. Туда мы шли прямикомъ, теперь ъхали по шоссе.

Вдругъ слышу крики. Оборачиваюсь—около духана два стражника машутъ руками и кричатъ:

— Вернись! Вернись!

Впереди меня шла какая-то женщина съ дѣвочкой. Она тоже остановилась. Я думалъ, что зовутъ ее и пошелъ дальше.

Опять крики:

— Вернись!

Одинъ стражникъ бѣжитъ по дорогѣ. Дожидаюсь. Подбѣгаешь ко мнѣ и, смущенно улыбаясь, говорить:

— Паспортъ!

— Зачѣмъ вамъ паспортъ?

— Велѣли.

Я догадываюсь въ чемъ дѣло, и говорю:

— Вамъ вѣроятно интересно знать кто я такой: такъ это я и безъ паспорта скажу.

Называю свое имя, отчество, фамилію и званіе.

Но любопытный стражникъ не унимается. Приходится итти назадъ, къ вещамъ, развязывать сумку и доставать паспортъ.

Стражникъ почти безграмотный. По складамъ читаетъ крупные, печатныя буквы:

— Без-срочна-я...

Но дальше написано мелко и не разборчиво. Онъ долго смотритъ. Видимо, ничего не можетъ понять. Медленно переворачиваетъ одинъ листокъ за другимъ, передъ каждымъ новымъ чинаятъ слюнивать корявый палецъ и перелистываютъ всю книжку, листомъ слюнивать корявый палецъ и перелистываютъ всю книжку, еще болѣе смущенный, возвращаетъ мнѣ паспортъ назадъ.

— Ну, что же узнали что-нибудь?—смѣюсь я.

Стражникъ тоже улыбается и оправдывается:

— Велять... Хоть генералъ, хоть кто... все равно паспортъ спрашиваемъ.

— Просто любопытство вѣсъ замучило,—говорю я.

И предположеніе мое оказалось вѣрнымъ.

О. Иванъ рассказалъ мнѣ, что когда я пошелъ впередъ, стражники въ духанѣ стали разспрашивать его кто я, куда и зачѣмъ ходилъ. О. Иванъ отвѣтилъ уклончиво, что я изъ Москвы, ходиль къ пустынникамъ, но кто я такой и зачѣмъ это мнѣ—ему неизвѣстно.

Вотъ они и рѣшили обратиться къ паспортной книжкѣ.

Послѣднія версты восемь до Драндскаго подворья были для меня совершенно новой дорогой. Туда мы шли прямикомъ, теперь ъхали по шоссе.

Намъ пришлось проѣзжать одно мѣсто не менѣе жуткое, чѣмъ Багатская скала, хотя и въ другомъ родѣ. Обрывъ не каменистый, а какъ мягкое зеленое покрываетъ спускается на нѣсколько десятковъ сажень. Внизу открывается яркая, ровная поляна.

Филиппъ рассказалъ мнѣ про это мѣсто слѣдующее:

Ъхала одна женщина изъ Драндскаго монастыря. Въ монастырѣ передъ отѣздомъ юродивый говорилъ ей: Мать Варвара, не надѣйся на Лукьянна, помни, гдѣ твоя поляна. А Лукьянъ—зять у нея былъ. Ну вотъ. Поѣхали съ дочерью, а у дочери дѣвочка на рукахъ грудная была... Дѣло было къ вечеру. Лошадь испугалась чего-то, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, да въ сторону, а Варвара съ телѣгой и съ лошадью подъ откосъ. Разбилась на смерть. Вонъ на этой полянѣ и нашли ее мертвую: на куски разорвало всю...

Скоро дорога пошла въ сторону. Не стало видно рѣки Кодоръ. Кончились обрывы. Мы выѣхали изъ лѣсу и потянулись по пыльной дорогѣ, по нестерпимому пеклу.

Эти послѣднія четыре версты ъхать было сущее мученіе.

Нѣсколько разъ обгоняли насъ караваны выоцененныхъ лошадей. Густая пыль протягивалась за ними и неподвижно стояла въ раскаленномъ воздухѣ. Погонщики кричали. Бросали камнями въ передовыхъ лошадей, которыхъ начинали итти медленно и задерживали весь караванъ.

Съ каждой минутой солнце поднималось выше и все сильнѣй

и сильней жгло землю... Дорога въ гору. Щдимъ шагомъ. И некуда убѣжать ни отъ пыли, ни отъ солнца, ни отъ горячаго воздуха, при дыханіи обжигающаго горло...

О. Иванъ давно уже слѣзъ и пошелъ прямикомъ. Филиппъ идетъ сбоку телѣги: теперь уже не для того, чтобы «подбадривать» испуганного жеребенка, а для того, чтобы легче было итти лошади. Изрѣдка онъ подталкиваетъ его ладонью, но теперь потому, что жеребенокъ отстаетъ отъ усталости...

Въѣзжаемъ въ село. Шумно, грязно и отъ каменныхъ домовъ кажется еще жарче.

Насъ встрѣчаетъ о. Иванъ.

— Дилижансъ ушелъ,—говоритъ онъ:—но сейчасъ отходить линейка.

Дѣйствительно, около духана стоитъ восьмимѣстная линейка, набитая пассажирами. Мнѣ отведено довольно удобное мѣсто рядомъ съ наряднымъ высокимъ горцемъ. Это лѣсной объездчикъ. На немъ высокіе сапоги. Поясь и грудь въ патронахъ. Костюмъ обшился ярко-зеленымъ кантомъ. Въ рукахъ винтовка.

Я прощаюсь съ Филиппомъ и о. Иваномъ.

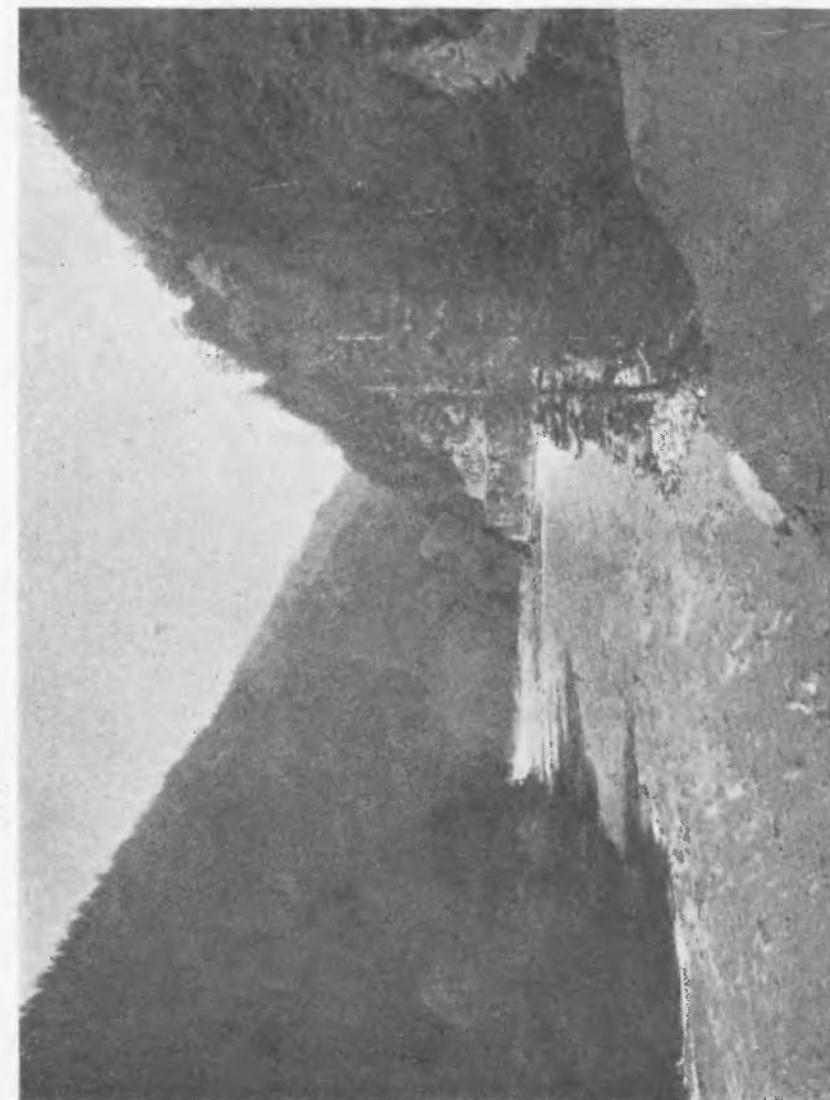
О. Иванъ энергично жметъ руку. Прощаться съ нимъ не грустно, какъ съ о. Сергиемъ и о. Веніаминомъ. Онъ стоитъ такой бодрый, крѣпкій и такъ хорошо улыбается бѣлыми зубами.

Ждемъ нѣсколько минутъ кучера. Наконецъ, онъ появляется изъ духана. Пьянь совершенно! Блаженная улыбка съ мокрыхъ губъ разливается по всему, красному какъ кумачъ, лицу. Онъ дѣлаетъ намъ «общій» поклонъ, но спотыкается и съ чьей-то помощью взбирается на козлы.

Едва я успѣль сѣсть, какъ дукий крикъ на козлахъ оглушилъ меня. Лошади рванулись и мы, какъ бѣшеные, поскакали по дорогѣ.

Мелькнуло лицо о. Ивана, Филиппъ безъ шапки, духаны. Черныя, загорѣлые лица незнакомыхъ людей. Кусты, камни, деревья... Мы летѣли такъ минутъ десять, пока не выѣхали на обычное, узкое шоссе. Всю дорогу наша линейка почему-то упорно стремилась къ канавѣ. И пассажиры не разъ готовы были спасаться бѣгствомъ.

Мой сосѣдъ-объездчикъ, несмотря на свой свирѣпый и воинственный видъ, оказался добродушнѣйшимъ и неумолкаемымъ

Рѣка Кодоръ въ тихій день.

собесѣдникомъ, котораго, впрочемъ, я понималъ съ большимъ трудомъ.

Еще передъ нашимъ отъездомъ изъ Цебельды, о. Иванъ рассказалъ мнѣ его биографію.

Онъ — туземецъ. Служилъ стражникомъ. Прославился необычайной ловкостью въ поимкѣ воровъ. Куда бы ни угнали скотину, хоть за перевалъ, хоть въ Сухумъ—онъ обязательно находилъ ее. Кончилось тѣмъ, что ему пригрозили: если не перестанетъ мѣшать ворамъ—убьютъ. Тогда онъ ушелъ изъ стражниковъ, поступилъ въ объездчики.

— Ваше благородие,—началь онъ со мной разговоръ: —ви съ перевала?..

— Нѣтъ, я до перевала не дошелъ. На Брамбскія горы ходилъ... къ монахамъ.

Горецъ одобрительно закивалъ головой, и весь засіялъ отъ удовольствія, что я его понялъ, и онъ меня понялъ.

— Монахъ... Брамба... Знаемъ, какъ же!... Самъ—Москва?

— Да, изъ Москвы.

— Холедно тамъ?

— Зимой холодно. Сѣверъ!

— Да, да!..—опять засіялъ онъ отъ удовольствія:—холедно, сѣверъ... а дальше?

— Не понимаю... то есть, какъ дальше?

— Дальше... еще холедно... Тамъ!—показалъ онъ въ пространство.

— Еще сѣвернѣе,—наконецъ понялъ я:—тамъ еще холеднѣй...

— А еще дальше?—все больше и больше улыбаясь, допытывался онъ.

— Ну, еще дальше—еще холеднѣй. А тамъ ледъ.

— Ледъ?.. А!.. И холедно и все ледъ!.. Ледъ!..

Онъ былъ почему-то въ полномъ восхищеніи.

А когда я объяснилъ ему, что на самомъ сѣверѣ даже жить нельзя, онъ началъ хохотать и все повторялъ:

— Ледъ... ледъ... И никому нельзя... Сѣверъ!

А потомъ спросилъ:

— Чей ледъ? Руски ледъ?..

Подъѣзжаемъ къ Сухуму. Начинаются дачи и ровныя, покрытыя густой, блѣющей пылью стѣны живой изгороди.

Горецъ говоритъ:

— Баби купаются.

Улыбаясь и щурясь отъ солнца, показываетъ головой на море.

Всѣ пассажиры, мужчины и женщины, поворачиваются посмотретьъ купающихся.

Шоссе идеть по самому берегу. Колеса почти задѣваютъ яркія, разноцвѣтныя пятна сброшенныхъ платьевъ.

У самой воды, у сверкающей нити прибоя стоять раздѣтныя женщины и, смѣясь, перекликаются съ тѣми, которыхъ въ водѣ.

И было что-то золотисто-прозрачное, смѣющееся и покоряющее и въ этихъ набѣгающихъ волнахъ и въ свободной, широкой дали и въ вызывающей близости нагого тѣла.

Загорѣлые плечи, спины и ноги блестѣли прозрачными каплями морской воды, и казались неразрывной частью и моря, и солнца, и ласкающаго влажнаго вѣтра...

Наша линейка давно уже пронеслась мимо, а горецъ все еще нагибался впередъ, щурился, улыбался и старался разглядѣть что-то.

И невольно вспомнились мнѣ слова о. Веніамина: соберемся въ монастырь, дорога дальняя, міромъ идемъ, чего тамъ ни наслушаешься, чего ни насмотришься.

Вотъ онъ міръ блеснуль намъ въ глаза, залитый солнечнымъ свѣтомъ, дразнящей и покоряющей своей красотой. Быть можетъ ни въ чёмъ съ такой полнотой не воплощающейся, какъ въ смѣхѣ и наготѣ женщины.

Можетъ ли не притти больнымъ, разбитымъ, смущеннымъ назадъ, на вершину пустынной горы о. Веніамина, услышавъ, «по дорогѣ въ монастырь» этотъ грѣховный, сладостный смѣхъ, увидя передъ собой сверкающее, безстыдно-обнаженное женское тѣло? Не будетъ ли онъ долгіе мѣсяцы бороться съ искушеніемъ, съ неотступными образами, которые будутъ преслѣдовывать его и на молитвѣ, и на работѣ, и днемъ, и ночью. Не подымется ли въ немъ томительно-страстная и, какъ онъ будетъ думать, безпричинная тоска о жизни шумной, исполненной наслажденья и блеска?..

О. Никифоръ скажетъ:

— Бѣсы идутъ... Сни идутъ!.. Помози Господи... пощади созданіе Свое!..

И по своему, для себя, будетъ правъ.

Но кто пересилить: о. Никифоръ, или женскій смѣхъ, и страстный шопотъ, зовущій куда-то и это врѣзавшееся въ память обвѣянное моремъ, загорѣлое, сильное, нагое тѣло?..

Я вспомнилъ, какъ прощался съ пустынниками на горахъ. И чувство свое, что одна жизнь кончилась, наступаетъ другая... Да, пустыня осталась тамъ! Прекрасная, великая, сосредоточенная въ своемъ напряженномъ порывѣ къ Богу. Миръ начался здѣсь. Тоже прекрасный, ослѣпительный, какъ море, залитое солнцемъ, безконечно любимый, несмотря на всѣ ужасы, грѣхи и соблазны...

И невольно хотѣлось сказать словами псалма:

— Скажи мнѣ, Господи, путь, вонже пойду!..

1916. I. 1.

Май 1915 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“

(Петр., Эртелеевъ пер., д. 6. Тел. № 241—88).

Задача книгоиздательства—дать русскому читателю возможность всесторонне ознакомиться съ сущностью и методами новой мысли, направленной на преобразование духовной и физической природы человека. Въ этихъ цѣляхъ издаются и печатаются цѣлый рядъ книгъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ.

ГРУППА I—Новый человѣкъ. Физическій организмъ.

Новый человѣкъ—А. А. Суворинъ (АЛЕКСІЙ ПОРОШИНЪ). Издание 2-е, дополненное. Съ 71 рис. и черт., 557 страниц. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.

I. Здоровье человѣка и его тѣла. II. Пища и питаніе. III. Жилище. IV. Общественная жизнь. Кооперация. V. Извѣстки. VI. Человѣкъ въ міровоззрѣніи. VII. Новое въ человѣкѣ. VIII. Подсознаніе. IX. Сверхсознаніе. X. Философія индуизма. XI. Востокъ и Западъ о человѣкѣ и міровоззрѣніи. XII. «Аще пе умрешъ, не оживиши».

Приложеніе. «Моя система» Мюллера. «Новая система» А. Аношина. И. И. Мечниковъ о питаніи. Схема пищеварительного аппарата человѣка. Распадение личности. Потребительская кооперация.

Исканія новой жизни (Что такое йога)—П. Д. УСПЕНСКІЙ. Новые течения въ психологіи Запада и ихъ еходство съ древними ученіями Востока. Общее предисловіе къ серии книгъ издательства «Новый человѣкъ». Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Тайна Востока. Скрытая сторона восточныхъ учений. Эзотерическая легенда. Наука юговъ. Йога—ключъ къ мудрости Востока. Йогъ Шри-Рамакришна и его ученики. Пять югъ—пять путей къ Вѣчному. Восточная психологія. Безконечное въ человѣкѣ. Изученіе экстаза. Новое направление западной психологіи. Проф. Джемсъ, д-ръ Беккъ и Хигтонъ. Изученіе ясновидѣнія. Хатха-йога—йога власти надъ тѣломъ и надъ природой. Сходство идей хатха-йоги съ идеями проф. Мечникова. Раджаг-йога—воспитаніе ума и освобожденіе его отъ иллюзій. Приближеніе къ истинному «Я». Карма-йога—йога труда и дѣятельности безъ личныхъ цѣлей. Бхакти-йога—йога религиозного пути безъ идеи личнаго спасенія. Жнани-йога—йога знанія, йога борьбы съ суетѣріями и съ материализмомъ—«Мудрость боговъ» или теософія. Выработка точныхъ критеріевъ для отличенія реальнаго отъ ложнаго. Правила «Свѣта на пути».